Э. К. ПИМЕНОВА

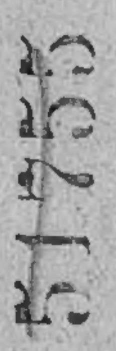
ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛЮСОВ

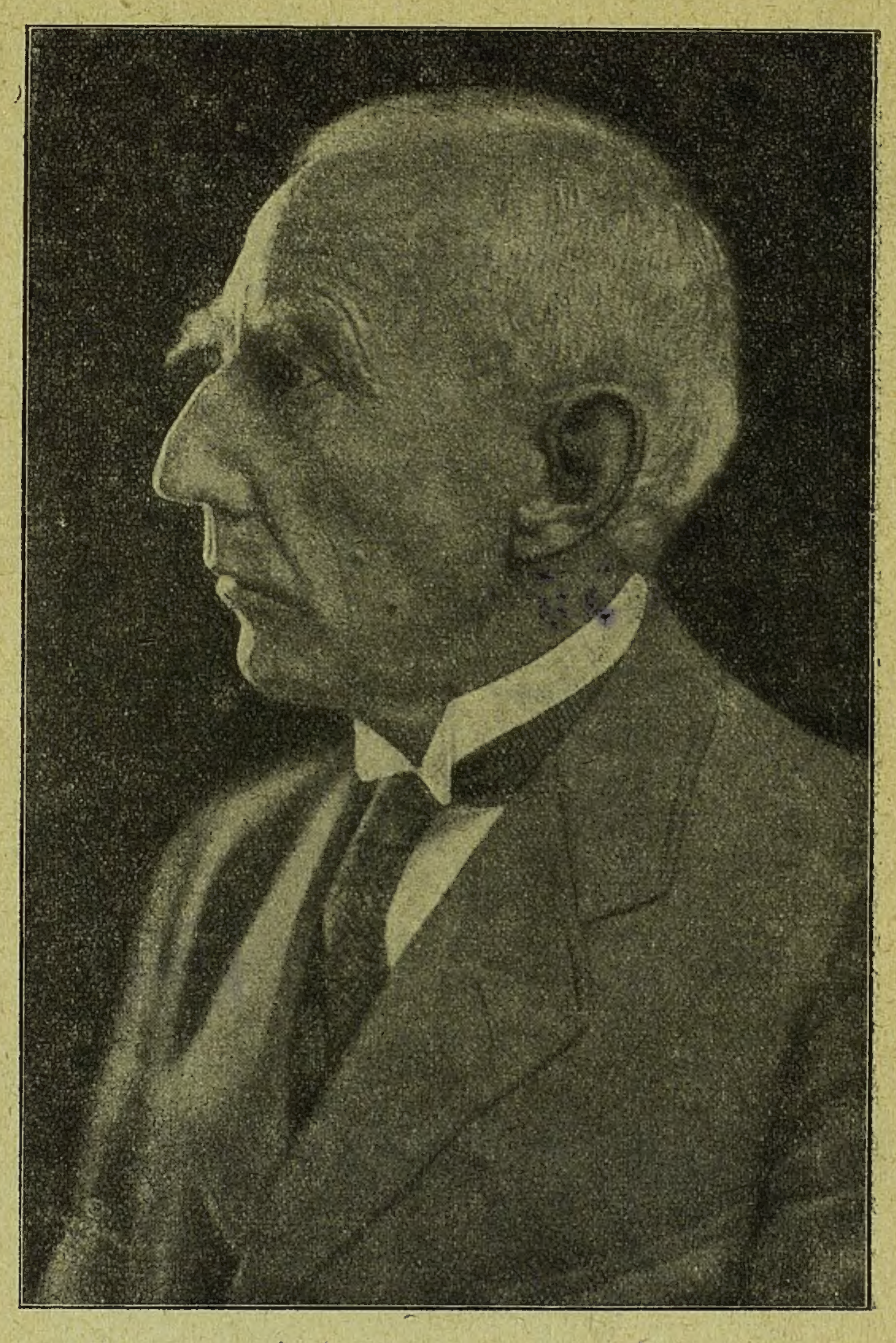
БРОКГАУЗ • ЕФРОН

Э. К. ПИМЕНОВА

ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛЮСОВ

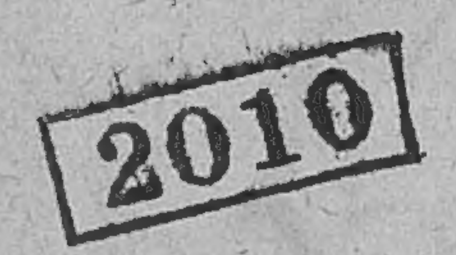
РОАЛЬД АМУНДСЕН

Э. К. ПИМЕНОВА

ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛЮСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1930

Обложка В. В. Твардовского

Ленинградский Областлит № 32715 Тираж 5070 — 7½ л. Заказ № 1602

Государственная тип. им. Евг. Соколовой. Ленинград, просп. Красных Командиров, 29

В ПОИСКАХ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Глава I

Стремление к полюсам. — Отчего Северный полюс был открыт раньше Южного? — Природа полярных стран и ее особенности. — Чудное зрелище. — Где лежат оба полюса? — Животная жизнь в полярных областях. — Первое полярное путешествие. — Усиление интереса к полярным областям. — Северо-западный и северо-восточный проходы. — Экспедиция с целью их открытия.

Полярные страны, отличающиеся очень многими характерными особенностями от всех других стран земного шара, с очень давних времен привлекали к себе отважных исследователей, стремившихся проникнуть в этот неведомый мир, окруженный особой таинственностью в глазах человека. Медленно, с неимоверными усилиями и жертвами, человек преодолевал препятствия, которые воздвигали полярные льды на его пути. Он неуклонно двигался вперед к своей заветной цели. Этой целью было открытие полюсов — *Северного* и *Южного*, доступ к которым был прегражден вечными льдами с их неизбежными спутниками — страшным холодом, мраком полярной ночи, длящейся в течение нескольких месяцев, полярными бурями и призраком голодной смерти.

Но препятствия только возбуждали энергию и изобретательность человека, гений которого побеждал враждебные силы природы. Море и воздух, горы и пустыни — все

подчинил он себе. Он исследовал и продолжает исследовать свою планету вдоль и поперек, и ум его не успокоится, пока все тайны земного шара не будут им раскрыты.

Человек вышел победителем из борьбы с полярной природой. Смелые и мужественные исследователи, пустившиеся в трудное путешествие из соображений экономических и чисто научных, проникали в заповедную, таинственную область вечных льдов и ступили ногой на ту точку земного шара, где находится оконечность воображаемой земной оси, на крайнем севере и на крайнем юге. Тайна, окружавшая оба полюса Земли, наконец, была раскрыта. Разумеется, эта победа была достигнута лишь после упорной борьбы, на которую была затрачена масса энергии и труда и не мало принесено в жертву человеческих жизней. Но всякое открытие, всякое научное завоевание — всегда стоили жертв. Ведь сколько путешественников заплатили жизнью за свое стремление исследовать неизвестные страны, дебри и пустыни в разных частях света, найти новые пути сообщения, в которых нуждалась промышленность! И полярные страны потребовали жертв, но никакие лишения, опасности и страдания не могли остановить исканий человека.

Северный полюс гораздо раньше Южного стал привлекать к себе внимание человека, и это объясняется отдаленностью Южного полюса, который окружен беспредельной морской пустыней, между тем как Северный окружен материками и группами населенных островов.

Природа полярных стран так резко отличается от той, которая нас окружает, что кажется, будто она принадлежит другому миру. Там не существует смены дня и ночи, и небесные светила не восходят и не заходят в течение целых суток. Там магнитная стрелка становится верти-

кально, теряет свою, указывающую на север, силу. В странах вечных льдов наблюдаются поразительные явления на небе и к числу их принадлежит долгое беспрерывное присутствие солнца.

На северном полюсе в течение целых пяти месяцев солнце не заходит за горизонт, совершая полный круг на небесном своде. Остальная же часть года состоит из двух периодов сумерек и беспросветной трехмесячной полярной ночи, во время которой солнце совершенно не показывается над линией горизонта. Но в то время, когда на северном полюсе продолжается длинная, жуткая ночь, на южном — солнце светит беспрерывно, и этот день, в свою очередь, сменяется длинной полярной ночью.

Но долгая полярная ночь время от времени вознаграждает чудным зрелищем человека, зимующего среди вечных льдов в ожидании появления солнца и возможности продолжения путешествия. Взор путешественников иногда радует дивное, чарующее зрелище — северное сияние.

Северное сияние — это волшебная картина, величие которой невозможно описать никакими словами. И путешественник, очарованный ею, забывает на время, что он находится среди суровой полярной пустыни.

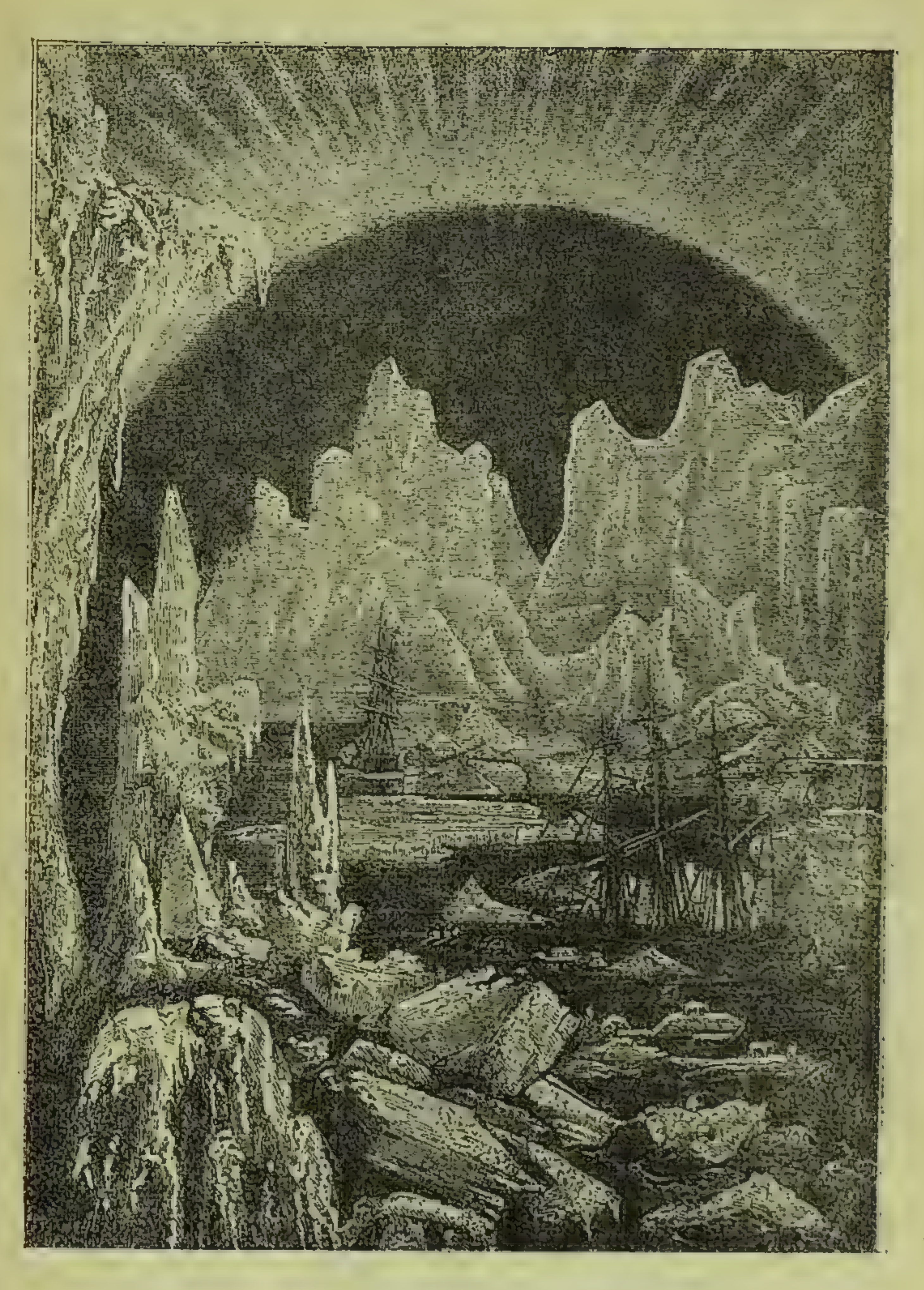
Невозможно словами передать красоту и величие этого явления. Полярные сияния отличаются чрезвычайным разнообразием форм и никогда не повторяются в одном и том же виде. Нередко во время полярного сияния весь небосклон закрывается лучезарной аркой, которая бывает то ослепительно белого цвета, то становится ярко-красной и из нее выделяются пучки разноцветных лучей или же на небе появляются точно гигантские завесы из золота и света, которые ветер колышет. Эти завесы сменяются разноцветными гигантскими колоннами, медленно двигаю-

щимися, беззвучно сталкивающимися и исчезающими. Порою весь небесный свод как будто пламенеет и пламя это двигается и переливается разными цветами. Тогда вершины ледяных гор, снег, ледяная поверхность моря, все как будто загорается миллионами разноцветных огней, вспыхивающих и освещающих беспредельную мертвую ледяную пустыню. Но гаснут эти огни и жуткая мрачная полярная ночь снова вступает в свои права над полярной пустыней и застывшей в своем безмолвии землей.

Холод в полярной области еще более увеличивается благодаря страшным ветрам и бурям, часто свирепствующим там. Но все же самое ужасное — это вечная тьма полярных зим, действующая угнетающим образом на ум и душу человека. Он должен тут призвать на помощь всю свою волю, все свое мужество и терпение, чтобы вынести окружающие его в полярной области непроницаемую тьму и зловещее уединение.

«Нигде нет ни одного признака жизни, ни одного воспоминания о ней, — говорит один полярный путешественник. — Все мертво кругом. Чутко прислушивается человек, не нарушит ли хоть малейший шум эту гнетущую тишину. Но нет, ниоткуда не слышно ни одного звука живого голоса, не раздается ни одного человеческого шага . . . В этой беспредельной ледяной пустыне я слышу только биение собственного сердца . . . Тишина и безмолвие наполняют мою душу ощущением смерти . . .»

Медленно, но неустанно проникал человек через льды полярных океанов к своим заветным целям. Миля за милей, градус за градусом пробирались бесстрашные полярные исследователи вперед, напрягая все свои силы, и ценою страшных неимоверных жертв завоевывали каждый шаг в этих заповедных областях. Теперь тайна, окружающая

Северное сияние.

оба полюса земли, раскрыта, но сколько энергии и человеческих жизней было затрачено, прежде чем удалось этого достигнуть!..

Южный полярный материк необитаем людьми, но в полярной области северного полушария живет одно племя эскимосов. Это самые северные жители на земном шаре, приспособившиеся к чрезвычайно суровым условиям жизни среди жестокой полярной природы. Происхождение этого народа и его скитания в вечных льдах также дают богатый материал полярным исследователям для изучения природы и жизни в этих областях.

С каких отдаленных времен далекий север привлекал внимание человека, указывает, между прочим, путешествие одного из величайших ученых, астрономов и путешественников древности, грека Питея, предпринявшгео в 325 г. до р. Х. плавание в северную часть Атлантического океана и перешедшего, хотя на небольшое расстояние, границы северного полярного круга. Это *первое полярное путешествие*, которое было отмечено в истории человечества. Питей открыл остров, за которым простиралось уже замерзшее море, а дальше он уже не мог итти. Льды и густой туман, обволакивавший все пространство, преграждали ему дорогу. Он вынужден был вернуться обратно.

Существуют разные предположения относительно того, что это за остров, который он открыл. Позднее этот остров получил название «Тулэ». А впоследствии под этим названием подразумевалась Исландия, считавшаяся границей обитаемого мира, за которой уже начиналось бурное и туманное, непроходимое море. Но дальше Питея не проникал ни один путешественник древности на север, и прошло более тысячи лет с тех пор, прежде чем на берегах Исландии появились первые поселенцы. То было

в VIII веке по р. X., когда ирландские монахи впервые высадились в Исландии, а затем начались смелые морские путешествия норманнов.

Великие географические открытия, вместе с развитием и расширением торговых интересов европейских народов, вызвали усиление интереса к полярным областям. Главной причиной было то, что испанцы и португальцы — первые, открывшие морской путь в Индию, установили на него монополию и закрыли этот путь для всех других наций. Само собою разумеется, что другие государства, и прежде всего Англия и Голландия, которых тоже привлекала Индия своими сокровищами, не могли с этим примириться. Они пытались найти другой путь в Индию, вдоль северных берегов Азии или Америки, который вместе с тем был бы короче, так как не надо бы было делать огромный обход вокруг южных оконечностей материков Африки и Америки. Именно это стремление вызвало образование целого ряда полярных экспедиций (не менее 184-х), начиная с конца XV столетия имевших целью открытие *северо-западного и северо-восточного проходов*.

Первым в этом отношении был Джон Кабо или Джиовани Габотто, который еще за 13 месяцев до Колумба высадился на восточном берегу Америки. Он пытался, но безуспешно, найти северо-западный проход, чтобы открыть морской путь в Китай, но вместо этого открыл американский материк раньше Колумба, сам не подозревая этого. После его смерти его сын Себастиан Кабо тоже занимался разработкой проектов открытия северо-западного прохода, поощряемый к этому англичанами. Но когда все такие попытки найти кратчайший путь в Китай через северный полюс окончились неудачей, то англичане отказались во второй половине XVI века от мечтаний о северо-западном

проходе и обратили свои взоры на восток. По инициативе того же Себастиана Кабо было основано английское торговое общество, искавшее новых путей сообщений для торговли с Китаем. Один из таких путей должен был обойти вокруг северной оконечности Европы и северных азиатских берегов России и пройти по Оби и главному ее притоку Иртышу до самого Китая.

Как мы уже отмечали, желание найти северо-западный или северо-восточный путь к богатствам Китая и Индии вызвало появление целого ряда экспедиций, — но так как ни одна из них не достигла цели, то в XVII веке эти поиски были прекращены. Некоторые из этих экспедиций закончились трагически. Так погибла экспедиция Виллоугби. Он должен был зимовать на Кольском полуострове. Это была первая полярная зимовка, и так как люди были к ней не подготовлены, то все 62 человека, участвовавшие в экспедиции, погибли от голода, холода и цынги.

Когда англичане, после всех этих неудач, отказались от дальнейших попыток, то их сменили голландцы. Они назначили премию за открытие северо-восточного прохода и в течение четырех лет снарядили три экспедиции. Во главе этих новых попыток находился знаменитый голландский мореплаватель Вильгельм Барентс. Он прошел Карским морем, обогнул Новую Землю и открыл новый остров, названный им «Медвежьим», так как на этом острове он застрелил белого медведя. Экспедиции пришлось зимовать на северо-восточном берегу Новой Земли. Зима была жестокая, и люди сильно страдали от страшного холода. Несмотря на то, что в их деревянной хижине постоянно поддерживался огонь, постели их покрывались ледяной корой, а одежда и сапоги замерзали на теле. Медведи и

лисицы бегали по крыше и залезали в дымовую трубу, где их расстреливали. И такое положение длилось целых девять месяцев. Но в довершение беды корабль их оказался раздавленным льдинами, и несчастным путешественникам ничего больше не оставалось, как пуститься в обратный путь в двух простых открытых лодках. Пятеро из них не выдержало страданий и умерли. В числе их был и В. Барентс, которого похоронили на берегу Новой Земли.

Спустя 300 лет после этого норвежец Карльсен открыл хижину голландцев, где они зимовали. Хижина была в таком виде, как будто люди только что покинули ее. Вокруг дома лежали бочки и кучи костей животных, а внутри, вдоль стен, сохранились скамьи, часы еще висели на своем месте и лежали инструменты, книги и всякая утварь. Найдено было также описание путешествия, сделанное рукой Барентса. Он сложил его в комок и запрятал в пороховой рог, который повесил на трубе.

Все эти многочисленные экскурсии, вызванные, главным образом, экономическими и торговыми интересами, хотя и не достигали своей прямой цели, но чрезвычайно много сделали для исследования полярных областей и для открытия новых стран, островов и проливов. Генри Гудзон, например, в самом начале XVII столетия открыл в Америке большой залив, который теперь называется его именем. Он не предполагал отправляться в Америку, а хотел проехать в Японию через Северный полюс. Конечно, его отчаянная попытка пробиться через сплошные льды не имела успеха, и тогда он направился к Америке и высадился в одной из бухт большого залива. Там он хотел перезимовать, чтобы весной отправиться дальше, но его экипаж взбунтовался и, посадив его в шлюпку, бро-

сил его на произвол судьбы вместе с несколькими матросами, которые не пожелали оставить его.

Также трагически кончилась и экспедиция датчанина Беринга, состоявшего на русской службе. Он совершил, начиная с 1725 года, ряд путешествий в северную часть Великого океана, с целью решить вопрос: «соединяется ли Азия с Америкой», и открыл пролив, отделяющий оба материка, названный его именем. Но во время одного из своих путешествий он потерпел крушение и высадился на остров в 185 км. от Камчатки. Этот остров назван теперь островом Беринга в честь отважного путешественника.

Погибшего Беринга называют первым русским мореплавателем, но в действительности честь открытия пролива, отделяющего Азию от Америки, принадлежит не ему, а русскому казаку Семену Дежневу, который за сто лет до этого доказал существование этого пролива между Старым и Новым Светом. Он проплыл вдоль полярного побережья до восточного мыса Азии, который и носит теперь его имя.

Но открытия Дежнева в течение долгого времени были преданы забвению, погребенные в архивах. Однако, русские не отставали в деле изучения сибирского полярного побережья и его берегов.

В XVIII веке была снаряжена ими одна из величайших научных экспедиций, известная под названием *Великой Северной Экспедиции*, в которой принимали участие и многие немецкие ученые. Это предприятие тоже имело в виду открытие северо-восточного прохода, и хотя эта цель не была достигнута, но экспедиция сделала много блестящих открытий в этой области.

В XIX столетии попытки отыскать северо-восточный и северо-западный проходы возобновились, но при этом на-

чал сильно возрастать интерес к исследованию и изучению полярных стран. Первоначальная экономическая цель отыскания новых путей уступила место чисто научной. Знаменитый английский путешественник и ученый Джон Барроу, основавший в Лондоне Географическое общество, способствовал своей неутомимой агитацией тому, что английское правительство взяло на себя все расходы по снаряжению полярных экспедиций и даже стало считать изучение полярных стран национальной задачей Англии. Тогда-то начался ряд замечательных полярных путешествий, к числу которых принадлежат полярные экспедиции Джона Росса и его племянника Джемса Клерка Росса, который находился потом во главе экспедиции к Южному полюсу, снаряженной английским правительством с целью производства наблюдений над земным магнетизмом.

Джон Росс, в экспедиции которого участвовал и его молодой племянник, пробыл 4½ года в безвестном отсутствии, и его считали уже погибшим. Это была одна из самых замечательных экспедиций, которая провела четыре зимы в полярных льдах, что представляло беспримерный случай, почти не повторявшийся с тех пор. Только благодаря предусмотрительности другого знаменитого полярного путешественника Эдуарда Пэрри, оставившего за восемь лет перед этим съестные припасы на строве Кокберн, Росс и его смелые спутники не погибли от голода, и, проведя четвертую зиму, летом были подобраны кораблем, высланным на поиски следов его экспедиции. Около этого времени известный русский путешественник Врангель пробрался от берегов Сибири далеко на север. Его именем названа земля в Северном Ледовитом океане, открытая американским китоловом Лонгом недалеко от того места, которое отметил Врангель на своей карте.

Глава II

Экспедиция Франклина и ее судьба. — Поиски Франклина. — Открытие Северного магнитного полюса. — Спор о свободном полярном море. — Искание полюса. — Путешествие на льдине. — Учреждение полярных станций. — Международные полярные конгрессы. — Судьба одной из полярных станций.

Эдуард Пэрри установил во время своего полярного путешествия существование непрерывного морского пролива с востока на запад, к американскому побережью, но пролив этот непригоден для плавания, так как очищается от льда всего на несколько месяцев в году. После того состоялась замечательная экспедиция Джона Франклина для исследования американского побережья Ледовитого океана, чтобы избрать лучший и кратчайший путь к берегам Азии. Несмотря на величайшие трудности, Франклин прошел через весь север американского материка и пересек ледяную пустыню в 5.550 миль. Он высадился на берегу Гудзонова залива и отправился на север. Путь его пролегал по совершенно безлюдной глухой местности. Однако, несмотря на необычайные страдания, которые ему пришлось вынести во время этого путешествия, Франклин все-таки через три года отправился вторично туда же, чтобы в точности исследовать береговую линию Ледовитого океана. Ему не удалось открыть северо-западный проход, свободный от льда, но

научные результаты его обоих путешествий были громадны. Он исследовал совершенно неизвестные до того времени берега Ледовитого океана, собрал множество сведений о племенах индейцев и эскимосов, населяющих полярную Америку, и побывал в таких местах, куда еще не проникал до него ни один европеец.

Франклин благополучно возвратился из своих двух экспедиций, но третья полярная экспедиция, которую он предпринял, оказалась для него роковой: он из нее не вернулся!

Эта злополучная экспедиция отправилась из Англии в мае 1845 г. на двух пароходах «Эребус» и «Террор», только что вернувшихся с Джемсом Россом из путешествия к Южному полюсу. Экипаж пароходов состоял из 129 человек, и Франклина сопровождали опытные моряки, бывавшие уже в полярных экспедициях. Казалось, все было предусмотрено для обеспечения благополучного исхода, так как экспедиция, кроме того, была снабжена съестными припасами в расчете на пять лет. Летом того же года два китобойных судна встретили «Эребус» и «Террор» в бухте Мельвилля, где Франклин решил зимовать, и привезли на родину письма Франклина и всех участников экспедиции. Полученные известия были самого успокоительного свойства, но это были первые и последние известия, полученные от экспедиции.

Вначале, однако, отсутствие известий не возбуждало особой тревоги, но престарелый полярный путешественник Джон Росс уже в 1847 году стал высказывать опасение, что Франклин погиб. Он убеждал английское правительство снарядить экспедицию на поиски Франклина и его спутников и просил предоставить ему руководство спасательной экспедицией. Но члены адмиралтейства не верили

в гибель экспедиции Франклина, а потому предложение Росса было отклонено.

Через год, однако, беспокойство насчет участи экспедиции стало усиливаться, и с этого момента, до 1879 года, более сорока спасательных экспедиций, названных «Искателями Франклина», предпринимались в разных странах. Участники экспедиций выказывали чрезвычайно много самоотвержения и героизма, и вообще это был беспримерный в истории случай оказания помощи в таких грандиозных размерах.

Первые три экспедиции, отправившись в 1848 году на поиски Франклина, были безрезультатны. После них было еще отправлено 16 экспедиций, снаряженных с большими материальными затратами, но ни одна из них не имела успеха. Тогда английское правительство решило прекратить дальнейшие поиски и вычеркнуть имя Франклина, как умершего, из списков флота. Премия, назначенная правительством за спасение Франклина, была выдана в половинном размере Джону Рэ, который привез из своего четвертого путешествия некоторые сведения об участи экспедиции. Джон Рэ встретил на полуострове Буффия, представляющем самый северный выступ американского континента, соединенный с ним узким перешейком, эскимосов, которые рассказали ему, что несколько лет тому назад много белых людей шли на юг вдоль берега земли короля Вильгельма и что они покинули свой корабль, раздавленный льдами. Спустя некоторое время их было уже вдвое меньше, а затем и никого не стало. Последние из них до самой своей смерти питались мясом своих товарищей. Джону Рэ удалось выменять у эскимосов много вещей, принадлежащих участникам экспедиции. После этих сведений, конечно, уже нельзя было надеяться застать в живых кого-нибудь из отважных

путешественников. Еще одна экспедиция, отправленная в места, указанные Рэ, подтверждала все сказанное им, но не нашла нигде ни трупов, ни могил.

Однако, хотя правительство и прекратило дальнейшие поиски, но в народе все еще держалась надежда на то, что можно спасти хотя кого-нибудь из членов несчастной экспедиции. Двенадцать лет уже прошло со времени ее исчезновения, но неутомимая лэди Франклин снарядила на свои последние средства винтовую яхту «Фоке», на которой Мак Клинток отправился на новые поиски. Он нашел на земле короля Вильгельма первые скелеты, утварь, одежду и разные остатки экспедиции, а под кучей камней, в металлической коробке, было найдено первое и единственное подлинное сообщение об экспедиции Франклина. Первая запись была сделана в конце мая 1847 года, и она не заключала в себе ничего тревожного. Но вторая запись, в апреле 1848 года, была уже совсем другого рода и в ней сообщалось о смерти Франклина, а также 9 офицеров и 15 матросов.

Последняя экспедиция, отправившаяся на поиски Франклина, была послана в 1879 г. нью-йоркским купцом Моррисоном под командой морского офицера Шватки. Его сопровождали, между прочим, один художник, Генрих Клучак, и один журналист-корреспондент. Путешественники в течение целого года, ведя эскимосский образ жизни, шли пешком по земле короля Вильгельма по тому направлению, по которому, как указывали эскимосы, шли последние спутники Франклина. Действительно, на этом пути они находили многочисленные скелеты и погребали их, но, к сожалению, никаких документов и записей не было найдено. По всей вероятности, они были уничтожены эскимосами. По тем скудным сведениям, которые им удалось

собрать, оказывается, что по смерти Франклина, которая произошла, как указано в записи, 11 июня 1847 года и после третьей зимовки, экипажи судов покинули свои корабли; при попытке добраться до американского континента люди погибали один за другим от голода, тем более, что доставленные фабрикантом Гольднером для экспедиции мясные консервы оказались недоброкачественными и их пришлось выбросить.

Оставшаяся в живых маленькая группа людей с великими усилиями перебралась на материк, но там погибла. Эскимосы не оказали им никакой помощи, может быть, даже избивали их. Несчастные были оставлены на произвол судьбы, и некоторые обстоятельства указывают, что вследствие страшных мук голода они действительно питались мясом своих умерших товарищей. И ни один человек из этой экспедиции не остался в живых! Вероятно, все погибли в 1848/49 году.

«Искатели Франклина», к сожалению, не достигли своей главной цели. Между тем, в одном только 1850 г. 16 судов обследовали в поисках Франклина полярное побережье Северной Америки. Принимались всевозможные меры: в море бросались медные цилиндры и бутылки с записками, устраивались склады съестных припасов, делали надписи на складах, выпускали маленькие воздушные шары, высыпавшие целый ряд ярко-окрашенных листков бумаги с напечатанными на них сведениями и, кроме того, ловили целые стаи полярных лисиц, надевали им металлические ошейники и затем снова отпускали на волю. Все было напрасно! Единственное, что удалось найти, это были могилы на острове Бичей троих участников экспедиции Франклина, а также разные остатки зимней квартиры.

Но все эти экспедиции, отправлявшиеся на поиски Франклина, сделали очень много для науки. Исследование полярных областей значительно подвинулось вперед и интерес к полярным странам увеличился. Тогда-то возник вопрос о научном завоевании полюса. Многие географы и исследователи предполагали, что между арктическими областями Америки и Азии находится открытое полярное море, сравнительно легко проходимое и согреваемое вероятно какой-нибудь ветвью теплого морского течения Гольфстрема. Но дальнейшие полярные экспедиции опровергли это.

Чрезвычайно важное открытие было сделано Джемсом, племянником Джона Росса, отправившимся вместе со своим дядей в полярное путешествие на колесном пароходе «Виктория» (Победа), за несколько лет до экспедиции Франклина. Молодой Росс, предпринявший несколько путешествий на санях, открыл на пустынном плоском берегу, в юго-западной части полуострова Буфия, одну из величайших физических тайн. В этой части северного полушария, под 70° 5' сев. широты и 96° 46' зап. долготы находится магнитный полюс, т.-е. та точка, где свободно висящая магнитная стрелка становится вертикально к горизонтальной плоскости. Только два полярных путешественника посетили впоследствии это место: Мак Клинток, руководитель спасательной экспедиции в 1859 г. и Амундсен — в 1904 г.

По прекращении поисков Франклина целью полярных экспедиций сделались: разрешение спора, продолжавшегося 24 года, об открытом на севере полярном море и достижение северного полюса. Первая задача была разрешена, и доказано, что никакого свободного от льдов полярного моря не существует, но многочисленные экспедиции,

отправлявшиеся для его открытия, принесли огромную пользу географической науке.

Вторая задача — открытие полюса — потребовала еще большей затраты усилий и времени. Одним из первых исследователей, поставивших себе целью достижение полюса, был американский врач Кент Кэн, участвовавший в спасательной экспедиции 1853 года. Он хотел достигнуть через пролив Смита свободного полярного моря, в существование которого тогда верили очень многие, но убедился, что в действительности свободного прохода нет. Путешественникам пришлось прожить два года во льдах в ожидании своего освобождения, но после второй зимовки, когда им стал грозить призрак голода, Кент Кэн решил покинуть судно и отправился со своими спутниками через льды к югу. Они передвигались с большими трудностями целых 84 дня, пока не достигли датских поселений в Гренландии, откуда могли отправиться на родину. Кент Кэн был первым из полярных исследователей, перезимовавшим под высокой широтой в 78½°. Он открыл также в Гренландии величайший из всех полярных глетчеров — ледник Гумбольдта, имеющий более ста километров в ширину.

В 1871 году американцы снарядили новую полярную экспедицию на пароходе «Полярис», которая должна была попытаться проникнуть через пролив Смита как можно дальше к северу. Вначале плавание «Поляриса» было удачно, но уже в сентябре льды преградили кораблю дальнейший путь. Начальник экспедиции, капитан Галль, хорошо знакомый с полярными странами, решил остановиться на зимовку в небольшой гавани, но во время одной из санных поездок капитан Галль сильно простудился и умер. Его смерть была страшным ударом для всех членов экспедиции, и когда судно в следующем году осво-

бодилось от льда, то решено было отправиться в обратный путь. Однако, при выходе из гавани корабль так затерло льдом, что пришлось спешно выгрузить на лед все припасы. Тут произошло несчастие: льдина, на которую высадился экипаж, вдруг отделилась от судна и ее стало уносить течением к югу. На льдине, имевшей окружность около 8 километров, осталось 19 человек; съестных же припасов и топлива было немного. Путешественники соорудили из снега небольшую хижину для защиты от ветра и непогоды и несколько примирились с мыслью о путешествии на ледяном плоту, который относило ветром и течением все далее к югу. Они даже отпраздновали рождество с наивозможной торжественностью таким образом, что поделили между собой последний окорок ветчины и съели мясные консервы. Затем им пришлось питаться только мясом случайно убитых тюленей. Кроме голода, путешественникам еще грозила другая страшная опасность. От льдины, попавшей в теплое течение, стали отламываться куски и поверхность ее все уменьшалась. Вскоре уже нельзя было больше оставаться на ней, но у них, к счастью, оставалась лодка. Они пересели в нее только для того, чтобы перебраться на другую пловучую льдину, так как лодка была слишком мала для такого количества людей. Положение их было отчаянным, и они ужасно страдали от холода, потому что были постоянно мокрые. Голодная смерть казалась неизбежной, но одному из них удалось убить плывущего на льдине белого медведя и это их спасло. После семимесячного ужасного плавания на льдине они вдруг увидали пароход. Это было китоловное судно, которое заметило их и подошло к льдине. Можно представить себе радость несчастных путешественников, считавших себя уже погибшими!

Их товарищи, 14 человек, оставшиеся на «Полярисе», тоже спаслись в конце концов. Им удалось подвести к берегу полузатонувший корабль. Они перенесли туда все оставшиеся припасы и из деревянных частей построили себе хижину, в которой перезимовали. Весной же они пустились в плавание на двух лодках и двадцать дней плыли по волнам полярного океана, пока их не подобрало, наконец, китоловное судно.

Несмотря на неудачный исход этой экспедиции, ее научные результаты все же были очень значительны. Вслед за Америкой, Англия снарядила свою первую экспедицию к северному полюсу в 1875 году, которая должна была продолжать исследования «Поляриса»; руководителем этой экспедиции был Нэрс, принимавший также участие в поисках Франклина. Он опроверг мнение о существовании свободного моря и заявил категорически, что «северный полюс недосягаем». Море же к северу оказалось непроходимым хаосом ледяных глыб. Экспедиция Нэрса, однако, достигла такого места, откуда до полюса оставалось уже только 150 миль.

Каждая из полярных экспедиций расширяла область человеческих знаний, и люди все дальше продвигались к полюсу; поэтому неудивительно, что, несмотря на все неудачи, всякий раз возникали планы новых экспедиций. В 1875 г. Соединенные Штаты Америки, совместно с европейскими государствами, созвали международный полярный конгресс, на котором было решено учредить двенадцать полярных станций. Устройство их взяли на себя девять государств: Россия, Англия, Соединенные Штаты, Германия, Голландия, Швеция, Норвегия, Нидерланды и Франция.

Конгресс собирался после того еще два раза: в Берне в 1880 г. и в Петербурге в 1884 г., при чем были выра-

ботаны обширные программы для экспедиций и занятий на полярных станциях. Соединенные Штаты устроили две станции на самых северных пунктах своего материка. Основание одной из этих станций на земле Гранта было поручено лейтенанту Грили. Но его экспедиция окончилась несчастливо. Корабль, который должен был прийти за Грили на следующий 1882 год, не добрался до места его зимовки; поэтому Грили и его спутники должны были остаться и на вторую зиму в полярной области. Перезимовав с большим трудом и не дождавшись помощи, они решили отправиться пешком к югу, надеясь добраться до какого-нибудь склада провианта или до одного из датских поселений в Гренланди. Но горы льда преградили им путь и им пришлось провести третью страшную зиму во льду. У них вышли все припасы, и они вынуждены были даже есть кожу от обуви и платья. Голодная смерть уносила одного за другим. Остались в живых из 26 человек только шесть, в том числе Грили. Их удалось спасти вспомогательной экспедиции. На многих трупах оказались отрезанными куски мяса, которыми питались оставшиеся в живых. Многочисленные записи и коллекции, собранные экспедицией, сохранились в целости.

Глава III

Плавание в северо-восточном проходе. — Путешествие Норденшильда. — Поиски Норденшильда. — Экспедиция «Жанетты». — Ее судьба. — Исследования Гренландии. — Путешествие Нансена на лыжах. — Датские экспедиции в Гренландию. — Полярный Робинзон.

Мысль о северо-западном проходе был оставлена, но поиски северо-восточного прохода продолжались. Русские путешественники в XVII и XVIII столетиях исследовали почти все северное побережье Сибири и открыли пролив, разделяющий материки Азии и Америки. Русский купец Никита Шалауров в XVIII веке мечтал найти проход из Атлантического океана в Великий океан и открыть путь через Северный океан в Индию. Но после неоднократных неудачных попыток он погиб в 1724 году.

В 1820 году по повелению императора Александра I были отправлены две экспедиции для исследования Ледовитого океана и берегов Северо-восточной Сибири. Первая экспедиция была под начальством Врангеля, который, добравшись через Сибирь до Нижне-Колымска, отправился оттуда на собаках к Шелагскому мысу, где погиб купец Шалауров. Определив положение этого мыса, Врангель вернулся в Нижне-Колымск.

Выдающимся спутником и помощником Врангеля в его экспедиции был мичман Федор Федорович Матюшкин,

товарищ Пушкина по лицею. Врангель назвал один из открытых им мысов во время своей поездки по льду в море «мысом Матюшкина».

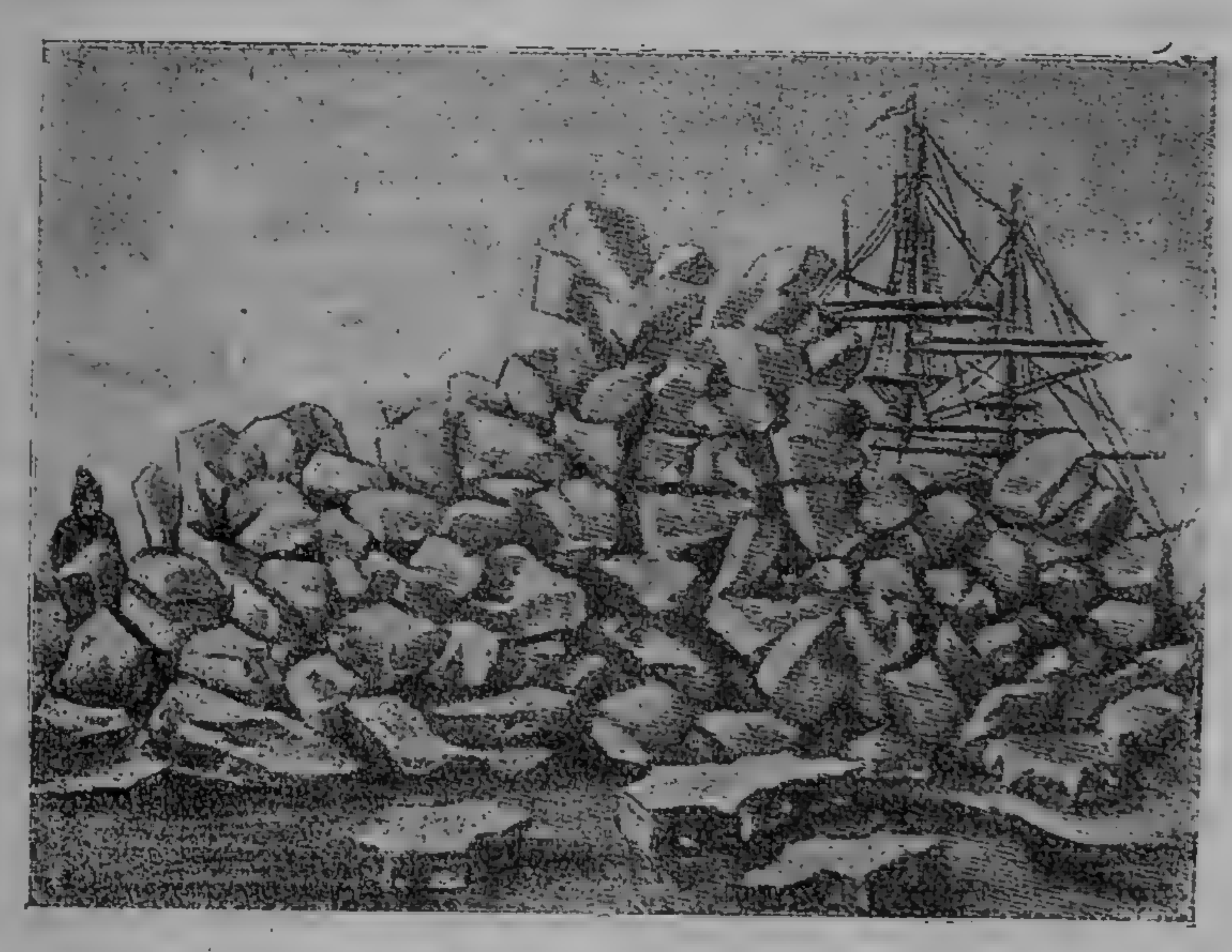
Экспедиция Врангеля и Матюшкина выяснила, что в ближайшем расстоянии от северного побережья Сибири нет никакой земли, но по показаниям жителей на севере существует неизвестная страна, наиболее приближающаяся к берегу азиатского материка. Действительно, американский китолов Лонг открыл землю недалеко от места, намеченного Врангелем на карте Ледовитого океана, и назвал ее «Землею Врангеля».

Теоретически была доказана возможность плавания мимо северных берегов Европы и Восточной Сибири, так как экспедиция Врангеля видела тут открытое водное пространство, названное «Большой Полыньей», но все же только спустя 50 лет после путешествия Врангеля была снаряжена морская экспедиция с целью открытия северо-восточного морского прохода. Это была австрийская экспедиция Пайера и Ваппрехта, на корабле «Тегетгоф», отправившаяся в 1872 году. Корабль затерло льдами у Новой Земли, и он был отнесен ими далеко к северу. Это было подневольное плавание, во время которого был открыт целый архипелаг неизвестных дотоле островов. Пробыв в ледяном плену два года, путешественники бросили свой пароход и после трехмесячного, крайне тяжелого и опасного путешествия пешком по льду и на лодках они добрались до Новой Земли, где им оказали помощь русские промышленники.

Но удачное плавание знаменитого шведского путешественника Норденшильда, два раза отправлявшегося из Европы к берегам Сибири и обратно, подтвердило существование северного морского пути из Западной Европы

в Сибирь, и у Норденшильда возникла мысль пройти на одном и том же судне из Атлантического в Великий океан, вокруг северных берегов Азии.

Свой проект Норденшильд представил шведскому королю Оскару VI, который дал часть денег на снаряжение экспедиции. Остальная же сумма была дана шведским

Корабль затерло льдами.

купцом Диконом и русским золотопромышленником Сибиряковым. На эти средства Норденшильд снарядил специально построенный корабль «Вега».

Плавание началось в июне 1878 года и проходило вполне благополучно, хотя уже в начале сентября стали встречаться на море «айсберги», плавающие ледяные горы. В конце сентября, когда оставалось всего лишь несколько

миль до Берингова пролива, пришлось остановиться на зимовку и приготовиться к встрече полярной зимы. Путешественники пробыли во льдах до 18 июля, когда, наконец, «Вега» освободилась от ледяных тисков, пробыв в ледяном плену триста дней. Корабль двинулся на восток и уже через двое суток вступил в Берингов пролив, откуда «Вега» отправилась в Японию. Норденшильд, следовательно, разрешил вопрос о северо-восточном проходе, но и этот проход, как и северо-западный, оказался мало пригодным для практических целей; однако, экспедиция Норденшильда все же доказала, что плавание из портов Северной Европы в устья великих сибирских рек вполне возможно.

Норденшильд не имел возможности послать в Европу известие о своей судьбе, когда остановился зимовать во льдах Северного Ледовитого океана; поэтому многие считали его погибшим или потерпевшим крушение. Тогда весной 1879 года Сибиряков отправил на поиски «Вега» пароход, названный им «Норденшильд», но пароход этот потерпел аварию у берегов Японии. В это же самое время владелец известной американской газеты «Нью-Иорк Герольд» Гордон Беннэт снарядил пароход «Жанетту», под начальством де-Лонга, который должен был собрать сведения о Норденшильде и попытаться пробраться к полюсу. Когда первая часть поручения была исполнена и сведения о Норденшильде получены, то экспедиция двинулась к северу. Но судьба ее была роковой. «Жанетта» попала в ледяные тиски, из которых ей не суждено было освободиться. В течение 21 месяца она носилась по воле ветров и течений, но в конце концов корабль не выдержал давления льдов и получил пробоину. В продолжение 17 месяцев насосы работали день и ночь, чтобы

не дать кораблю затонуть, но спасти сильно поврежденное судно было невозможно, и «Жанетта» пошла ко дну. Часть припасов была спасена на льду. Экипаж «Жанетты» направился к устью Лены, надеясь там найти русских промышленников. У Новосибирских островов люди увидели открытое водное пространство и на лодках стали быстро двигаться к югу, но налетевшая буря разбросала их в разные стороны. Одна из лодок была занесена ветром через четверо суток к тунгузскому селению у одного из восточных рукавов Лены, и все 11 человек, находившиеся в лодке, добрались оттуда к русскому поселению. Лодка, где находился де-Лонг, тоже была принесена к устью Лены, но в совершенно пустынную область, где не было никакого жилья, так что весь отряд, за исключением двух матросов, посланных вперед за помощью, погиб от холода и голода. Третья же лодка, где было восемь человек, исчезла совершенно бесследно.

Не получая известий о судьбе «Жанетты» в течение двух лет, американцы снарядили несколько экспедиций на ее поиски. Товарищ де-Лонга, Мельвиль, спасшийся на первой лодке, несмотря на перенесенные ужасы, ни за что не хотел вернуться в Европу и решил во что бы то ни стало искать своих прежних спутников. Он продолжал поиски у устьев Лены и, действительно, на одном мысу нашел в снегу три трупа. То были: де-Лонг, доктор и повар «Жанетты». Возле де-Лонга находилась его записная книжка, — его дневник, который он вел до последней минуты. Записки эти производят потрясающее впечатление, так как в них изображена безнадежная борьба горсти обреченных на смерть людей против могущественных сил природы. В течение 140 дней де-Лонг отмечал

в своем дневнике все перипетии своих скитаний, которые терпел он и его товарищи. Последние девять дней он лишь кратко отмечал их смерть.

Он написал:

Пятница 21 октября. 131 день. Около полуночи мы с доктором нашли мертвым Кайга. Он лежал между нами. Ли умер в полдень. Пока он лежал в агонии, мы читали молитвы о страждущих.

Суббота 22 октября. 132 день. Мы слишком слабы, чтобы отнести тела Ли и Кайга.

Воскресенье 23 октября. 133 день. Все очень слабы. Сегодня немного спали. Принесли дров для костра. Прочитал отрывок из воскресных молитв. Все страдают ногами. Нет обуви.

Понедельник 24 октября. 134 день. Страшная ночь.

Вторник 25 октября. 135 день.

Среда 26 октября. 136 день.

Четверг 27 октября. 137 день. Иверсен совершенно обессилен.

Пятница 28 октября. 138 день. Рано утром Иверсен умер.

Суббота 29 октября. 139 день. Сегодня ночью умер Дреслер.

Воскресенье 30 октября. 140 день. Бойц и Герц умерли ночью. Коллинс умирает.

На этом дневник обрывается. Вероятно, 1 ноября он сам последовал за своими товарищами в снежную могилу.

Обширная страна на крайнем северо-востоке Америки, далеко выдвинувшаяся к полюсу и называемая Гренландией, конечно, привлекала внимание исследователей.

Жизнь там возможна только на ее береговой полосе, вся же остальная поверхность страны покрыта сплошной ледяной корой. Но именно это обстоятельство и представляет огромный научный интерес. Там можно изучить полярную природу со всеми ее особенностями. Кроме того, ледяной покров Гренландии представляет огромный интерес в том отношении, что он дает возможность изучать явления отдаленного периода в истории нашей земли, когда большая часть средней Европы, Европейской России, Северная Европа и Северная Америка были одеты таким же ледяным покровом, как теперь Гренландия. Ледяной покров Гренландии спускается к морю и даже образует настоящие ледники (глетчеры), от которых отделяются в море громадные ледяные горы (айсберги).

Научные исследования Гренландии начались с ее берегов, и до последнего времени внутренность страны оставалась неизвестной. Во второй половине XIX века состоялось несколько удачных экспедиций на ледяное плато Гренландии.

В 1883 году Норденшильд прошел километров сто от берега, а американский путешественник Роберт Пири, — тот самый, который открыл потом Северный полюс, прошел на 160 километров в глубь страны, но дальнейшее продвижение ему преградили ледяные утесы и чрезвычайно глубокие трещины во льду.

Попытка пересечения Гренландии с востока на запад, увенчавшаяся успехом, была сделана Нансеном в 1887 году. Он решил переехать на лыжах весь этот остров поперек, но когда он изложил свой проект многим шведским и норвежским ученым, и в том числе Норденшильду, то большинство из них отнеслось к нему отрицательно, так как внутренние области Гренландии считались совершенно не-

доступными. Однако, Нансен все же решил выполнить свой план, несмотря на все высказанные сомнения.

Он просил правительство выдать ему пособие для организации своей экспедиции, но правительство ответило на его просьбу отказом, заметив, что не может тратить средства на столь безумное предприятие. Нансен тогда решил потратить на это свои собственные средства и взял, кроме того, взаймы у одного богатого датского купца. Убежденный, что успех экспедиции будет зависеть, главным образом, от ее снаряжения, он все свое внимание обратил на ее правильную и тщательно обдуманную подготовку. Конечно, он подобрал для себя и подходящих спутников.

У берегов Гренландии, в виду того, что судно, на котором он ехал, было окружено пловучим льдом, он, по предложению капитана, высадился на льдину, чтобы попробовать перебраться по льду на берег. Но течением отнесло эту льдину далеко на юг, и Нансен со своими спутниками целых десять дней носился на льдине, рискуя ежеминутно погибнуть. Наконец, льдина попала в такое место, где течение было более слабое, и тогда он спустил бывшую с ним лодку на воду, и после необычайных усилий ему и его спутникам удалось, в конце концов, высадиться на берег.

Но затруднения не кончились. Пришлось подниматься в гору по обледенелому снегу, и в довершение всего вскоре наступили морозы, доходившие до сорока градусов, и часто свирепствовали снежные бури, засыпавшие снегом путешественников. И только когда путешественники взобрались на вершину плоскогорья, то увидали безоблачное небо. Солнце ярко светило, играя всеми цветами радуги на бесконечной снежной равнине. Зрелище

было великолепное, однако, яркая белизна снега до такой степени слепила глаза, что приходилось итти в темных очках.

Несмотря на все трудности пути, путешественники проходили ежедневно верст по тридцати и вечером, останавливаясь на ночлег, разбивали палатку. Нансен исполнял, кроме того, и должность повара, варил обед на спиртовой лампе и угощал своих спутников чаем.

— Наши вечера в палатке, — говорил Нансен, — когда мы сидели все кругом на своих мешках, были, несомненно, самыми светлыми моментами нашего существования в то время. И тяжелая дневная работа, и усталость, и сильный холод, все бывало забыто в те минуты, когда мы, сидя вокруг своей печки, смотрели на слабые лучи света, бросаемые лампой, и с нетерпением ждали ужина. Право же, я немногие часы в своей жизни вспоминаю с таким удовольствием! А когда наше кушанье было готово, каждый получал свою порцию, и мы зажигали огарок свечи, чтобы видеть, что мы едим, то мы все приходили в самое веселое настроение, и я уверен, что мои товарищи думали так же, как и я, что на свете стоит жить!

Нансен осуществил свой план, и после 45-дневного путешествия по снежным ледяным пустыням он достиг, вместе со своими пятью спутниками, эскимосского селения Гутхаб на западном берегу Гренландии. Здесь, согласно уговору, должен был ожидать Нансена пароход, чтобы доставить его в Норвегию. Но пароход, прождав Нансена до конца сентября, возвратился без него в Европу, и все были очень встревожены этим, думая, что Нансен погиб.

Нансен и его товарищи вынуждены были перезимовать в эскимосском селении, и за это время Нансен выучился

эскимосскому языку и очень подружился с этим первобытным народом.

После этого замечательного путешествия Гренландия стала привлекать к себе многочисленных исследователей, ежегодно отправлявшихся то в ту, то в другую область этого огромного ледяного острова. Из этих позднейших путешествий в Гренландию самыми выдающимися были две поездки Роберта Пири, который тоже пересек Гренландию и окончательно установил ее островной характер. Между прочим, в одной из этих поездок его сопровождала молодая жена и в зимнем лагере родилась его дочь. Две же последующие экспедиции Пири в Гренландию имели целью уже не ее исследование, а достижение через Гренландию Северного полюса. Путешествия различных исследователей выяснили вполне береговую линию Гренландии, и теперь Гренландию можно считать наиболее подробно изученной полярной страной. Трудности, лишения и опасности никогда и нигде не останавливали отважных исследователей, и познание Гренландии тоже не обошлось без жертв.

Для изучения страны очень много сделали датские экспедиции: Милиуса Эриксена и Эйнара Миккельсена. Эриксен совершил в Гренландию два путешествия, при чем во вторую экспедицию в 1907 году его сопровождали несколько ученых и художников, сделавших много рисунков и давших в своих картинах яркое представление об этой своеобразной стране. Но для трех членов этой экспедиции, и в том числе для самого Эриксена, ее начальника, она оказалась роковой. Милиус Эриксен, лейтенант Гаген и эскимос Бренлунд погибли во льдах Гренландии. Эскимос Бренлунд дотащился перед смертью до одного из складов провизии, устроенных в разных местах товари-

щами Эриксена, который отделился от своей экспедиции, чтобы исследовать еще неизвестные области страны. Обеспокоенные его долгим отсутствием, они отправили отряд для розыска пропавших. Это было уже осенью, и за поздним временем года отряд не мог итти далеко и только устроил склады в разных местах, на случай, если бы Эриксен вздумал возвращаться вдоль берега. Но Эриксен и его спутники уже не могли этим воспользоваться, а спустя три года эти самые склады спасли жизнь другим исследователям, затерявшимся во льдах...

Тело эскимоса Бренлунда было найдено на следующий год весной. Из дневника, который оказался при нем, можно было увидеть, какие страшные страдания вынесли несчастные исследователи. Свой дневник Бренлунд заканчивает следующими словами: «Дальше итти не могу! Наступила темнота и у меня отморожены ноги. Трупы моих товарищей лежат посреди фиорда перед глетчером, приблизительно в двух с половиной милях отсюда. Гаген умер 15 нобяря, а Милиус дней десять спустя».

Какое это было неприятное, зловещее место! Кругом свистел ветер. Но что же может быть красноречивее этих кратких слов, написанных перед смертью в ледяной пустыне, вдали от всякой помощи!

Никаких других записей не было найдено. Дневник же Бренлунда был написан на гренландском языке и был переведен только потом. Тогда-то и возникла в Дании мысль о снаряжении в Гренландию экспедиции для отыскания тел погибших, их дневников и коллекций. Эту задачу взял на себя в 1909 году известный путешественник Эйнер Миккельсен, отправившийся летом в Гренландию искать следы своих погибших путешественников.

Добравшись до восточного берега Гренландии на яхте «Алабаме», Миккельсен и его друг Иверсен покинули яхту и отправились внутрь страны, условившись с товарищами, что до 1 августа судно будет ждать у острова Шаннон, где была их стоянка, и если они не вернутся к тому времени, то «Алабама» отправится на родину. Когда прошел условленный срок, товарищи Миккельсена стали готовиться к отъезду, но еще до окончания этих приготовлений яхта была раздавлена льдами у берега острова. К счастию, никто не погиб, и путешественники вскоре были подобраны китобойным судном.

Между тем, Миккельсену удалось напасть на след погибшего Эриксена и найти его путевые записки, представляющие громадную ценность для географии Гренландии. Дальше разыскивать следы погибших они не могли, потому что надо было подумать о возвращении прежде, чем дорога окончательно станет непроходимой. Но силы путешественников были подорваны вследствие перенесенных трудностей во время их странствования, кроме того, у них почти не оставалось съестных припасов, и все свои надежды они возлагали на склады, оставленные их предшественниками. Но тут их ждало горькое разочарование. Едва волоча ноги, со страшными усилиями они дотащились, наконец, через полгода с большим запозданием к острову Шаннон, к тому месту, где оставили яхту, но там они нашли лишь груду обломков после затонувшей яхты. К счастью, все-таки они нашли на берегу оставленный их товарищами склад припасов. Восстановив свои силы, они стали готовиться к зимовке в хижине, построенной их товарищами перед отъездом. Они надеялись, что летом явится какой-нибудь корабль к их берегам, и они будут спасены. Устроившись в своей жалкой хижине, они провели в ней

долгую зимнюю полярную ночь, поддерживаемые надеждой на избавление. Но прошла зима, прошло лето, а ни один корабль не подошел к берегу. Ничто не нарушало томительного однообразного хода времени в ледяной пустыне. Наступила вторая зима, и постепенно у них исчезла всякая надежда на спасение. О мучениях, испытанных ими, Миккельсен рассказывает следующее:

«Распухшие ноги сильно болели, и ходьба нам причиняла неимоверные мучения. Но еще больше мучений причинял нам голод. Я ни о чем другом не мог думать, как только о еде. Сначала с тоской вспоминал разные вкусные кушанья, которые ел когда-то, затем мысль о бутерброде заслонила все. Почему именно моему голодному воображению рисовался гигантский бутерброд — я не знаю. Перед этим я мечтал о бифштексе, который тоже представлялся мне огромных, небывалых размеров. Моя фантазия разыгрывалась. Я вспомнил остатки съестных припасов, которые отдавались обыкновенно нищим. Я готов был отдать годы моей жизни, чтобы получить их в эту минуту, и воспоминание о них приводило меня в бешенство. Я думал также о маленьких пакетиках с завтраком, которые брал с собой в школу, и это воспоминание до такой степени овладевало мной, что я совершенно забывал, где нахожусь, и воображал, что иду по улицам Копенгагена. Я искал глазами также пакеты, которые в детстве мне случалось видеть валяющимися на улице, если кто-нибудь из школьников терял их. И вдруг я действительно увидел то, что искал — маленький белый пакет. Конечно, там должен заключаться бутерброд!.. Я бросился, чтобы схватить его, и... наткнулся на камень, о который больно ушиб ногу. Это вернуло меня к действительности. Я вспомнил, что я не в Копенгагене,

а в Гренландии и бесконечно далеко от всяких бутербродов!..

Иверсен с удивлением смотрел, что я часто уклонялся с нашей дороги в сторону и нагибался к какому-нибудь белому камешку. Это происходило от того, что мне все мерещились белые пакетики с бутербродами. Но и Иверсену было не лучше, чем мне. Я видел несколько раз, что он останавливался, вынимал бинокль и смотрел вдаль. Я спрашивал его, что он видит, и он отвечал мне, что ему показался вдали ящик с съестными припасами. Но это был только камень! Скоро я перестал даже его спрашивать, так как прекрасно знал, что ему представляется.

Мы проходили по таким местам, где нам встречались следы прежних стоянок и валялись откупоренные жестянки, но мы тщетно искали каких-нибудь остатков. У Иверсена так сильно болели ноги, что эта боль заставляла его забывать о голоде, но я думал за нас двоих. Быстро наступающая темнота еще усиливала мои страдания. Я еле передвигал ноги и шел в полусознательном состоянии. Только когда мне казалось, что я вижу вдали мыс Семнадцати километров, где должен был находиться склад, то во мне пробуждалась энергия. Я ускорял шаги, думая о запасах, которые там находятся. Но все мысы были похожи один на другой, и вскоре я убеждался в своей ошибке!

Везде мы встречали следы пребывания людей, то древние следы из времен эскимосов, то позднейшие следы датской экспедиции. Но все наши поиски чего-нибудь съестного оставались без результата. Мы знали прекрасно, что во время санных экспедиций никогда не забывают припасов, и, все-таки, мы не могли удержаться и постоянно искали чего-нибудь, переворачивая жестянки и

Эскимос.

осматривая все камешки, не завалился ли куда-нибудь кусочек сухаря.

Мы проходили один мыс за другим. Все так похожи друг на друга, что, в конце концов, мы совершенно запутались.

В одну ночь, когда мы улеглись прямо на холодной земле, под защитой камней, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, Иверсен вдруг разбудил меня. Он не мог спать от боли в ноге, и поэтому ощущал холод сильнее, чем я. Мне не хотелось вставать, но он умолял меня итти, несмотря на темноту. Было холодно, 15 градусов, и дул довольно сильный ветер. Небо со своими бесчисленными сверкающими звездами казалось мне холоднее, чем когда-либо. Совсем низко над южным горизонтом стояла луна, красная и холодная. Жутко было здесь, с этим нельзя было не согласиться, но мысль итти в такой ужасной темноте, когда ничего нельзя было рассмотреть в десяти шагах, просто приводила меня в содрогание. Однако, Иверсену было хуже, и я замечал, что под влиянием боли в ноге, холода, голода и усталости, ум его слегка помутился. У него была только одна мысль: итти вперед, все вперед! Он умолял меня: «Пойдем совсем тихо, но все-таки будем итти дальше!..» И мы пошли, спотыкаясь в темноте и ощупывая дорогу палкой...

Наконец, после нескольких часов такой ходьбы, мы увидели сквозь тьму неясные очертания холма. Это был холм мыса Семнадцати километров. На этот раз фантазия не обманула нас! Скоро мы увидели опять те же следы прежней стоянки эскимосов на берегу, которые мы видели прошлой осенью. Я вспомнил, что тут я видел тогда ящики, оставленные датской экспедицией. Я тотчас же принялся искать и, в самом деле, нашел две жестянки мяс-

ного экстракта и жестянку с гороховой колбасой. Я быстро развел огонь из остатков ящика и сварил суп. Мы медленно ели его, наслаждаясь каждым глотком. Просто удивительно, какое магическое действие оказала тарелка горохового супа на наш ослабленный организм. Мы почувствовали себя снова здоровыми и крепкими!

Как приятно было греться у костра и быть сытым наконец! В первый раз, после стольких дней, мы могли не говорить и не думать о еде! Но, хотя нам было хорошо здесь, мы все же не могли тут оставаться. Дрова все сгорели, и солнце поднималось высоко. Пора было снова выступать в поход!

После пятичасовой ходьбы, мы, наконец, взобрались на последнюю возвышенность и увидели далеко внизу Датскую гавань и домик на берегу...»

Весна и лето ничего не принесли им. В августе месяце снова начались морозы, и море покрылось льдом. Надежда на избавление окончательно рухнула, и приходилось готовиться к третьей зиме. Пока еще было возможно, они решили совершить небольшое путешествие к югу, в гавань Бас-Рок на островке Пенделум. Каково же было их удивление, когда они увидели там на берегу хижину и высокий шест с крестом на верхушке! Выломав дверь в хижину, Миккельсен нашел в ней письмо лейтенанта Лауба с «Алабамы» к китоловам и другое письмо китоловов, заходивших сюда, а также сообщение капитана шхуны «Лаура» о том, что он заходил сюда. Это последнее известие так подействовало на несчастных путешественников, что они совершенно упали духом. Ведь письмо капитана было помечено 23 июля 1911 года, а в этот день они как раз сидели на острове Шаннон и ждали судна! Между тем, судно находилось здесь — всего на расстоя-

Мы медленно ели, наслаждаясь каждым глотком.

нии тридцати километров. Только тридцать километров отделяли их от общения с людьми и возвращения на родину!

«Мы были так подавлены этим открытием, что не могли выговорить ни слова, — рассказывает Миккельсен. — Мы молча присели на ящик, а в ушах у нас звучали слова: „30 километров! 30 километров! 30 километров! 30 километров!" Это небольшое пространство разрушило все наши надежды. И мы упрекали себя за то, что не догадались проехать сюда весной и оставить здесь записочку! Но кто же мог предполагать это?»

Они остались зимовать в гавани Бас-Рока, и эта третья зима была для них особенно тяжела. Съестных припасов оставалось мало, и приходилось очень экономить, а зимняя полярная ночь казалась бесконечной. Кроме того, запас пороха и дроби сильно истощился, а между тем вокруг их хижины постоянно бродили медведи, волки и целые стада лисиц. И не один раз медведи, чувствуя поживу, нападали на жилище путешественников.

«Холодно, мрачно и уныло в доме, — рассказывает Миккельсен. — Мы стараемся сохранить бодрость духа, делаем вид, что все этого ожидали, но нам трудно обманывать себя. Мы уже давно прочли два или три раза все, что можно было прочесть, давно переговорили обо всем и знаем заранее, что скажет каждый из нас, когда начинаем разговор о каком-нибудь предмете. Нам надоело слышать голос друг друга и шутливые замечания, все одни и те же, повторяемые бесчисленное множество раз!

Иногда, чувствуя, что нет сил больше терпеть, я выходил на мороз. Но было слишком холодно, и я снова возвращался в дом. Мы заводим граммофон и радуемся, что слышим другие голоса. Правду сказать, граммофон

шипит, скрипит и фальшивит, но что за беда? Зато мы всякий раз слышим старые песни, исполненные по-новому. Во всяком случае, это какое-нибудь разнообразие, а то здесь мы умираем от тоски. Как переживем мы зиму? Ведь осталось еще целых триста дней! . .

Томительное однообразие нашей жизни нарушилось только однажды забавным приключением. Мне снилась железная дорога, и когда я проснулся среди ночи, то никак не мог понять, где я нахожусь. Я продолжал слушать какой-то шум, — что бы это такое было? И вдруг я понял! Это был медведь, который царапался в дверь.

Я разбудил Иверсена, и у меня волосы поднялись дыбом, когда он убежденным голосом проговорил:

— Чорт возьми! Да ведь он здесь . . . в доме! . .

Я ощупью шарил в темноте около койки, ища свой нож, — единственное оружие, которое находилось у меня под рукой, так как ружья наши висели у двери, где стоял медведь. Иверсен тоже приготовился к нападению и, пока я с лихорадочной торопливостью зажигал спичку, он бросил чулок в медведя, крикнув: «Убирайся! . .» Правду сказать, положение было неприятное. Наконец, спичка загорелась, и все разъяснилось. Я громко расхохотался. Иверсен спросонок принял тушу убитого мускусного быка за медведя!

Однако, около дома шум продолжался. Иверсен вылез, наконец, из койки и высунул голову за дверь, держа ружье в руках. Ничего не было видно, и Иверсен с торжествующим видом обратился ко мне, посмеиваясь над тем, что я принял сон за действительность. Однако, утром мы, все-таки, увидели следы медведя около нашего дома и ямы, которые он вырыл в снегу. Тогда я, в свою очередь, посмеялся над Иверсеном».

Иверсен вылез, наконец, из койки и высунул голову за дверь, держа ружье в руках.

Наконец, миновала полярная ночь, и снова вернулось солнце, а с ним вернулись и надежды. Но время проходило, а корабль не показывался. «Мы чувствовали, что четвертый год такой жизни мы не выдержим» — говорит Миккельсен. Но на этот раз надежда не обманула их. Однажды утром они были разбужены каким-то стуком у двери, и в первую минуту подумали, что к ним опять хочет забраться медведь. Иверсен, с ружьем в руках, бросился к двери. За ним выскочил из своего спального мешка и Миккельсен, готовясь дать отпор непрошенному гостю. Но Иверсен уже распахнул дверь.

Недалеко от берега стоял норвежский пароход, а на берегу было восемь человек норвежцев. Миккельсену показалось, что их была целая толпа — ведь он так давно не видал людей, никого, кроме Иверсена! Испытания кончились, и через несколько дней Гренландия, окованная льдами, скрылась из глаз путешественников...

По возвращении на родину Миккельсен привел в порядок свои записки и издал книгу под заглавием: «Полярный Робинзон», в которой описал свое пребывание в Гренландии. Эта книга переведена теперь на все европейские языки.

Глава IV

Путешествие Нансена к Северному полюсу. — Корабль «Фрам». — Трудное положение. — Неожиданная встреча. — Экспедиция Андре на воздушном шаре. — Ее исход.

Попытки отважных полярных исследователей проникнуть к самому полюсу начались, как мы видим, более ста лет тому назад, и многие смельчаки поплатились за это жизнью. Но все же с каждым шагом люди проникали все дальше и дальше в эту заповедную область. Мало-по-малу и Ледовитый океан терял свою недоступность, и нескольким путешественникам удалось приблизиться к полюсу на расстояние нескольких сот километров. Капитан Канви, один из спутников герцога Абруццского, не дошел до полюса всего лишь 360 километров. Но самый оригинальный план достижения Северного полюса был представлен знаменитым путешественником Фритиофом Нансеном.

На основании тщательного изучения всех предшествующих полярных путешествий Нансен пришел к заключению, что в Ледовитом океане существует мощное течение, направляющееся в область, непосредственно прилегающую к полюсу.

На существование такого течения, ведущего из азиатской части Ледовитого океана к берегам Гренландии, ука-

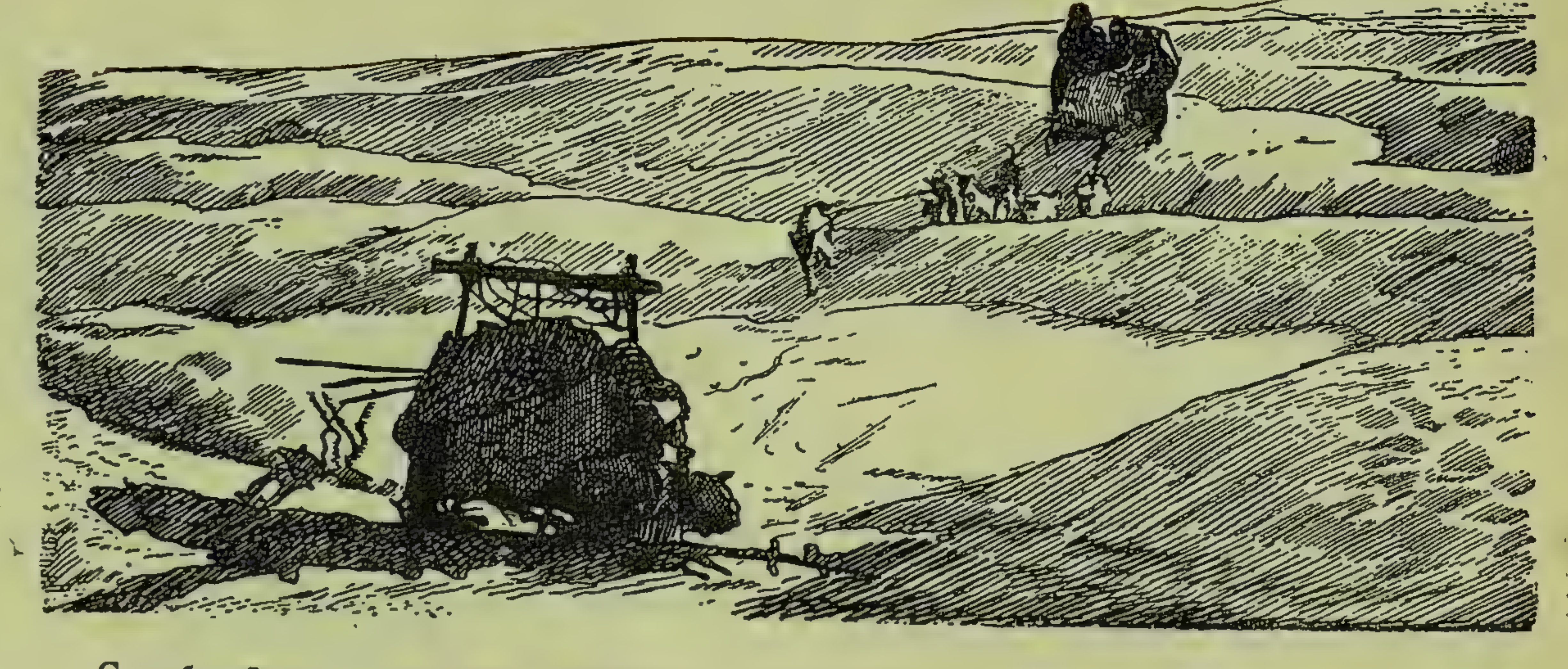
зывала находка у этих берегов доски, безусловно приплывшей туда с берегов Аляски, а также стволов сибирских деревьев. Нансен и задумал воспользоваться этим течением, чтобы проникнуть к полюсу. Для этого, согласно его плану, надо было построить корабль такой конструкции, чтобы он мог выдержать напор льдов, а затем на этом корабле проехать как можно дальше на север от берегов Азии, туда, где, повидимому, начинается это течение, и пробиваться через льды до тех пор, пока это будет возможно. А тогда, когда корабль будет затерт льдами, отдаться на волю течения, которое и должно будет приблизить его к полюсу, и плыть туда вместе со льдами.

Однако, такой план был назван безумно смелым, и со всех сторон раздавались голоса, предостерегавшие Нансена, точь-в-точь как тогда, когда он задумал свою поездку на лыжах поперек Гренландии. И как тогда, так и теперь, Нансен не отказался от своего плана проникновеняи к полюсу. По его указанию был выстроен маленький, но чрезвычайно крепкий корабль «Фрам» (Вперед), особенность постройки которого заключалась в том, что льды, вместо того, чтобы раздавить его, только приподнимали наверх.

И в этом отношении все расчеты Нансена оказались верными: «Фрам» вышел целым и невредимым из ледяных тисков, погубивших столько судов до него, и пройдя вдоль полярного побережья Сибири к устью Лены, к западу от Ново-сибирских островов, повернул на север. Вскоре после этого он был затерт льдами и поплыл уже вместе с ними. Корабль, хотя и очень медленно, но все же двигался вперед и превосходно выдерживал всякое давление ледяных масс.

Однако, движение это принимало не то направление, на которое рассчитывал Нансен, и он убедился спустя

некоторое время, что оно не принесет его к полюсу. Впрочем, это обстоятельство все-таки было предусмотрено им. Он решил покинуть судно и пешком направиться к северу. С ним вместе отправился Иогансен. Они взяли с собой трое саней, 28 собак и припасов на сто дней, и 2 марта 1895 года выступили в путь. С необычайными трудностями, так как приходилось итти среди хаоса нагроможденных льдин, отважным путешественникам удалось достигнуть 86°, 4' сев. широты, еще никем не достигнутой. Но тут они вынуждены были повернуть обратно, так как их относило к югу вместе со льдом и, следовательно, они нисколько не подвигались вперед. Перед ними возникал вопрос: куда же итти теперь? Корабль уже отнесло, конечно, течением далеко на юго-запад, а ближайшей землей, где можно было рассчитывать на спасение, были острова архипелага Франца-Иосифа. Путешественники направились туда. Обратный путь был страшно тяжелый: лед сделался непрочным, и постоянно угрожала опасность провалиться в трещину. Они шли целых три с половиной месяца по ледяной пустыне, но на горизонте не виднелось никакой земли. Наконец, в августе они увидали перед собой открытое водное пространство. Тогда они решили продолжать свое путешествие в парусинных каяках, взятых ими с собой. Они двигались среди неведомого архипелага, то по льду, то водой, перебираясь с острова на остров, и так до наступления осени, когда надо было уже позаботиться о зимовке. Они построили себе землянку из камней, проложенных мхом, а крышу сделали из моржовых кож, и там, в этой жалкой хижине, провели долгую полярную зиму, питаясь мясом медведей и тюленей, которых им удавалось убивать, и зачастую голодая и претерпевая невыразимые страдания от холода и тьмы по-

С необычайными трудностями отважным путешественникам удалось достигнуть 86°4′ сев. широты.

лярной ночи. Жизнь протекала чрезвычайно однообразно. Путешественники почти не вылезали из своих спальных мешков, и единственным их занятием были еда и сон.

Как ни казалась бесконечной зима, а весна все же наступила, и полярная природа стала оживляться. В половине мая путешественники покинули свою зимовку и пошли на юго-восток. Они блуждали больше месяца в царстве льдов, не видя ему конца, и положение их было тем более опасное, что оба хронометра (точные часы) у них испортились, вследствие чего они лишены были возможности определять свое местонахождение. Еще более страшной опасности подверглись они, когда оба каяка, содержавшие все их снаряжение, вдруг оторвались от берега и поплыли, подхваченные ветром. Не раздумывая ни минуты, Нансен, прямо в одежде, бросился в ледяную воду и поплыл за каяками. С нечеловеческими усилиями ему удалось все-таки догнать каяки, кое-как закинуть на каяк одну ногу и с величайшим трудом влезть в него.

В другой раз огромный морж напал на каяк Нансена и бивнем пробил борт. Пришлось высадиться на берег, чтобы починить испорченный каяк. Они переночевали на этом берегу, а утром Нансен вдруг услышал отдаленный лай собаки. Иогансен подумал, что это ему почудилось, но Нансен все же решил отправиться на лыжах в ту сторону, откуда ему донесся лай, и действительно увидал собачьи следы, а подвигаясь дальше, ясно услыхал лай собаки и голос человека. Так произошла неожиданная и достопамятная встреча двух путешественников, норвежского — Нансена и английского полярного исследователя Джексона, который провел две зимы со своей экспедицией на земле Франца-Иосифа и собирался провести еще третью зиму.

Вот как рассказывает Нансен об этой встрече, которая спасла Нансена и его товарища:

«В сильном волнении я пошел по следам собачьих лап и через несколько минут услыхал лай собаки и голос человека. Как забилось мое сердце при этих звуках! Ничего не видя вокруг, не помня себя, я несся на лыжах между глыбами льда и скоро заметил живое существо, которое подвигалось ко мне. Это была собака, но за нею было другое живое существо — это был человек! ..

Мы быстро приближались друг к другу. Я махнул шапкой, он сделал то же. Кто мог это быть? Англичанин или норвежец? Он заговорил с собакой, и я стал прислушиваться. Он говорил по-английски, и я узнал Джексона, которого видел когда-то.

Я снял шапку, и мы протянули руки, сердечно приветствуя друг друга. Над нами было туманное небо, под нашими ногами бугристый лед, а вдали виднелась земля. Всюду лед, глетчеры и туман. С одной стороны цивилизованный европеец, в изящном английском костюме и высоких резиновых сапогах, тщательно выбритый и причесанный, а с другой — какой-то дикарь, одетый в лохмотья, весь грязный от жира и сажи. Ни один человек в мире не мог бы узнать, кто это был?

— Душевно рад вас видеть! — проговорил Джексон.

— Благодарю. И я также, — ответил я.

— Есть у вас здесь корабль?

— Нет. Мой корабль не здесь.

— А сколько вас?

— Со мной один товарищ. Он там, за льдинами.

Я был убежден, что Джексон узнал меня или догадывается, кто я. Я не думал, что совсем незнакомый человек может быть принят с таким радушием. Но вдруг Джексон

остановился, пристально посмотрел мне в лицо и быстро спросил:

— Да вы не Нансен ли?

— Да, это я.

— Боже мой, какая радость!

Джексон схватил мою руку и стал трясти ее изо всех сил. Его лицо выражало бесконечное удовольствие, вызванное этой встречей.

— Куда же вы теперь идете? — спросил он.

— Я оставил «Фрам» под 84° с. ш., после двухлетнего плавания на нем, и дошел только до 86°. Оттуда я повернул к земле Франца-Иосифа.

Разговаривая, Джексон и Нансен подошли к хижине, грубо сколоченной из бревен. Это была станция Джексона на мысе Флора. Джексон представил Нансена членам английской экспедиции. Все радушно приветствовали его и его товарища Иогансена. Вскоре путешественники смыли с себя всю грязь, переменили свои лохмотья и снова приобрели вид цивилизованных людей. Они с трудом верили, что их голодная жизнь кончилась и что им больше не угрожает гибель в полярной пустыне.

Когда пришел к месту зимовки Джексона корабль, то все путешественники отправились на нем в обратный путь в Европу.

Через неделю по возвращении Нансена на родину благополучно вернулся и его корабль «Фрам», которому удалось проложить себе дорогу в открытое море сквозь 300 километров сплошного льда.

Отважное путешествие Нансена и верность его расчетов возбудили, конечно, огромный интерес к полярным исследованиям. Возникали новые планы достижения полюса, и так как проникнуть к Северному полюсу на судне и пеш-

ком по льду было необыкновенно трудно, то явилась мысль воспользоваться воздушным шаром, как средством передвижения. Один из участников американской экспедиции на корабле «Полярис» тоже предлагал проект одновременного отправления к полюсу с разных пунктов на воздушных шарах. Но все такие проекты не вызывали к себе серьезного отношения, пока шведский инженер Андре не высказался в пользу такого плана, считая его вполне осуществимым. Андре был членом шведской международной полярной станции и не раз летал на воздушном шаре с научной целью. Он перелетал через Балтийское море. Андре был специалистом в области воздухоплавания, и поэтому многие ученые исследователи заинтересовались его проектом. По его указаниям был построен воздушный шар, имевший около двадцати метров в поперечнике. Шар должен был поднять Андре и его двух спутников, Стриндберга и Френкеля, а также все необходимые инструменты, лодки, сани и съестные припасы, заготовленные на четыре месяца. Андре рассчитывал сделать шар, управляемый при помощи трех гайдропов (канатов).

Шар был привезен на Шпицберген для того, чтобы находиться ближе к цели, и 11 июля 1897 года Андре привел в исполнение свой проект. Но два гайдропа почему-то были оставлены в последнюю минуту. Шар, освобожденный от привязи, понесся к северу и скоро скрылся за горизонтом. С этого момента отважные путешественники исчезли навсегда...

Путешественники взяли с собой почтовых голубей, но только один из них, выпущенный через два дня после подъема шара, достиг цели. Он был пойман только на пятый день, письмо посланное с ним было следующего содержания.

«13 июля, 12 часов дня, 82°2' сев. широты, 15°5' восточной долготы. Быстро двигаемся на восток. 10°. Все благополучно. Это моя третья голубиная почта. Андре».

После этого прошло почти два года без всяких известий, пока, наконец, в 1899 году к северному берегу Исландии не прибило пловучий буй, сброшенный в день подъема. В этом буе находился план пройденного воздушным шаром пути и следующая записка: «Пловучий буй № 7. Брошен из шара Андре 11 июля 1897 г. в 10 часов 55 минут вечера по среднему гринвичскому времени, под 82° с. ш. 25° з. д. Мы летим на высоте 600 метров. Все благополучно. Андре, Стриндберг. Френкель».

С тех пор в разное время было выловлено еще 5 буев. Последний из них был найден осенью 1912 года плавающим в воде у Шпицбергена. Все эти буи были пусты и не были закрыты; поэтому невозможно было установить, заключали ли они в себе какие-нибудь сообщения или были сброшены в море как балласт, чтобы облегчить падающий шар. Можно предположить, что шар был подхвачен сильной бурей, которую отметили также и на Шпицбергене, и был отнесен ураганом к северо-восточному берегу Гренландии. Буря продолжалась пять дней, и, вероятно, за это время шар покрылся слоем льда и снега и постепенно стал снижаться, так как не мог уже больше держаться в воздухе. Где погиб Андре со своими спутниками, так и не удалось определить до сих пор. Все спасательные экспедиции, отправленные для разыскания следов несчастных воздухоплавателей, не привели ни к каким результатам. Только одна из экспедиций нашла на земле Франца-Иосифа металлический цилиндр с воздушного шара Андре, что вызвало предположение о гибели шара на земле Франца-Иосифа.

Несчастный исход экспедиции Андре не мог, конечно, поощрять к повторению подобных попыток. Однако успехи воздухоплавания в последние годы побудили все таки американского журналиста Велльмана, уже совершившего несколько полярных путешествий и побывавшего на земле Франца-Иосифа, попытаться в 1907 году отправиться на дирижабле также со Шпицбергена к Северному полюсу. Но эта вторая попытка перелета на полюс сразу потерпела неудачу. Вскоре после подъема поднялась буря, и дирижабль отбросило в глубь архипелага. По счастью, все обошлось без человеческих жертв. Но мысль о том, что хорошо управляемый дирижабль, способный развить значительную скорость, может быть наиболее быстрым и безопасным способом передвижения к полюсу, все же не была оставлена, и многие ученые специалисты высказывались за возможность осуществления подобного путешествия. Между прочим, знаменитый путешественник Амундсен, открывший Южный полюс, занялся разработкой плана перелета через Северный полюс на аэроплане. Весьма тщательная подготовка этого предприятия дозволяла надеяться, что оно увенчается успехом, но неблагоприятные условия погоды помешали его выполнению, хотя Амундсен и возобновил свою попытку летом 1924 г.

Между тем Северный полюс был достигнут раньше, и при том совсем с другой стороны, а именно «американским путем» через пролив Смита.

Глава V

Достижение Северного полюса. — Арктическая лихорадка. — Привлекательность Северного полюса для полярного путешественника. — Мнение Пири о полюсе. — У полюса. — Самая северная могила на земном шаре. — Пири или Кук? — Русская экспедиция.

Когда в сентябре 1909 года вдруг распространилось известие, что известный американский путешественник Роберт Пири достиг полюса, то все же слух этот возбудил некоторое недоверие. Однако, вскоре он подтвердился, и представление Пири ученым обществам доказательства окончательно установило то, что он действительно был на Северном полюсе.

Роберт Пири, по образованию морской инженер, имел уже громадный опыт как полярный путешественник, так как он посвятил всю свою жизнь исследованию полярных стран. В первый раз он познакомился с полярными льдами в 1886 г., отправившись летом в небольшую поездку в Гренландию. Тогда он почти достиг 70° сев. широты. После того он несколько лет посвятил изучению Гренландии и предпринял в эту страну несколько путешествий, чтобы решить занимавший его вопрос: остров ли Гренландия или же это только часть огромного арктического (полярного) материка, достигающего полюса?

Второе путешествие в Гренландию он совершил в 1891 году, но оно было несчастливо, так как он сломал себе ногу. Однако, это не остановило его. Он перезимовал на берегу Гренландии и в мае следующего года взобрался с одним только провожатым на внутреннее ледяное плоскогорье Гренландии, почти на высоте 2.400 метров. По этой ледяной пустыне он отправился далее к северу и, наконец, в июле достиг бухты Независимости в северном Ледовитом океане.

Вернувшись счастливо из этого продолжительного и трудного путешествия, он, однако, недолго просидел дома. Его снова потянуло в полярные страны, и в 1895 году он опять отправился в Гренландию в третий раз. Он снова прошел через ледяную пустыню, и на этот раз ему удалось окончательно доказать, что Гренландия — остров.

Таким образом Пири приобрел огромный опыт в полярных путешествиях, и поэтому вполне естественно, что у него возник план пробраться к северному полюсу. Но он сказал себе, что успех такого предприятия возможен лишь в том случае, если он и его спутники окончательно свыкнутся с образом жизни эскимосов и если ему удастся уговорить значительное число эскимосов сопровождать его в путешествии к северному полюсу вместе со своими собаками и санями.

Четвертое путешествие Пири продолжалось четыре года с 1898 по 1902 год, а через три года он предпринял пятое путешествие. Он достиг на этот раз 87°6' сев. широты, но недостаток съестных припасов заставил его вернуться, при чем жизнь его и его спутников много раз висела на волоске.

Последнее путешествие, во время которого он осуществил наконец свою заветную мечту и нога его коснулась

северного полюса, Пири совершил в 1908/1909 г. Но он добивался этого в течение 23 лет упорно и неутомимо. Он сравнивает усилия к достижению северного полюса с шахматной игрой, где до начала игры надо тщательно обдумать и взвесить все ходы, могущие доставить победу над противником.

«Для меня это была привычная игра, — говорит он, — игра, в которой я упражнялся 23 года. Я каждый раз терпел поражение, но каждое новое поражение научало меня чему-нибудь, я приобретал новые познания, полезные для будущего, я изучал все причины моих неудач, стараясь избежать их в будущий раз. Но если правда, что открытие северного полюса по плану и методу можно сравнить с шахматной игрой, то между ними существует и очень существенная разница. В шахматной игре человеческий ум борется с человеческим умом, здесь же идет борьба человеческого ума и настойчивости против слепых и диких сил природы. Я мог обдумать все свои ходы, но не мог предусмотреть всех ходов моего противника. Если бы это было возможно, то я достиг бы северного полюса уже во время моего предыдущего путешествия, когда я добрался до 87°6'. Но те, кто знакомы с подробностями этой экспедиции, знают, что успех ее был расстроен непредвиденным ходом моего великого противника. Необычайно сильные и продолжительные ветры разломали полярные льды, разъединили меня с моими вспомогательными отрядами, так что в тот момент, когда цель казалась совсем близкой, мне пришлось повернуть вспять под угрозой голодной смерти».

В своей статье, помещенной в одном американском журнале и озаглавленной «Чем пленяет северный полюс?» — он говорит:

«Северный полюс есть крайняя точка северного полушария, то место на земле, где нет ни народонаселения, ни цивилизации. Это место, где нет времени, нет ни севера, ни запада, ни востока — есть только юг. Там дует только южный ветер. Там только одна ночь и один день в году, там полночь и полдень почти не отделяются друг от друга. Там все небесные светила движутся в горизонтальном направлении к земле, только одна полярная звезда видна над горизонтом, она никогда не скрывается и все время кружится, слегка задевая горизонт.

Северный полюс был всегда высшей наградой для предприимчивого путешественника. Почти четыре столетия к нему стремились и за него безуспешно боролись самые предприимчивые люди сильных и просвещенных наций.

Каковы же те признаки, с которыми у всех соединяется представление о полярных странах и о путешествиях по ним?

Это — холод, темнота, тишина и голод.

На далеком севере, когда зима завернет основательно и серьезно, самый воздух как бы замерзает и превращается в массу тончайших ледяных кристаллов. Упорная сталь и крепкий дуб делаются хрупкими, мягкое железо становится твердым, как сталь. Сало и жир рубятся там топорами, керосин имеет вид белой застывшей массы, и самое дыхание моментально превращается в лед. Но не думайте, что холод — самое большое зло севера, с ним еще можно мириться!

Только когда этот холод соединится с демонами арктической зимы — ветром и вьюгой, тогда люди и животные спешат спрятаться куда возможно, пока минует буря.

Темнота арктических стран есть, в сущности, нечто непонятное. «Великая ночь» северного полюса — величай-

шее, грозное и, может быть, самое мрачное явление природы. Это нечто такое, что никогда не забывается.

Чем мрачнее и темнее «Великая ночь», тем удивительнее ее контраст — «Великий день». Проходит зима и непрерывная темнота сменяется постоянным блестящим, по временам ослепительным солнечным светом.

Тишина, непрерывная тишина и молчание полюса — вот любимая тема путешественников, описывающих полярные страны.

Голод и лишения, конечно, играют большую важную роль в арктических экспедициях, но нужно же помнить, что без них не обходятся путешествия и по самым излюбленным странам света. Большею частью эти лишения зависят от небрежности или неопытности самих путешественников.

О настоящем голоде, как и о настоящей темноте, мало кто имеет истинное представление.

Я не буду говорить о голоде человека, который медленно и беспомощно умирает, пока жизнь не угасает в нем, как слабая искра. Я такого голода не знаю.

Я знаю голод сильного, здорового человека, который неделями работает на холодном воздухе и пользуется при этом половинной порцией провизии, а подчас и меньшей, превращаясь, в конце концов, в мешок из костей и сухожилия. Когда сердце и легкие и мускулы человека усиленно работают, горячая кровь его каждой каплей усиленно требует мяса.

При таком голоде человек набрасывается на медведя или мускусного быка, только что им убитого, и пожирает мясо собаки, издохшей в упряжке, оспаривая эту добычу у других собак.

При всех этих испытаниях и лишениях голода, холода, темноты — арктические страны все же полны очарования для людей сильных, молодых и здоровых. С незапамятных времен ни одна часть света не действовала так на горячие юношеские головы, как эта таинственная и опасная страна. Нигде нет такого чистого бодрящего воздуха, нигде солнечный свет так не ослепителен, нигде нет такой беспросветной ночи и нигде нет таких бешеных бурь!»

Глава VI

Оазис в ледяной пустыне. — Полярное кладбище. — Самое северное племя. — Любопытная старуха. — Полярная природа. — Жилище эскимосов. — Красный снег.

Экспедиция Пири, отправившаяся на специально построенной для полярных плаваний — яхте «Рузвельт», состояла из 21 человека. 5-го июля 1908 года полярная экспедиция отплылал из Нью-Иорка, а 29-го были посланы на берег телеграммы и письма — последний привет близким людям от путешественников, отправлявшихся в свой далекий и опасный путь.

Почти на половине дороги от полярного круга к северному полюсу находится небольшая эскимосская деревушка, родина одного эскимосского племени. Это нечто в роде маленького оазиса в ледяной пустыне, так как тут есть и растительная и животная жизнь. Олени водятся в изобилии, потому что недостатка в пищи нет. Полярная ночь продолжается в этом месте 110 дней, и в продолжение этого времени только луна и звезды пронизывают своими бледными лучами окружающий мрак. Затем настает полярный день, и солнце в течение 110 дней не скрывается за горизонтом.

Несколько полярных экспедиций уже проводили здесь зиму в прошлом столетии, и поэтому жители эскимосской

деревушки достаточно освоились с полярными путешественниками. Отсюда же Пири взял и своих спутников-эскимосов, сопровождавших его в его последнее путешествие.

У южного берега бухты Мельвиля, плывя далее на север, путешественники миновали Утиные острова, где находится кладбище шотландских китоловов. Это были отважные люди, желавшие проложить путь из бухты Мельвиля. Они умерли здесь, среди полярных льдов, все надеясь, что, наконец, откроется выход!..

Маленькое кладбище относится к началу прошлого века, но отсюда уже весь путь далее к северу отмечен могилами смелых исследователей, побежденных в борьбе со страшными силами полярной природы — холодом и голодом. Могильные холмы и надгробные камни красноречивее всяких слов говорят каждому полярному путешественнику о важности предпринятого им шага.

Когда корабль «Рузвельт» приблизился к мысу Иорк, пробираясь между пловучими льдами, то путешественники увидали с палубы каяки эскимосов, легко скользившие по волнам. У этог мыса обитает самое северное в мире человеческое племя. Но деревни тут нет в настоящем смысле этого слова, так как эскимосы постоянно кочуют. Один год тут живут два семейства, другой год — десять и т. д.

По словам Пири, выдающуюся черту этого племени составляет любопытство, и отчасти это побуждало эскимосов так охотно следовать за ним. Он рассказывает, что когда несколько лет тому назад его жена была с ним вместе в Гренландии, то одна старуха-эскимоска пришла из деревни, находящейся на расстоянии 150 километров от хижины Пири, для того только, чтобы посмотреть на «белую» женщину. Ведь это была первая «белая» жен-

щина, попавшая в царство эскимосов и белых медведей! Придя в дом, старуха села у очага и разразилась самым веселым, искренним смехом при виде молодой жены Пири. Ей было так же смешно смотреть на белую женщину в ее европейском платье, как нам — на эскимосов в их неуклюжем меховом наряде.

Пири говорит, что эти эскимосы — самое северное племя в мире — значительно отличаются от эскимосов, населяющих датские берега Гренландии. Это племя насчитывает не более 230 душ, это дикари, но они не *дикие*. Конечно, их умственное развитие очень невысоко и их, как детей, занимает каждый пустяк, но стойкость их и твердость поразительны, и лучшие из них способны сохранять верность до самой смерти. У них нет никакой религии, никакого понятия о боге, и тем не менее, они всегда готовы разделить последний кусок с голодающим и обнаруживают самую трогательную заботливость о старых и беспомощных. Пороков у них не существует, нет никаких дурных привычек, и они совсем не употребляют опьяняющих напитков. «Вообще это совсем особенный народ! — восклицает Пири. — Их нельзя обратить в христианство, но они обладают всеми главными добродетелями. Иначе, разве они могли бы переносить все ужасы своей родины, где в продолжение шести месяцев в году царит глубокий мрак!»

Место, где живет эта маленькая горсточка людей, затерянных среди полярных льдов, Пири называет *арктическим оазисом*. Отпечаток какого-то дикого величия лежит на этом береге, с его грандиозными ледниками, спускающимися к морю, где свирепствуют страшные полярные бури и носятся по волнам гигантские ледяные горы — айсберги. И тем не менее, в течение короткого полярного лета тут можно видеть целые лужайки, покрытые травой

и цветами. В мрачных ущельях, между высокими скалами, лежат ледники, выбрасывающие в море через известные промежутки времени огромные ледяные массы, которые, оторвавшись от берега, уплывают дальше. Синий, безбрежный океан, омывающий эти берега, весь усеян такими ледяными обломками различной величины, сверкающими на солнце. Позади же скал лежит огромное ледяное плоскогорье, вечно безмолвное, таинственное и беспредельное. Суеверные эскимосы считают это место обителью злых духов и душ погибших.

Во многих местах этого берега в течение лета успевает вырасти высокая и густая трава. Цветет мак, львиный зев и много других полевых цветов, но все они без запаха. Летают мухи, комары, попадаются пауки и шмели, на лугах пасутся олени. Тут водятся белые и голубые гренландские лисицы, полярные зайцы и, конечно, полярные медведи. Иногда попадается и волк, очевидно, забредший сюда летом из других, не столь холодных областей. Но наступает долгая, беспросветная полярная ночь, и все это исчезает под белым саваном. Только звезды да луна освещают своим бледным, призрачным светом эту безбрежную белую пустыню. Но когда небо заволакивается тучами, то становится темно, как в могиле. Кто не испытал полярных бурь, тот не может представить себе всего их ужаса. Никто не решается покидать тогда своего убежища, кажется, будто невидимый враг наступает со всех сторон и среди непроницаемого мрака грозит все разрушить.

Этот терпеливый и веселый северный народец строит себе хижины из камней и земли. Это так называемые *иглу*. Во время же своих странствований они строят снежные хижины, а летом живут в шалашах из меха. Каменные хижины очень прочны и могут продержаться сто лет и

более без особенных поправок. Вышина их около двух метров, ширина 3 метра, а длина 3—4 метра. Дверей нет. Простое отверстие у пола ведет в роде туннеля, иногда длиной в восемь метров, и через этот туннель эскимосы влезают в свое жилище. С передней стороны всегда бывает маленькое окошечко, очень искусно защищенное сшитыми вместе шкурками тюленей, так как, разумеется, стекол в эскимосских хижинах нет и в помине. Полярным путешественникам хорошо знаком маленький огонек, мерцающий вдали, в безотрадной ледяной пустыне. Это свет эскимосской лампы, которая постоянно горит в *иглу*. Каким приветливым кажется он иззябшим путешественникам, возвращающимся после длинного перехода по беспредельному снежному полю! Ведь этот луч света означает для них тепло и отдых. И забываются тогда грязь и ужасный воздух эскимосской хижины. Полярный путешественник не должен быть слишком разборчив.

Держа путь на северо-запад корабль прошел мимо *карминовых скал*, названных так полярным путешественником Джоном Росс в 1818 году. Скалы эти покрыты *слоем красного снега*, который виден издалека. Этот странный свет снега зависит от присутствия в нем микроскопических водорослей, которые покрывают иногда громадные пространства полярных и горных снегов, так поражающих всех, кто в первый раз видит их, своею кроваво-красною окраской. «Передо мной как будто развертывалось красное знамя всякий раз, когда я отправлялся к северу», — говорит Пири. Карминовые скалы простираются на 50 или 60 километров, и когда корабль плыл мимо них, то все впервые видевшие такое зрелище с изумлением и интересом рассматривали скалы.

Глава VII

В путь к Северному полюсу. — Гибель Марвина. — Наконец у цели! — Спор из-за полюса. — Неудачные экспедиции.

Мыс Иорк и Мельвильская бухта составляют как бы пограничную черту между цивилизованным миром с одной стороны и арктическим — с другой. После того путешественники вступают в царство эскимосов, собак, тюленей, моржей, и перед ними открывается безбрежная полярная равнина.

Но настоящее дело экспедиции Пири, ради которого он снарядил ее, началось лишь после ухода передового отряда, который должен был прокладывать дорогу для главной экспедиции. Пири выступил в поход 22 февраля в сопровождении двух эскимосов, Атэ и Кэдлукту, двух саней и 16 собак. Четыре ранее отправленных отряда должны были встретиться с ним в конце февраля и вернуться обратно на место зимовки его яхты «Рузвельт». Они должны были оставлять на льду свои запасы для того, чтобы ими могла воспользоваться последняя партия на обратном пути.

Огромные препятствия в начале путешествия представляли широкие трещины на льду, наполненные водой и покрытые тонкой ледяной корой, через которую провали-

вались люди и собаки. Экспедиция была задержана в течение шести дней так называемой «Злой трещиной» или «Большим жолобом». В этой трещине погиб один из участников экспедиции Марвин на обратном пути, находившийся во главе вспомогательного отряда, состоявшего из эскимосов. Он ушел из лагеря вперед, предоставив эскимосам все приготовить и итти вслед за ним. Как он погиб, никто хорошенько не знал. Очевидно, он вступил на свежий лед канала и провалился. Эскимосы были слишком далеко и потому не могли слышать его криков о помощи, а в ледяной воде он не мог долго продержаться. Его кости покоятся на дне полярного моря, и ни одна человеческая могила не лежит так далеко на севере. Его товарищи сложили из камней памятник на берегу Земли Гранта и прибили доску с его именем и надписью: «Он погиб под 86° сев. широты, увеличив своим именем список героев, нашедших свою могилу в полярной пустыне».

Под конец путешествия с Пири остались только четыре эскимоса и его старый слуга, негр Матта Генсон, который был его непременным спутником во всех полярных путешествиях и делил с ним все невзгоды и опасности. Он не захотел расстаться с Пири и отправился вместе с ним к полюсу. Последний переход кончился 6 апреля в 10 часов утра, и в течение пяти дней путешественники шли по 46—56 километров в день. По расчету Пири он должен был уже находиться вблизи полюса, и действительно, измерение 6 апреля указало 89° 57" северной широты: заветная цель была достигнута!

Но Пири так устал от чрезмерного напряжения сил и так нуждался в отдыхе, что, как он сам сознается, испытывал только одно желание — спать! Даже близость полюса не действовала на него ободряющим образом и потому, как

только эскимосы выстроили из снега хижину — «иглу», он тотчас же завалился спать. Однако, через два часа он уже снова был на ногах и написал в своем дневнике:

«Наконец-то, я у полюса. Триста лет люди добивались этого! Это была моя мечта и цель, к которой я стремился в течение 20 лет.

Как все это было странно! И всего страннее было то, что я в самом деле был на верхушке земли и перешел из западного полушария в восточное... Когда небо прояснилось, и мы могли произвести астрономические наблюдения, то оказалось, что мы находимся уже *по ту сторону* Северного полюса. Как-то трудно было понять, что мы шли сначала по направлению к северу, а затем, не изменяя, однако, своего направления, шли к югу.

Ни востока, ни запада на севере для нас не существовало, когда мы стояли у полюса. Существовал только юг. С какой бы стороны ни дул ветер, он всегда должен был дуть с юга. На том месте, где мы находились, один день и одна ночь составляют год. Если бы мы стояли у полюса во время шестимесячной полярной ночи, то могли бы видеть полярную звезду в самом зените».

По вычислениям Пири, его последняя стоянка была удалена от полюса на 9—10 километров. Он сделал еще несколько проверочных наблюдений, чтобы определить с наибольшей точностью положение полюса и еще раз убедиться, что он очень близко прошел через него во время своего торопливого последнего перехода.

В виду приближения лета, когда во льду образуются широкие трещины, Пири не решился оставаться на полюсе дольше и пробыл всего 30 часов. Водрузив на этой оконечности земного шара пять флагов, Пири пустился в обратный путь по собственным следам. В девяти кило-

метрах от полюса при измерении глубины, лот, длиной в 750 метров, не достиг дна. Ледовитый океан, значит, очень глубок в этом месте. Глубина быстро возрастает, начиная от «злой расщелины», измерение которой указано 201 метр.

Все путешествие к Северному полюсу по ледяному полю туда и обратно продолжалось 53 дня. Передвигаясь ежедневно по 45 километров, Пири уже через 16 дней снова очутился на земле Гранта. Обратный переход совершился без особенных приключений, и когда путешественники увидели край глетчера, следовательно, твердую землю, то все чрезвычайно обрадовались. На ледяном поле они не чувствовали себя в безопасности, и в самом деле, на ледяной коре океана им грозила ежедневная и ежечасная опасность провалиться в какую-нибудь полынью.

Пири родился в 1856 году в Пенсильвании, и ему было уже 53 года, когда он отправился в свое последнее путешествие, увенчавшееся открытием Северного полюса. Он сам говорит, что, за исключением Джона Франклина, ни один человек не рисковал отправляться в таком возрасте в полярную область.

Спутник Пири, эскимос Атэ, так объяснял его удачу в последнем путешествии:

«Злой дух спит или бранится со своей женой, — говорил он Пири, — иначе мы бы никогда не отделались так легко!»

Эскимос не мог себе представить, чтобы без этой случайной ссоры, отвлекшей внимание злого духа, экспедиция могла благополучно вернуться из своего опасного путешествия.

На обратном пути из своего последнего путешествия Пири получил известие, что другой исследователь, амери-

канский врач Кук, несколько раз сопровождавший Пири в его путешествиях по Гренландии и участвоваший в большой экспедиции Жерлаха к Южному полюсу, предупредил его и достиг полюса год том уназад весной 1908 г. Кук провел зиму 1907/1908 года среди эскимосов у пролива Смита и там у него возник план экспедиции к Северному полюсу. Он взял с собой двух эскимосов и 26 собак с двумя санями, отправился к северу и достиг полюса 21 апреля 1908 года. Через два дня он пустился в обратный путь, но возвращение оказалось чрезвычайно трудным. Сильные бури и густые туманы задерживали путешественников. Кроме того, приходилось делать большие обходы из-за открытых водных пространств, а, в конце концов, западное течение отнесло путешественников далеко к западу. Когда им, наконец, удалось высадиться у пролива Джонса на твердую землю, то там они провели зиму в пещере, питаясь тем, что приносила им охота, и тотчас по появлении солнца продолжали свой путь к югу, к селению Эта, где их подобрал датский пароход. Извещение Кука об открытии им полюса было получено за пять дней до сообщения Пири.

По своем возвращении Пири тотчас же выступил против Кука и объявил, что Кук вообще не был на полюсе. Возник достаточно некрасивый спор между двумя соперничающими исследователями, и Пири решительно обвинял Кука в обмане. Однако, в пользу Кука высказались многие выдающиеся исследователи, и в том числе Амундсен. Назначены были две судебные комиссии, в состав которых вошли специалисты по этому вопросу. Пири представил свои инструменты и записки американской комиссии, которая единогласно признала его правоту. Кук тоже представил свои доказательства, но сделал это лишь после про-

должительного колебания, и его документы оказались на столько бессодержательными, что совершенно не давали возможности выяснить, был ли он действительно на полюсе или нет. Притом же и эскимосы, спутники Кука, говорили, что он вовсе не направлялся к полюсу, а лишь сделал небольшую экскурсию, во время которой даже не потерял из виду берег. Недоверие к Куку во время разбирательства этого спора усилилось, когда он внезапно исчез и никто не знал, где он находится. Потом оказалось, что он был в санатории для нервных больных в Германии, и, в конце концов, он сам заявил, что под влиянием сильнейшего напряжения сил в течение многих месяцев у него сделалось такое расстройство нервной системы, что он даже не уверен в том, был ли он действительно на полюсе. Однако, хотя дело и было решено в пользу Пири, но Кук до сих пор имеет много приверженцев, продолжающих отстаивать его. Для науки, конечно, не имеет значения, кто из них первый достиг полюса. Но, во всяком случае, задача достижения Северного полюса, стоившая стольких жертв и усилий, может теперь считаться решенной, хотя, конечно, для научных исследователей на полюсе остается еще много работы.

Цель Пири была достигнута, и больше он уже не предпринимал никаких полярных путешествий. После своего возвращения в Вашингтон он был произведен в чин адмирала, и американский конгресс выразил ему в специальном акте благодарность за его достижения. Это было в 1911 году, и в этом же году он был избран делегатом Соединенных штатов в Международную Полярную комиссию в Риме. В последние годы своей жизни он особенно заинтересовался воздухоплаванием и несколько раз читал публичные лекции о применении аэропланов в полярных

экспедициях, а в 1917 году издал книгу «Тайны полярного путешествия».

Он умер в Вашингтоне в 1920 году.

В 1912 году, в половине августа вышла из Архангельска русская экспедиция лейтенанта Седова, в составе 29 человек, на очень старом паровом судне «Св. Фока». Эта экспедиция отправилась к Земле Франца-Иосифа, и Седов намеревался оттуда организовать санную поездку к полюсу для того, чтобы там рядом с американским флагом водрузить и русский флаг.

Средства для снаряжения экспедиции были доставлены группой частных лиц, так как русское царское правительство отказало в субсидии после того, как комиссия специалистов признала план Седова недостаточно разработанным и его предприятие малоподготовленным. Тем не менее, Седов решил осуществить его и организовать первую свою экспедицию вопреки заключению комиссии.

Экспедиция отправилась, но судно не могло пробиться сквозь густой лед между Новой Землей и Землей Франца-Иосифа, и путешественники вынуждены были зимовать у северо-западных берегов Новой Земли. Но место для зимовки оказалось неудачным. Бухту, где стояло судно, окружали высокие скалы, круто поднимавшиеся над водой. Избы нельзя было выстроить, так как лес, заготовленный для постройки, пришлось раньше выбросить за борт, чтобы облегчить судно, когда оно попало на мель, и все попытки снять его с мели были тщетны.

Зима была очень тяжелая. Однообразная жизнь, холод и долгая полярная ночь плохо отражались на здоровьи участников экспедиции, тем более, что большинство команды не принадлежало к числу испытанных людей, быв-

ших уже в полярных странах и приспособившихся к условиям полярных путешествий. Здоровье такой плохо подобранной команды пошатнулось. С наступлением лета 1913 г. пять человек заболели, и Седов вынужден был отправить их на собаках к югу, на Заячьи острова. Оттуда они уже добрались в лодке с величайшими усилиями до Новой Земли, где их подобрал пароход «Ольга».

Но Седов, несмотря на то, что у него оставалось мало провизии и топлива, все же отправился к земле Франца-Иосифа, где ему пришлось снова зимовать под 80° сев. шир.

На собаках.

Между тем на судне развилась цынга, и от нее умер механик судна. Однако, когда появилось солнце, Седов, несмотря на то, что уже был болен, не захотел отказаться от своей идеи достигнуть полюса и решил все-таки итти на север. Он не стал слушать никаких уговоров остальных своих спутников. Взяв с собой двух человек, согласившихся ему сопутствовать, и три собачьи упряжки, он двинулся в путь. Между тем дорогой ему стало хуже, силы его быстро падали. Спутники стали умолять его вернуться, но он был непреклонен и говорил, что его долг приказывает ему выполнить свое решение и поступить иначе он не может. Опасаясь, что его спутники самовольно повернут

на юг, Седов, лежа на санях, не выпускал из рук компаса и все время следил за направлением.

Наконец они достигли 81° 40' сев. широты, но тут перед ними открылась большая полынья в проливе, отделяющая Землю Франца-Иосифа от острова Кронпринца Рудольфа. Седов уже временами лишался сознания, когда они остановились и разбили палатку. Придя в себя, он жаловался на свои страдания и говорил, что развязка приближается. Его товарищи, желая сколько-нибудь облегчить его страдания и согреть его холодеющее тело, все время держали возле него зажженную керосинку. Но ему становилось все хуже, он стал задыхаться и вскоре умер.

Это было 20 февраля 1914 года. Товарищи непременно хотели доставить его тело к месту зимовки судна и тотчас же после его смерти двинулись в обратный путь. Но, вследствие темноты и почти непрерывных бурь и метелей, они часто сбивались с дороги. Припасов у них почти не оставалось и, выбившись из сил, они решили похоронить Седова на берегу острова Кронпринца Рудольфа и уже совсем налегке итти как можно быстрее к месту, где было оставлено судно. С большим трудом они вырыли могилу и поставили на ней крест из двух лыж, а затем, бросив тут двое саней и весь остаток багажа, они с одними санями и собаками, истощенные и полуживые, все добрались благополучно до своего судна.

Так печально кончилась экспедиция Седова, и ее участь указывает, что для успеха подобного предприятия недостаточно только мужества и смелости, а нужны очень большая подготовка и хорошее снаряжение. У Седова же не было достаточно средств для этого и пришлось удовлетвориться старым китобойным судном, на котором, без риска, нельзя было отправляться в полярное путешествие.

Глава VIII

Великий северный морской путь. — Экспедиция Толля. — Экспедиция Вилькицкого. — Экспедиции Брусилова и Русанова. — Судьба их. — Слова Нансена о стране будущего.

Путешествие Норденшильда на пароходе «Вега» установило возможность морского плавания из Европы в Сибирь и Восточную Азию; тем не менее этот путь не был использован для торговых целей, так как большинство этих попыток оканчивалось неудачей. Плавания из Европы в Сибирь почти совершенно прекратились. Но «Великий северный морской путь» все же не был вполне забыт и после того, как были произведены гидрографические исследования берегов Ледовитого океана и устьев сибирских рек Оби и Енисея, из Англии были отправлены в Сибирь три парохода с грузом в 1896 г., а в следующем году — одиннадцать.

В 1900 году была организована русская морская экспедиция для исследования сибирского Ледовитого океана под начальством геолога Толля, много раз путешествовавшего по северу Сибири и исследовавшего Новосибирские острова. Для этой экспедиции было специально приобретено в Норвегии паровое китобойное судно «Заря». Толль

запасся провиантом на три года и в июне выехал на Мурман. Там он взял приготовленные для него двадцать ездовых собак и направился в Карское море. В сентябре «Заря» была задержана льдами у берегов Таймырского полуострова. Судно простояло там одиннадцать месяцев и могло освободиться только в августе. Толль продолжал свое плавание до острова Беннета, но в виду сплошных льдов принужден был повернуть обратно и вторично зимовать у острова Котельного.

Весной 1902 года зоолог экспедиции Бируля отправился к Новосибирским островам для исследования, а три недели спустя за ним последовал Толль в сопровождении астронома Зееберга и двоих туземцев, с целью пробраться на остров Беннета. Было установлено, что «Заря» придет туда за путешественниками в течение лета, но так как лето и в том году наступило поздно, то пароход снова встретил льды у острова Беннета и, после нескольких бесплодных попыток пробиться сквозь них, вынужден был итти, согласно данному раньше распоряжению Толля, к устью Лены, на зимовку. Толль и Бируля остались зимовать на местах своей деятельности. Бируля затем благополучно вернулся, но о Толле и его спутнике ничего не было известно, и на поиски исчезнувших отправился в мае 1903 года лейтенант Колчак, который нашел на острове Беннета, под грудой обледенелых и занесенных снегом камней, оставленные Толлем инструменты, коллекции, план острова и записи. Толль пробыл три месяца на этом уединенном острове, который он исследовал подробно. Свою записку он заканчивал следующими словами: «Отправляемся на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы».

Это были последние сведения об экспедиции, и несмотря на все дальнейшие тщательные поиски никаких сле-

дов Толля и его спутников не удалось найти нигде. Покинув остров Беннет, они бесследно исчезли...

Новая русская экспедиция отправилась в 1909 году на двух пароходах-ледоколах для подробного обследования всего пути до Берингова пролива. Эти два парохода «Таймыр» и «Вайгач», начиная с 1919 года, ежегодно совершали плавания по Северному морю. Экспедиция находилась под начальством капитана Вилькицкого, которому все же удалось, после многократных бесплодных попыток, добиться своей цели и пройти через северо-восточный проход в Европу. В сентябре 1915 года экспедиция Вилькицкого прибыла в Архангельск и, следовательно, совершила морское плавание с Дальнего Востока в Европу, мимо северных берегов Азии и Европы. Мы уже говорили, что первым совершил такое плавание Норденшильд на пароходе «Вега», а вторым был Вилькицкий, и разница заключается лишь в том, что Норденшильд совершил свое плавание, следуя с запада на восток, т. е. из Европы в Азию, а капитан Вилькицкий прошел из Азии в Европу.

Плавание Вилькицкого закончилось благополучно, но два других исследователя, Брусилов и Русанов, тоже предпринявшие попытку пройти северо-восточным проходом, погибли среди полярных льдов. Капитан Брусилов вышел на своем судне «Св. Анна» в сентябре 1913 года и направился через Карские ворота в Карское море с намерением все время плыть вдоль северных берегов Сибири, чтобы произвести подробную съемку этих берегов. Но после того, как экспедиция проникла в Карское море, прекратились все известия о ней. Только летом 1914 года спасшиеся члены экспедиции Седова случайно встретили двух участников брусиловской экспедиции, которые и расска-

зали им следующую печальную повесть: судно «Св. Анна» вскоре после начала плавания было затерто льдами в Карском море, и затем полярное течение, вместе со льдами, сковывавшими его, увлекло его к северо-западу. Корабль достиг таким образом 83° 17' сев. широты, но в это время на корабле почти уже не осталось съестных припасов, и людям грозила голодная смерть. Тогда одиннадцать человек решили высадиться и пойти по льду к мысу Флора. Они питались дорогой только мясом моржей и белых медведей, которых удавалось иногда убивать. От страшных лишений, холода и усталости двое умерли во время перехода, а девять человек пропали без вести и только двое, штурман и матрос, совершенно выбивавшиеся из сил, полуживые, добрались до мыса Флора, где, по счастью, в это время находилось судно «Св. Фока» с экспедицией Седова. Это спасло их от неминуемой гибели среди мрака и льдов полярной ночи. Но судьба Брусилова и его ближайших спутников, которые остались на корабле, так и осталась неизвестной. По всей вероятности, они погибли голодной смертью в страшной ледяной пустыне или потонули в пучине полярного океана, когда корабль был раздавлен льдами.

За два года перед тем так же бесследно погибла в полярных льдах экспедиция Русанова, выдающегося русского исследователя, по профессии геолога, производившего в течение нескольких лет исследования на Новой Земле. Он первый совершил в 1910 г. плавание вокруг всего северного острова Новой Земли. Полагая, что путь в Карское море более безопасен мимо северной оконечности Новой Земли, так как туда доходят струйки теплого течения гольфстрема, идущего из Атлантического океана, Русанов решил попытаться пройти через Северный Ледовитый океан

из Европы в Восточную Азию, плывя прямо на восток, от северного мыса Новой Земли, названного им «Мысом Желания», к Новосибирским островам и далее, по направлению к мысу Дежнева и Берингову проливу. Русанов снарядил свою экспедицию в 1912 году на судне «Геркулес». В экспедиции участвовала и его невеста, женщина-врач Жюльета Жан. В июне «Геркулес» направился к Шпицбергену для производства геологических работ, во время которых были открыты на Шпицбергене богатейшие залежи каменного угля. Двое участников экспедиции, Самойлович и Сватош, вернулись оттуда в Россию, а Русанов с остальными направился на восток к «Мысу Желания» и оттуда дальше, чтобы проверить справедливость своих предположений.

Последние известия были получены от Русанова в сентябре 1912 года. Это была небольшая записка, которую он бросил в бутылке в море. Там было написано следующее: «Шторм отбросил к Маточкину Шару. Иду к северной оконечности Новой Земли и далее на восток к Новосибирским островам».

С тех пор об экспедиции Русанова не было никаких вестей, и посланное на поиски судно «Эклипс», под командой известного норвежского мореплавателя Свердрупа, тоже не выяснило ее судьбы.

Однако, все эти экспедиции, имевшие целью отыскание северо-восточного прохода, доказали, что хорошо оборудованные суда могут все-таки достигать из европейских морей устья Енисея, а из Тихого океана — устья Лены. Нансен, совершивший в 1913 году удачное плавание на судне «Коррект» из Норвегии к устью Енисея, через Карские ворота и обратно, описал это путешествие в своей книге, озаглавленной; «В страну будущего», «Страной будущего»

он называет Сибирь и предсказывает ей огромную роль в экономической жизни России. В предисловии он говорит:

«Громадные леса Сибири, беспредельная тайга, могучие реки и волнистые степные пространства, лежащие в стороне от шума битв, попрежнему ждут людей, когда они, наконец, устанут истреблять и разрушать . . .»

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ СВЕТА

Глава IX

Австральный материк. — Мнение Кука об Антарктике. — Возобновление интереса к антарктической области. — Экономические причины. — Русская экспедиция. — Три экспедиции: французская, американская и английская, и сделанные ими открытия. — Ворота Антарктики. — Великий ледяной барьер. — Самый южный из вулканов. — Борхгревинк. — Бельгийская экспедиция. — Шествие пингвинов. — Зимовка в Антарктике.

Великий древний греческий географ Птоломей, живший во II веке нашей эры, высказывал мысль, что в южном полушарии должен существовать огромный материк, ограничивающий с юга Индийский океан и, вероятно, соответствующий по своим размерам суше северного полушария. Этот неизвестный, таинственный «австральный материк», конечно, должен был привлекать отважных исследователей, отправлявшихся на поиски «шестой части ствета». Вера в ее существование сыграла такую же роль в организации южно-полярных экспедиций, какую сыграло стремление найти северо-западный морской проход из Европы в Азию в истории экспедиций к северному полюсу.

Экспедиции к южному полюсу начались давно и, как почти всегда, побудительной силой была жажда наживы и

стремление к увеличению своих владений. Торговля и политика одинаково были заинтересованы в этих экспедициях, но участвовали в них также представители науки и представители религии, разные миссионеры, мечтавшие об обращении в христианство жителей неведомых южно-полярных стран.

В начале XVIII века очень многие путешественники открывали в разных местах в южной части Великого океана земли, которые и принимались ими за оконечности этого таинственного австрального материка. Однако, потом они оказывались лишь незначительными группами островов. Никому из этих путешественников не удалось достигнуть антарктического материка, и никто из них даже не пересекал южного полярного круга. Это сделал впервые знаменитый мореплаватель XVIII века Джемс Кук, объехавший незадолго перед тем Австралию и Новую Зеландию. Он три раза перешел южный полярный круг и в сущности первый положил начало исследованию южной полярной области.

Но Кук, открывший много островов и исследовавший те острова, которые принимались прежними путешественниками за крайние выступы Антарктики, пришел к заключению, что если и существует южно-полярный (антарктический) материк, то он должен лежать близко к полюсу и совершенно недоступен для человека, так как окружен сплошными льдами. Кук своими путешествиями доказал, что в южном полушарии преобладает море над сушей, и больших материков там нет. Плавание же по Южному Полярному океану сопряжено с большими трудностями и опасностями, и описания суровой природы антарктической области, сделанное Куком вместе с его утверждением о невозможности проникнуть к таинственному материку —

если он существует — надолго отбили охоту к дальнейшим попыткам достигнуть его. И в течение целых 50 лет никакие экспедиции не снаряжались в южную полярную область. Но рассказы Кука о громадных количествах тюленей вокруг острова Новой Георгии в южной полярной области побудили огромное количество английских охотников отправиться туда. Там сошлось в одном году 10 кораблей с общим числом экипажа в три тысячи человек.

В начале XIX столетия интерес к антарктической области еще усилился уже по чисто экономическим причинам. Благодаря усиленной охоте и истреблению моржей и тюленей в северной полярной области число этих животных стало уменьшаться, и промышленники тогда обратили свои взоры на южную полярную область, где уже Куком было замечено богатство и разнообразие морской фауны. Южную полярную область стали посещать английские охотники на моржей, которые и проникли за южный полярный круг. Вилльям Смит и Брэнсфильд открыли за этим кругом совершенно обледенелые Ново-Южно-Шотландские острова и еще целый архипелаг, лежащий дальше к югу.

Многие другие промышленники, отправлявшиеся в Южный Ледовитый океан для охоты на морских зверей, сделали попутно важные географические открытия в этой области. Но первой научной экспедицией, отправленной в южнополярную область, была русская экспедиция под начальством Беллингсгаузена и Лазарева, одна из самых замечательных южно-полярных экспедиций прошлого века, открывшая за полярным кругом погребенные под снегом и льдом острова и землю Александра I. Эта была первая суша, открытая за полярным кругом.

Английский промышленник Джемс Веддель, плававший в Южно-полярном океане, сделал почти одновременно с рус-

ской экспедицией важные открытия в этой области. К югу от Южно-Оркнейских островов он увидал свободное от льда море, которое и названо его именем. Плывя дальше к югу по этому незамерзшему морю, он достиг 70° 15' южной широты. Но дальше итти не мог, так как корабли его находились в очень плачевном состоянии, экипаж был болен цынгой, что и принудило его к возвращению.

Все это были случайные открытия, сделанные промышленниками, которых привлекала в область Антарктики надежда на богатую добычу. Научные же исследования южно-полярных областей начались позднее, когда были отправлены туда одновременно три экспедиции: французская, американская и английская, работавшие там с 1838 г. по 1843 год. Самых больших успехов достигла английская экспедиция на кораблях «Эребус» и «Террор», под командой Джемса Клерка Росса и Фрэнсиса Крозье.

Американская экспедиция под начальством Чарльза Вилькса достигла берега антарктического материка, но этот берег, окруженный высокой ледяной стеной, не давал возможности высадиться. Вилькс прошел 2.300 километров вдоль побережья, которое впоследствии было названо землей Вилькса, но льды преградили ему дальнейший путь. Его карта, с нанесенными на ней открытиями, которые были сделаны обеими экспедициями, французской и американской, помогла Россу сделать важное открытие и совершить самое отважное плавание в истории Антарктической области. Росс не пошел по обследованному пути, а, вопреки полученным инструкциям, направился прямо к югу от острова Тасмании и достиг таким образом единственного места, где можно было проникнуть в глубь Антарктики без особых трудностей. Это свободное место, которое могло назваться «воротами Антарктики», было —

«море Росса», служившее потом для всех последующих экспедиций местом, откуда они продвигались дальше в глубь антарктической области и производили свои исследования.

Росс достиг 78° 10' южной широты и три раза зимовал в южной полярной области, но несколько севернее полярного круга. Он открыл землю Виктории, окаймленную неприступной ледяной стеной — «великим ледовитым барьером», высотой в 50 метров. Экспедиция увидела целый ряд больших горных вершин и среди них гигантский конус, покрытый снегом и льдом, внезапно начавший извергать дым и пепел.

Конечно, это было совершенно неожиданное зрелище, поразившее путешественников. Этот, самый южный из всех действующих на земле вулканов, был назван по имени корабля экспедиции «Эребус», а другому вулкану, по соседству с ним, было дано название «Террор», по имени второго судна. Этот второй вулкан был несколько меньше первого.

Путешественники долго не могли оторвать глаз от такого удивительного зрелища, какое представляла огнедышащая гора среди полярных льдов и великой снежной пустыни. Но проникнуть за ледяной барьер им не удалось, и для Росса было большим разочарованием, что он так и не увидал конца ледяной преграды. Лишь в некоторых местах, где стена, совершенно отвесная и точно гладко срезанная, несколько понижалась, можно было увидеть широкую, покрытую снегом равнину, постепенно поднимающуюся и примыкающую вдали к горной цепи. С выступов же стены, над морем, всюду свешивались гигантские ледяные сосульки, — и это могло служить доказательством, что лед иногда тает, несмотря на то, что средняя темпера-

тура самого теплого места в этой области все же бывает ниже нуля.

Каким опасностям подвергались оба корабля во время этого плавания, доказывает следующий рассказ самого Росса:

«Непроницаемая пелена тумана окутывала оба судна, и между ними вздымались и пенились волны, так что каждую минуту можно было ожидать столкновения. Чтобы не потерять друг друга в густом тумане, с обоих кораблей непрерывно стреляли и подавали сигналы. Но к ночи поднялся шторм, и море в одно мгновение поднялось на колоссальную высоту. Корабли были отнесены в густой лед и окружены твердыми, как камень, безудержно носящимися по морю ледяными глыбами, которые ударялись о борт кораблей, и суда так трещали и стонали, что в сердца самых стойких моряков прокрадывался ужас... Мы вдруг увидали перед собой настоящее чудовище в образе ледяной горы. Волны вздымались вокруг горы и свирепо ударяли своими покрытыми пеной верхушками на ее отвесные стены. Одна волна подхватила «Террор» и подняла корабль так высоко, что почти виден был киль. Корабль вертелся как волчок, но все-таки проскочил между двумя ледяными горами. Где находился «Эребус», мы не знали. Во время собственной страшной опасности мы забыли о товарищах. Ночная тьма скрывала все. Мы зажгли синий свет, и к великой нашей радости нам тотчас же ответили на наш сигнал. Таким образом мы узнали, что «Эребус» тоже спасся».

Вернувшись из этого второго путешествия в Южнополярное море в апреле 1842 года и исправив повреждения своих кораблей, неутомимый путешественник в декабре того же года, снова снарядил корабли и отправился в свое

третье и последнее путешествие. Правда, южный полюс им не был открыт, он оставался таким же далеким и неприступным, но Росс достиг наивысшей широты во время этого путешествия (71° 30' южной широты) и открыл путь к южному полюсу. Научные результаты его полярных экспедицией были громадны.

Магнитные наблюдения указывали на то, что магнитный полюс должен находиться на северо-западе ледяного барьера. Корабли подошли как можно ближе к ледяному барьеру и продолжали плыть вдоль него. По словам Росса в этом месте вышина стены достигала от 60 до 90 метров и стена представляла из себя совершенно ровную поверхность. Корабли плыли в течение пяти дней. В некоторых местах казалось, что ледяная стена достигает морского дна, в других же местах она была пловучая и тогда от нее отделялись многочисленные ледяные горы, изумительно красивые, но очень опасные для кораблей.

После экспедиции Джемса Росса наступил перерыв в истории антарктических путешествий, и это объясняется тем, что главное внимание большинства полярных исследователей было обращено в то время на Северный полюс. Корабли «Эребус» и «Террор», только что вернувшиеся с Россом из путешествия к Южному полюсу, сейчас же отправились в новую экспедицию к Северному полюсу под командой Джона Франклина и Крозье, из которой им уже не суждено было вернуться.

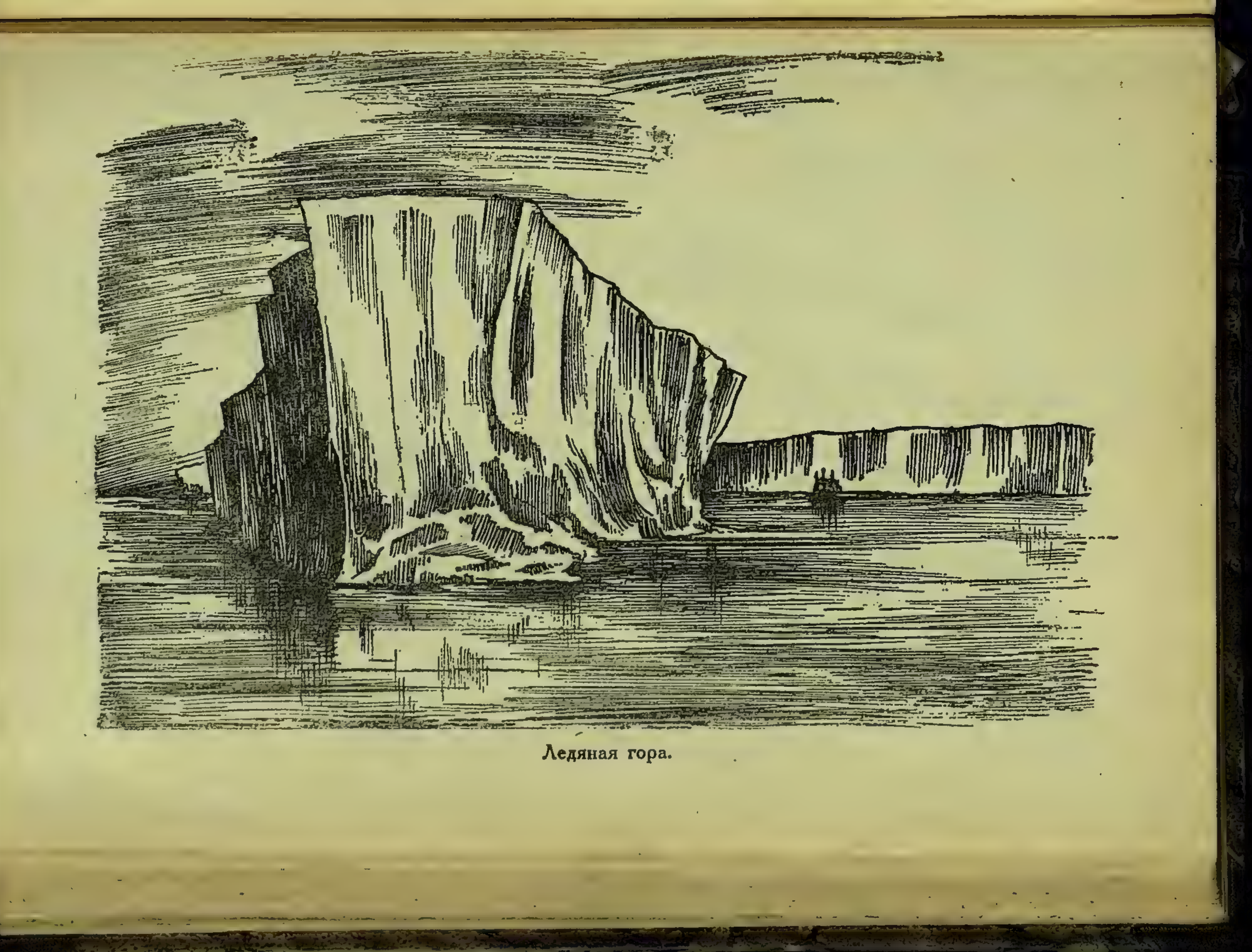
Однако, в конце XIX века интерес к южно-полярной области снова пробудился, и, главным образом, тут опять-таки повлияли экономические причины. Когда охотничий промысел в северных водах стал сильно падать, то взоры промышленников вновь обратились к Антарктике. В 1892 г. отправилась уже целая флотилия шотландских промыш-

ленников, и в этом путешествии участвовали два натуралиста и один художник.

Норвежский капитан Ларсен тоже отправился по поручению одного гамбургского торгового общества исследовать, насколько антарктические моря богаты тюленями и китами. Через два года после этого норвежское китобойное судно «Антарктик», под командой капитана Будля, проникло в глубь моря Росса. На этом пароходе находился в качестве простого матроса молодой норвежский натуралист Борхгревинк, с юных лет мечтавший об Антарктике. Описывая потом свое путешествие, Борхгревинк говорит:

«Никогда не забуду свою первую ночь, проведенную на этом старом китобойном судне! Эта ночь была ужасна! Мне отвели единственную койку, которая оказалась свободной лишь потому, что ее прежний владелец, возвращаясь накануне с берега, оступился с мостков и утонул. Койка эта напоминала видом гроб: она была загорожена со всех сторон и помещалась как раз над складом сала, которое портилось от жары. Запах его, смешанный с испарением тел спавших матросов, наполнял все это тесное помещение невыносимой вонью...»

Пароход «Антарктик» направился через море Росса к земле Виктории и в течение 38 дней вел неустанную борьбу с густыми пловучими льдами. Но, наконец, пароходу удалось приблизиться к берегу. Борхгревинк, проводивший все свое свободное время в так называемом «вороньем гнезде» — наблюдательном пункте на верху мачты, заметил плоский свободный от льдов береговой выступ, составлявший западную оконечность земли Виктории. Тут можно было высадиться на берег, что он и сделал, и, таким образом, он оказался первым человеком, ступившим ногой на берег антарктического континента, или «шестой

Ледяная гора.

части света». К своему величайшему сожалению он мог пробыть на берегу лишь короткое время, но все же успел собрать образцы горных пород и растений южного континента, который раньше считался совершенно лишенным растительности.

Все эти экспедиции преследовали, главным образом, промышленные цели, и потому научные интересы отступали тут на задний план. Географические открытия и научные иследования носили до некоторой степени случайный характер. Капитаны пароходов не могли ради научных открытий останавливаться подолгу в таких местах, которые были бедны ценными морскими животными, хотя для науки там и открывалось обширное поле деятельности. Поэтому и пароход «Антарктик», к величайшему огорчению молодого натуралиста, покинул берега земли Виктории, в виду бедности прибрежных вод морскими животными.

Но, разумеется, Борхгревинк не отказался от своей мечты вновь отправиться в Антарктику и по возвращении в Европу стал усиленно пропагандировать идею международного исследования южной полярной области и снаряжения туда экспедиции с чисто научными целями. После долгих усилий, ему удалось, наконец, заинтересовать в своем проекте лондонского книгоиздателя Ньюнса, который пожертвовал большую сумму денег на снаряжение новой южно-полярной экспедиции. Борхгревинк мог приобрести пароход «Южный Крест», перестроенный по образцу «Фрама», на котором Нансен совершил свое знаменитое путешествие к Северному полюсу.

Пока Борхгревинк хлопотал об изыскании средств для проектируемой им южно-полярной экспедиции, в Антарктику отправился молодой бельгийский моряк Жерлах, предложивший бельгийскому географическому обществу соб-

ственный план экспедиции к Южному полюсу. Его план получил одобрение, и, заручившись поддержкой Географического общества, а также получив субсидию правительства, Жерлах начал деятельно готовиться к снаряжению экспедиции и в августе 1897 года отправился на корабле «Бельгика» к Южному полюсу. На «Бельгике», кроме самого Жерлаха, находилось 18 человек и в том числе молодой норвежец Роальд Амундсен, который впоследствии открыл Южный полюс, опередив несчастного Скотта.

Экспедиции Жерлаха пришлось зазимовать в Антарктике, потому что корабль натолкнулся в тумане на огромную ледяную гору, и затем вскоре его окружили льды со всех сторон и отрезали ему дорогу. Это была первая зимовка в южной полярной области. К концу зимы многие из членов экспедиции стали хворать, и один из них умер. Только когда вернулось солнце, вернулись и силы людей. Тогда Жерлах начал готовиться к обратному путешествию, но корабль так плотно засел во льдах, что возникли опасения, как бы не пришлось экспедиции провести в ледяном плену и вторую южно-полярную зиму. Надо было принять самые энергичные меры, чтобы избежать такой печальной участи, пугавшей всех членов экспедиции. И вот, чтобы освободить судно из ледяных оков, путешественники принялись пробивать во льду канал для выхода в открытое море. Они трудились над этим целый месяц, распиливая и взрывая лед динамитом и разбивая его натиском своего судна. Казалось, освобождение было близко, но вдруг ночью сделался сильный мороз, и путешественники с отчаянием увидели, что их месячный труд пропал даром — канал замерз! Прошло еще несколько дней, и внезапно разразившаяся буря в одну ночь взломала свежий лед в канале. Это было спасением. Проход был свободен, и «Бель-

Канал во льду.

гика» через три дня после этого избавилась от ледяных тисков и двинулась в открытое море. В Антарктике экспедиция провела 15 месяцев и сделала за это время много важных научных наблюдений.

Еще богаче научными результатами была экспедиция Борхгревинка, выехавшая, наконец, в Антарктику в 1898 г. на корабле «Южный Крест». Проплавав 48 дней среди льдов, «Южный Крест» достиг мыса Эдер на антарктическом материке и высадил на берег Борхгревинка и девять его спутников, которые должны были там зимовать. Корабль же вернулся обратно в Новую Зеландию и только на следующее лето, согласно распоряжению Борхгревинка, должен был опять итти в Антарктику за оставшимися членами экспедиции.

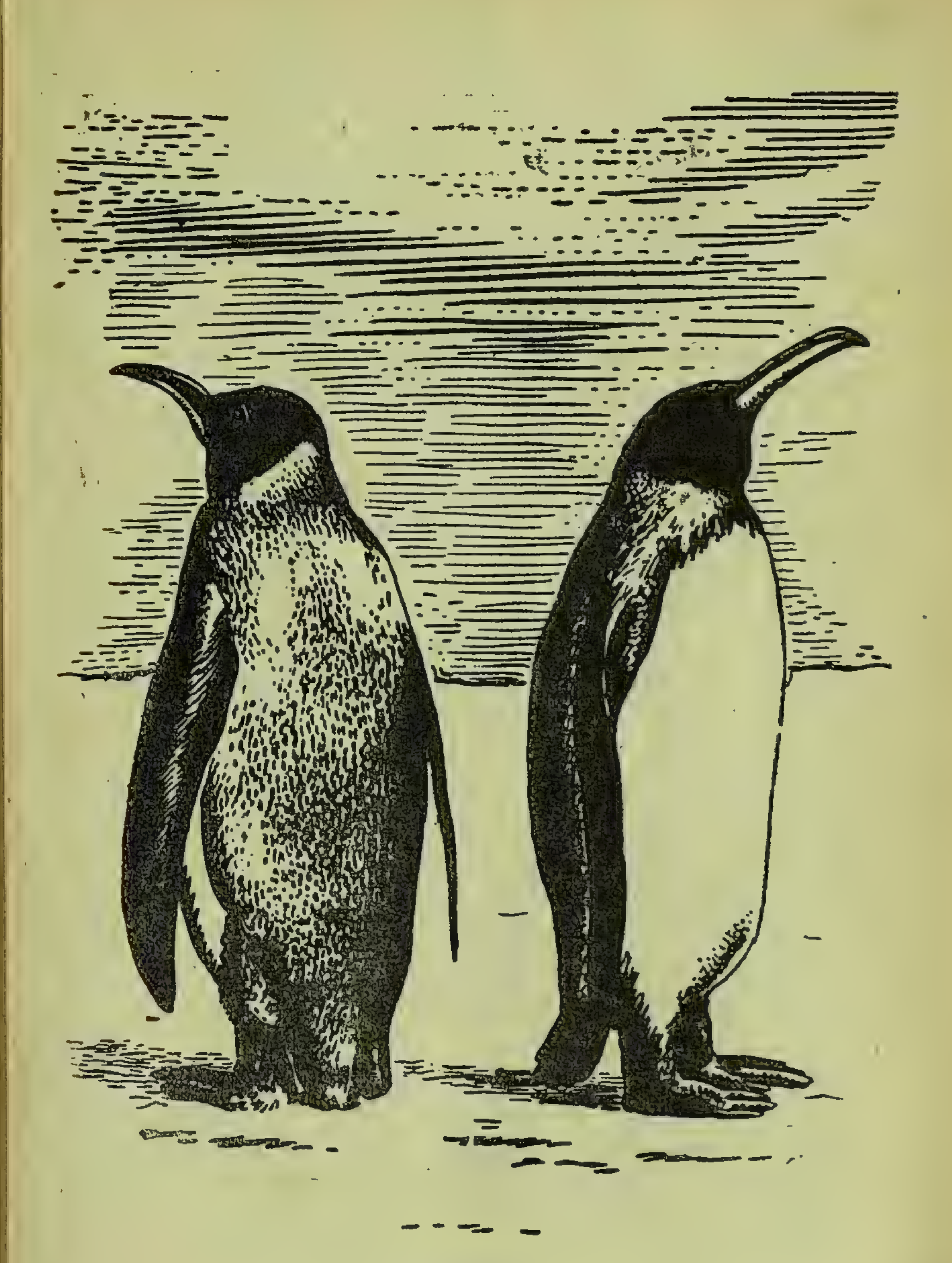
Борхгревинк и его товарищи остались одни на целый год в ледяной пустыне, на неведомом материке, скованном льдами. Они выстроили для себя небольшую хижину, стены которой обили внутри и снаружи тюленьими шкурами. В этом жилище им пришлось провести чрезвычайно суровую, холодную антарктическую зиму. Мороз доходил до сорока градусов по Цельсию и почти все время свирепствовали сильные бури. Скорость ветра достигала порой 145 километров в час, и путешественники иногда в течение целой недели не выходили из своей хижины. Наконец, после трехмесячной сплошной полярной ночи, показалось солнце на несколько минут. Это была великая радость. Начиналась весна, и надежды путешественников оживились. Борхгревинк и его спутники стали делать большие экскурсии в глубь страны, собрали много образцов горных пород, а также мхов и лишайников.

Зима прошла благополучно, но весной семью путешественников все же постигло несчастье: умер один из ее чле-

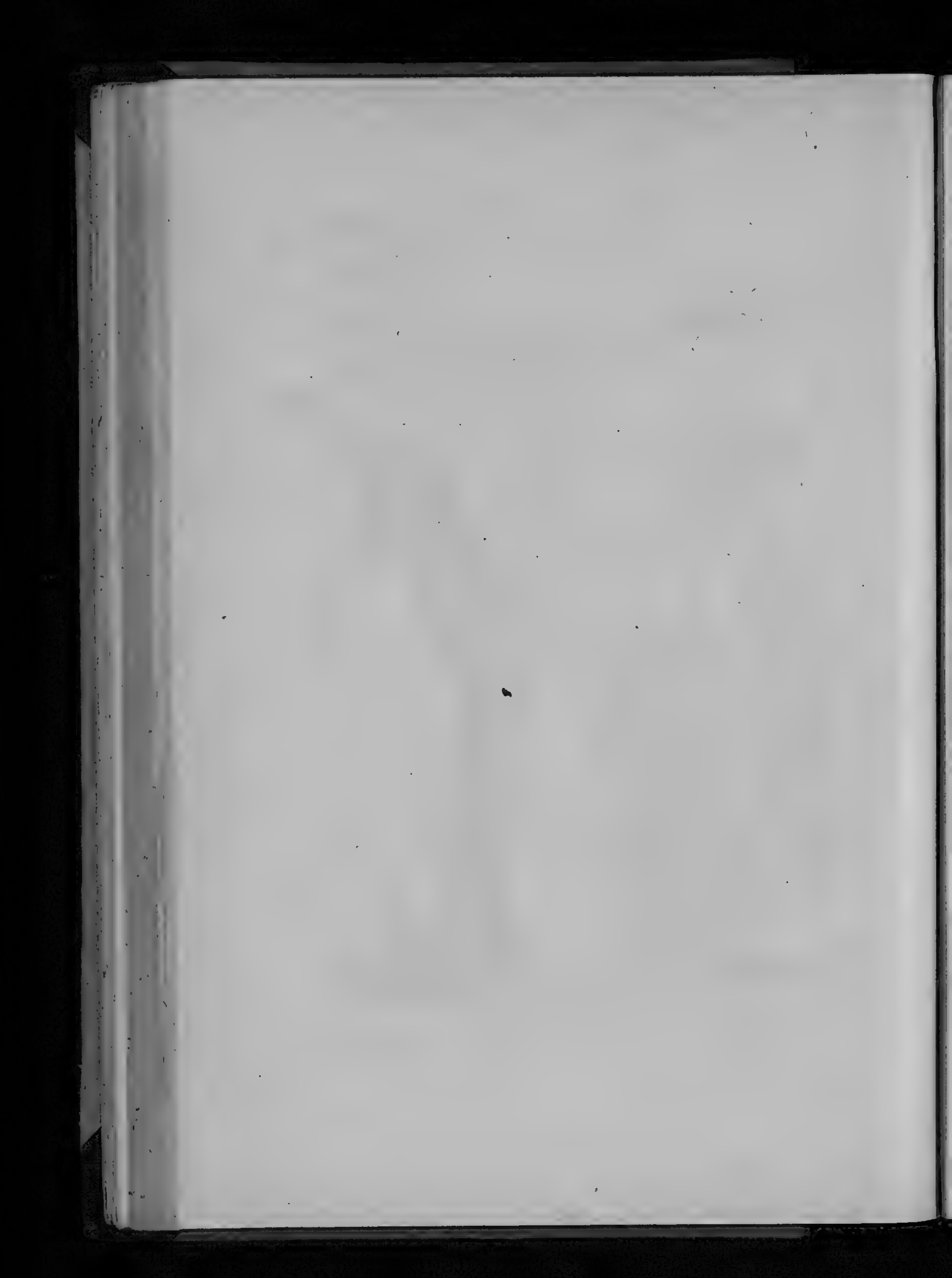
нов, препаратор Гансон. Путешественники взорвали динамитом кусок скалы на вершине мыса, и в образовавшуюся яму положили тело своего умершего товарища.

Дни стали прибывать и солнце поднималось все выше и выше. Наконец, в половине октября они увидели первые признаки жизни на антарктическом материке: явились пингвины. Они медленно шли по льду откуда-то с севера, длинной вереницей следуя один за другим и все по одной и той же тропинке, которую они протоптали во льдах. Острые края льдин резали ноги птицам, и поэтому тропинка окрасилась кровью. Эти бесконечные вереницы пингвинов двигались по направлению к мысу, где образовалось целое поселение. Одни из них располагались на берегу, другие поднимались на вершину горы и там устраивали свои гнезда, а третьи уходили куда-то в даль, в глубь материка. Путешественники с большим интересом наблюдали за жизнью этих южно-полярных обитателей.

Пингвины настоящие антарктические птицы, хотя многие из живущих в Антарктике пород, попадаются и даже гнездятся за ее пределами, у берегов и островов южной Африки, Австралиии и Южной Америки. Короткие крылья пингвинов всего более напоминающие ласты тюленей, совершенно непригодны для летания. Это орудия плавания и защиты. Пингвины ими дерутся и жестикулируют точно руками. Ноги у пингвинов короткие и крепкие и такой же короткий и крепкий хвост. Пингвин обыкновенно держится очень прямо, опираясь на ноги и хвост. Ходит он медленно и особенно издали напоминает маленького человека. Он покрыт короткими и очень пушистыми перьями, плотно налегающими друг на друга и образующими таким образом сплошной, непроницаемый ни для воды, ни для холода панцырь. Мясо пингвинов черное и

Пингвины.

жирное, по отзывам путешественников, довольно вкусное. Наиболее крупные виды пингвинов, напр., так называемый «императорский пингвин», бывают ростом выше одного метра и весят до двух пудов.

Пингвины обкладывают свои гнезда плоскими, круглыми камешками, образуя таким путем валик. За этими камешками приходится иногда далеко ходить, и так как пингвин притаскивает их по одному, то естественно, что постройка гнезда затягивается. Когда гнездо готово, самка кладет в него два яйца и высиживает их по очереди с самцом.

Общественные инстинкты у этих птиц развиты очень сильно и они никогда не ходят на кормежку по одиночке, а всегда большими партиями. Они предварительно собираются и точно совещаются о чем-то, жестикулируя при этом крыльями. Они издают много разнообразных звуков и постоянно как бы переговариваются между собой. Выбрав какого-нибудь, очевидно, более опытного предводителя, они выступают в поход к морю. Но идут медленно, и если по дороге встретится какое-нибудь неожиданное препятствие, то они останавливаются, снова совещаются и, наконец, обходят или перелезают через препятствие. Если в партии оказываются слабые или отстающие, то их поджидают. Путешественник Шарко видел, как одного больного пингвина, сильно задерживающего шествие, оставили под надзором пяти здоровых товарищей, и они медленно, с большими остановками дошли с ним до места назначения.

У пингвинов можно наблюдать также нечто в роде общественного воспитания. Когда родители уходят за пищей, то над целой компанией птенцов из нескольких гнезд наблюдает один взрослый пингвин, играющий в буквальном

смысле роль няньки или воспитательницы. Маленькие пингвины настолько подросли, что свободно разгуливают по поселку пингвинов и, конечно, могут подвергнуться различным опасностям. И вот «нянька-пингвин» присматривает за ними, защищает от врагов, а непослушных награждает шлепками при помощи своих крыльев.

Все пингвины необычно общительные и любопытные, даже любознательные существа. В свободное время они ходят гулять партиями, заходят в гости к другим пингвинам, при чем весьма оригинально кланяются и переговариваются на своем языке.

Пингвины, не видавшие раньше людей, однако, нисколько их не боялись и подпускали их к себе на довольно близкое расстояние. Птицы были заняты постройкой гнезд, и между самцами пингвинами часто возникала из-за них ожесточенная борьба, так что крики пингвинов оглашали с утра до вечера пустынный и безмолвный берег Антарктики.

Лето наступило, и перезимовавшие на берегу Антарктики путешественники стали с нетерпением ждать появления своего корабля. Но время проходило, а «Южный Крест» все еще не показывался. От напряженного томительного ожидания они уже не могли ничем заниматься, и все разговоры их вертелись около мучительного опасения, что им придется и вторую зиму провести в этой области. И вот, наконец, рано утром, когда все еще спали, матрос Эванс, выйдя из хижины, увидал какого-то человека. Это был капитан Иенсен с корабля «Южный Крест».

Путешественники воздвигнули каменный крест на могиле Гансона и на корабле покинули мыс Эдер. Они поплыли вдоль берега земли Виктории, и Борхгревинк высадился на берег у Китовой бухты на неприступной ледя-

ной стене. Эта высадка чуть не стоила жизни Борхгревинку и капитану Иенсену. Часть ледника вдруг оборвалась, и огромная глыба льда, упавшая в море, вызвала появление громадной волны, захлестнувшей обоих, так что им лишь с величайшим напряжением сил удалось удержаться за воткнутую в лед кирку и таким образом спастись от неминуемой гибели.

Ледяной барьер представлял выдвинутое вперед продолжение ледяного покрова антарктического материка, и поверхность его постепенно повышалась к югу. Борхгревинк отправился на санях по поверхности этого барьера к югу и достиг 70° 50' южной широты. Он производил магнитные наблюдения, но ему не удалось открыть магнитный полюс. До него еще ни одному исследователю не удалось проникнуть так далеко на юг, но, несмотря на сильное желание, Борхгревинк все же не решился продолжать далее свой путь, так как надо было думать о возвращении. Между прочим, он видел вулкан Эребус, который был в это время действующим. Линия побережья далеко уходила к югу, а море Росса, повидимому, представляло глубоко вдающийся залив.

В июле 1900 года экспедиция Борхгревинка благополучно вернулась в Англию.

Глава X

Возрастание интереса к Антарктике. — Немецкая и английская экспедиции. — Важные научные открытия. — Экспедиция Норденшильда и ее приключения. — Образование международной полярной комиссии. — Экспедиция Шекльтона. — Приготовление к зимовке. — Восхождение на вулкан Эребус. — Результаты экспедиции Шекльтона. — В южно-полярной пустыне было некогда тепло. — Важные научные открытия. — Новая экспедиция Шекльтона и ее злоключения. — Смерть Шекльтона.

Интерес к Антарктике начал возрастать лишь в конце прошлого столетия и на седьмом международном географическом конгрессе, происходившем в Берлине в 1899 году, был выработан общий план исследований антарктической области. Германия и Англия изъявили согласие отправить туда экспедицию. Начальником немецкой экспедиции был назначен известный исследователь Гренландии Эрих Дригальский, и для нее был построен специальный корабль «Гаусс».

Экспедиция выехала 31 января 1902 года, но так как был уже конец лета (в южном полушарии зима бывает тогда, когда у нас, в северном — лето), то количество плавающих льдин с каждым днем увеличивалось, и судно с трудом пробиралось между ними. Притом же и море было очень бурное, что сильно затрудняло плавание. Тем

не менее, несмотря на все затруднения, было открыто неизвестное, покрытое льдом побережье, которое было названо землей Вильгельма II. Ледяной покров этого побережья обрывался в море вертикальной стеной от 30 до 40 метров высоты, и из-под ледяного покрова возвышался на 336 метров потухший вулкан, который, благодаря сохранившейся в нем теплоте, был свободен от льда. Этот вулкан был назван «горой Гаусса». Пройдя еще 85 километров к югу, корабль был окружен льдами и вынужден был остановиться на зимовку. На льду были построены домики, служившие обсерваториями, и, несмотря на ужасные снежные бури, научные работы и наблюдения там не прерывались. Для того, чтобы наблюдатели могли возвращаться на корабль во время вьюги, не рискуя заблудиться, эти домики были соединены с кораблем канатами. Ровно через год корабль смог, наконец, освободиться от льда и продолжать плавание. Для этого вокруг корабля была насыпана широкая полоса угля и пепла, что и способствовало его освобождению от ледяных оков в самом конце лета.

Немецкая экспедиция не сделала важных географических открытий в антарктической области, ей удалось только открыть землю Вильгельма II и этим установить еще часть побережья антарктического континента. Экспедиция работала в совершенно незнакомой области и вследствие отдаленности суши не могла предпринимать больших экскурсий на санях в глубь материка, так как, если бы лед внезапно разломился и судно было бы унесено в море, то оставшимся на суше грозила бы неминуемая гибель.

Английская экспедиция, работавшая с 1901 по 1904 г., достигла большего успеха. Для этой экспедиции было построено специальное судно «Дисковери», значительно

больше «Гаусса» по размерам и быстроходнее его. Кроме того, каюты и лаборатории были гораздо лучше оборудованы. Начальником экспедиции и капитаном корабля был назначен Роберт Скотт и одним из его помощников был лейтенант Шекльтон.

Первую зиму эта экспедиция провела в заливе, отделяющем остров, на котором находятся вулканы «Эребус» и «Террор» от материка. Несмотря на бури и низкую температуру, доходившую подчас до 68° Ц. ниже нуля, научные наблюдения не прерывались, и были предприняты многочисленные экспедиции в глубь страны. Одна из них, под руководством Скотта, отправилась вдоль побережья земли Виктории и продолжалась 94 дня, при чем был достигнут 82° 17' южной широты. Это был самый южный пункт, который до этого времени был достигнут исследователями. Дальше итти было нельзя, потому что припасы приходили к концу, и потому пришлось вернуться. Но прежде чем пуститься в обратный путь, Скотт поднялся на привязном воздушном шаре, который он взял с собой. Поднявшись на несколько сот метров, он увидел вокруг себя бесконечную ледяную пустыню с возвышающимися на ней местами вулканическими вершинами. На юге, повидимому, между 83° и 84° южной широты виднелся высокий горный хребет.

Когда Скотт вернулся из этой продолжительной экскурсии на корабль, то его ожидала там большая радость. Несколько дней перед тем пришло вспомогательное судно, которое привезло для экспедиции массу съестных припасов, научные инструменты и разные другие вещи. В виду такого обилия припасов Скотт решил провести на антарктическом материке еще и вторую зиму. Он объявил об этом экипажу и предложил тем, кто не хочет оставаться, вер-

нуться на родину на вспомогательном судне. Большинство, впрочем, выразило желание остаться со Скоттом.

Вторая зима также прошла благополучно, и весной Скотт предпринял большую экскурсию в глубь материка. Другой отряд исследовал ледяной барьер Росса, представляющий продолжение материкового ледяного покрова, плавающего на протяжении, по крайней мере, 250 километров на поверхности моря и поднимающегося и опускающегося под влиянием прилива и отлива.

В виду продолжительного отсутствия Скотта за ним были посланы снова два вспомогательных судна. «Дисковери» удалось освободить только при помощи динамита, и экспедиция, после двухлетнего пребывания в Антарктике, покинула, наконец, ее берега.

Научные результаты этой экспедиции были очень значительны. Между прочим, ею были найдены окаменелые растения третичного периода, что указывает на сравнительную мягкость климата этой области в ту отдаленную эпоху и на существовавшую некогда связь антарктического материка с Австралией.

Почти одновременно с английской и германской экспедицией, в Антарктику отправилась шведская экспедиция под начальством шведского ученого Отто Норденшильда, племянника знаменитого путешественника. Отто Норденшильд снарядил эту экспедицию частью на свои личные средства, частью же на деньги, собранные по подписке; поэтому он не мог оборудовать свою экспедицию так же хорошо, как были оборудованы экспедиции английская и германская. Он приобрел для своего путешествия необходимое китобойное судно «Антарктика», которое уже совершало полярное плавания, и капитаном пригласил тоже

опытного мореплавателя Ларсена, бывавшего в Южном Ледовитом океане.

Экспедиция Норденшильда изобиловала разными неожиданностями и приключениями, напоминая этим прежние путешествия к Северному полюсу. «Антарктик» рано наткнулся на сплошные льды и принужден был вернуться обратно. Норденшильд с пятью товарищами высадился на острове «Снежный холм» и там перезимовал.

Эта первая зима прошла благополучно, несмотря на частые страшные бури. Весно же Норденшильд совершил с двумя спутниками большую экскурсию на санях и достиг 66° южной широты. Однако, дурная погода и недостаток съестных припасов заставили его вернуться обратно.

Все лето прошло в ожидании возвращения «Антарктики», но так как зима приближалась, а судно не показывалось, то пришлось готовиться ко вторичной уже зимовке. К счастью, изобилие пингвинов и моржей в этой области доставляло путешественникам достаточное количество мяса и жира для топлива. Да и зима на этот раз выдалась теплая, и термометр не раз поднимался выше нуля; поэтому они благополучно пережили ее. С наступлением полярной весны, в начале октября, Норденшильд снова начал совершать научные экскурсии на санях и в одну из таких экскурсий неожиданно встретил среди ледяной пустыни трех человек. Норденшильд не сразу узнал их и подумал сначала, что это были черные африканские братья, пробравшиеся в южные области. Прошло довольно долго времени, пока он, наконец, признал в них трех товарищей с корабля «Антарктика».

Нечего и говорить, какую радость вызвало их прибытие. Они рассказали, что «Антарктика» отправилась за

Норденшильдом и его спутниками своевременно, как было условлено, но не могла дойти до острова, вследствие большого скопления льдов. Тогда трое из экипажа решили высадиться на лед и пробраться на остров пешком по льду. Однако, такое путешествие оказалось чрезвычайно затруднительным, и три путника были застигнуты полярной зимой по дороге. Они вынуждены были остановиться и провести зиму в ледяной пустыне в страшно тяжелых условиях. Эта зимовка принадлежит к самым интересным переживаниям в полярных областях. Они были очень плохо снабжены, и им пришлось, подобно Робинзону, преодолевать все трудности при помощи собственной изобретательности. И, наконец, весной, полуистощенные, они поплелись дальше и неожиданно встретились с Норденшильдом.

Маленькая колония путешественников на острове снова с нетерпением стала ждать прихода «Антарктики». Двухлетнее пребывание среди льдов, на острове, и неизвестность подействовали угнетающим образом на путешественников; поэтому, когда прибывшие товарищи несколько оправились, Норденшильд решил отправиться на поиски корабля, о судьбе которого ничего не было известно.

Между тем с «Антарктикой» произошла катастрофа. Корабль был затерт льдами и затонул близ острова Паулет вскоре после ухода трех человек из экипажа, отправившихся за Норденшильдом. Опытный в полярном плавании капитан Ларсен успел во-время снести на лед все необходимые предметы и съестные припасы, затем весь экипаж судна, состоявший из 20 человек, добрался с величайшими усилиями в лодках до острова Паулет, и там путешественники выстроили из обломков базальтовых скал небольшую хижину. В этой хижине они провели зиму, в то

время как их трое товарищей зимовали в полярной пустыне, не добравшись до стоянки Норденшильда.

Отсутствие в течение двух лет каких бы то ни было сведений об экспедиции, конечно, вызвало беспокойство, и шведское правительство решило отправить вспомогательную экспедицию в южно-полярную область. Одновременно с этим выехала туда же французская экспедиция под начальством доктора Шарко и аргентинская экспедиция на канонерской лодке «Уругвай» под командой капитана Иризара. Все три экспедиции решили соединиться в известном пункте и совместно выработать план розысков Норденшильда и его спутников. Но так как ни шведское, ни французское судно не прибыли своевременно к условному сборному пункту, то «Уругвай» отправился на поиски, не дожидаясь их. И из трех экспедиций наименее подготовленная и непригодная для полярного путешествия аргентинская экспедиция, увенчалась успехом.

Норденшильд уже собрался со своими товарищами покинуть зимнюю стоянку, когда вдруг, к их величайшему изумлению и радости, к острову пристал «Уругвай». Капитан Иризар успел уже по дороге подобрать двух членов отряда Норденшильда, и в ту же ночь на остров прибыл и капитан Ларсен, который отправился с острова Паулет с четырьмя спутниками на поиски Норденшильда. Радости и ликованию не было пределов, в особенности, когда вскоре после этого были подобраны и остальные участники экспедиции. Все оказались в сборе, и, несмотря на крайне неблагоприятные условия, никто из участников экспедиции не пострадал. Научные результаты работы экспедиции были значительны. Из собранных ею коллекций особенно замечательны окаменелые остатки растений и обломки костей, указывающие на существование в отдаленную эпоху

травоядных животных на острове, погребенном под льдом и снегом в настоящее время, но некогда покрытом роскошной древесной растительностью.

Экспедиции, отправлявшиеся в южно-полярную область, выяснили окончательно существование антарктического материка, и границы его были уже настолько установлены, что на очередь выдвинулись новые задачи, а именно: изучение поверхности шестой части света и достижение Южного полюса. Человек одержал победу над Северным полюсом и, конечно, должен был одержать победу и над Южным.

Для более плодотворной и тщательной работы по исследованию полярных областей было предложено на всемирном конгрессе экономистов, состоявшемся в Бельгии в 1905 году, организовать международный союз для содействия полярным экспедициям. В следующем же году, в Брюсселе, состоялся первый международный конгресс по исследованию полярных областей, выбравший из числа своих членов международную полярную экспедицию.

Вскоре после этого один из участников английской экспедиции Скотта, лейтенант Шекльтон, решил попробовать достигнуть полюса по намеченному уже Скоттом пути. Однако, правительство не оказало ему поддержки, и Шекльтон, желавший во что бы то ни стало осуществить свой план, занял деньги у частных лиц и на собственный риск снарядил экспедицию к Южному полюсу. Он купил старое китобойное судно «Нимврод» и подобрал себе спутников. Достаточно опытный в полярных путешествиях, он знал, что для снаряжения экспедиции нужны самая мелочная заботливость и предусмотрительность, так как малейшее упущение и забывчивость могли бы повлечь за собой весьма серьезные последствия. Его экспедиция была сна-

бжена всем необходимым, и он даже сделал одно важное нововведение: взял с бой двенадцать манджурских пони (лошадок), привыкших к очень суровому климату и чрезвычайно выносливых, а кроме того — автомобиль, специально приспособленный для езды по неровной поверхности и при очень низкой температуре.

1 января 1908 года, т.-е. в день Нового года, «Нимврод» покинул город Литтльтон в Новой Зеландии, и Шекльтон со своими четырнадцатью спутниками надолго расстался с цивилизованным миром.

Небольшое судно, построенное лет сорок назад для ловли тюленей, было еще очень крепким и прочным и могло смело бороться с южно-полярными льдами. Для сбережения топлива «Нимврод» должен были итти на буксире парохода «Коония» до южно-полярного круга. «Нимврод» был тяжело нагружен, и на палубе его невозможно было двигаться, тем не менее, провожающих собралась масса, и пристань Литтльтона была буквально запружена народом. Шекльтону пришлось выслушать не мало замечаний по поводу того, что погода плохая, а судно слишком перегружено, но он доверял крепости своего «Нимврода» и смело пошел навстречу антарктическим бурям.

В узком пространстве между ящиками, тюками, научными инструментами и багажом членов экспедиции шла оживленная беседа между посетителями и готовящимися к отплытию путешественниками. Среди них находился некто Георг Беклей, который так воодушевился этим разговором, что, подойдя к Шекльтону, выразил ему желание сопровождать экспедицию до полярного круга, чтобы затем вернуться на пароходе «Коония». Он очень сожалел, что его занятия не позволяли ему отлучиться на более долгое время и он не мог отправиться дальше с экспедицией,

как отправлялись некоторые другие добровольные участники, пожелавшие помочь Шекльтону устроить зимнюю стоянку, откуда они могли вернуться на корабле, так как «Нимврод», выгрузив все, что нужно путешественникам, должен был снова отплыть в Новую Зеландию.

Шекльтон, очень расположенный к Беклею, оказывавшему услуги экспедиции, выразил свое удовольствие по поводу его желания. «Но ведь остается только два часа времени, — заметил он ему. — Успеете ли вы?»

Беклей только кивнул головой и опрометью сбежал с судна. Действительно, в этот короткий промежуток времени он успел вскочить в поезд, идущий в Кристгерч, сбегать в клуб, передать там одному из своих приятелей необходимые поручения и полномочия и, засунув несколько штук белья и зубную щетку в свой саквояж, он прибыл на набережную за несколько минут до отплытия «Нимврода». Проложив себе с большими усилиями дорогу в толпе, наполнявшей пристань, он, наконец, очутился на палубе «Нимврода», запыхавшись от быстрого бега и в светлом летнем костюме, так как переодеться не успел, готовый отправиться навстречу южно-полярным льдам, точно это была простая увеселительная прогулка!

К четырем часам все участники экспедиции были налицо, за исключением геолога, профессора Дэвида. Шекльтон уже начал волноваться, как вдруг увидел старика профессора, взбирающегося по узким сходням на палубу корабля. Руки у него были напружены всевозможными предметами, аппаратами, нужными ему для его научных исследований и т. п. вещами, и он, держа их, изо всех сил старался сохранить равновесие и ничего не уронить. Но на его несчастье навстречу ему стала спускаться очень толстая дама. Профессор хотел посторониться, чтобы ее про-

пустить и, потеряв равновесие, свалился чуть не на голову Шекльтону и его товарищам. При своем падении он, главное, заботился о том, чтобы не выпустить из рук своих драгоценных предметов, и действительно ничего не разбилось и не сломалось, а о своих ушибах он не думал: «Она могла помешать мне добраться до южного полюса, — говорил он потом. — Ведь это было совершенно непредвиденное препятствие!»

Но, наконец, и «предвиденные» и «непредвиденные» препятствия были устранены, и «Нимврод» отделился от пристани при громких криках «ура» провожавшей толпы.

Плавание, однако, мало было похоже на увеселительную поездку. Дурная погода сделала очень неприятным начало путешествия. Тяжело нагруженный «Нимврод» подвигался очень медленно, черпал бортами, так что приходилось, не переставая, откачивать воду. Многие тотчас же заболели морской болезнью и лежали неподвижно где-нибудь в уголку, на палубе, между ящиками. Волны перекатывались через палубу, и надо было усиленно наблюдать за тем, чтобы они не снесли чего-нибудь в море. Все промокли насквозь и так и не высыхали в течение двух недель. Беклей, отправившийся в полярные страны точно в увеселительную поездку, однако, ни разу не высказал ни малейшего сожаления, что решился на это. Он не сходил с палубы и, как отважный мореплаватель, много ездивший на своей яхте, с интересом наблюдал борьбу стихий. Профессор Дэвид тоже был заинтересован величественным зрелищем и, держась за мачту, наблюдал, как маленькое судно взбиралось на гребни волн и затем снова падало в бездну, готовую поглотить его. Волны совсем скрыли от глаз пароход, который вел на буксире «Нимврод». Над пенящимися гребнями волн возвышались только верхушка

Великая ледяная стена.

мачты да труба, а когда стемнело, то лишь огонек на верхушке мачты парохода указывал, где он находится.

Несмотря на все неприятности этого плавания, настроение команды и всех добровольных участников экспедиции было очень бодрое. Все знали, что самое трудное еще впереди. В ночь на седьмое января разыгрался настоящий ураган и волны поднимались так высоко, что даже огонек на мачте парохода «Коония» по временам совершенно исчезал из виду. Вероятно, у многих мелькала мысль, что это, может статься, «последнее путешествие», но никто не терял мужества, и в эти трудные минуты не только раздавались временами шутки и остроты, но даже иногда сквозь шум и рев бури можно было расслышать звуки какой-нибудь веселой шутливой песенки.

Наконец, буря начала утихать и местами сквозь разорванные облака можно было видеть голубое небо. Даже выглянуло солнце; оно обогрело и обсушило бедных путников. К счастью, «Нимврод» не получил никаких серьезных повреждений во время бури и мог спокойно продолжать свое плавание. Но с пароходом уже пришлось расстаться, так как вдали показался пловучий лед и нельзя было больше итти на буксире. Дальше «Нимвроду» пришлось подвигаться уже без посторонней помощи.

Беклей, возвращавшийся назад на пароходе «Коония», взял с собой почту с «Нимврода» и, распрощавшись со своими товарищами, ловко спрыгнул в лодку, когда судно накренилось. Он был все в том же изящном городском костюме, который был на нем, когда он провожал «Нимврод», только теперь этот костюм пришел в очень плачевное состояние после десятидневного смачивания морскою водою.

Медлить было нельзя, так как волнение опять стало усиливаться и даже пришлось вылить масло на волны для того, чтобы лодка могла благополучно добраться до парохода. «Нимврод» обменялся последним салютом с «Коонией» и поплыл дальше на юг. Пробираясь между пловучими льдами и ледяными горами, «Нимврод» достиг свободного от льда водного пространства, названного по имени одного из первых южно-полярных путешественников «морем Росса».

Эту область нельзя было назвать совершенно пустынной, так как птиц было множество. Буревестники в большом количестве летали вокруг корабля и так близко спускались к нему, что даже касались своими крыльями бортов судна. На пловучих льдинах и айсбергах (ледяные горы) виднелись тюлени и пингвины, которые стали попадаться все чаще и чаще. Пингвины, видимо, были поражены появлением судна и с большим любопытством разглядывали его. Они нисколько не были испуганы и преуморительно вытягивали шею, хлопали крыльями и издавали какой-то короткий звук, которому очень искусно подражал один из участников экспедиции Марстон, всегда отвечавший пингвинам на их приветствие.

Скоро должна была появиться «Великая ледяная стена» и поэтому все на «Нимвроде» с напряженным вниманием смотрели вдаль. Термометр начал падать и показывал уже 12° мороза, когда, наконец, на горизонте появилась длинная белая прямая линия. Это и была ледяная преграда. Когда «Нимврод» подошел к ней на расстоянии четверти мили, то у всех, впервые увидевших эту колоссальную ледяную стену, невольно вырвался крик изумления и восторга. На некотором расстоянии эта преграда имела вид совершенно гладкой ледяной стены. Но вблизи

в ней можно было заметить отверстия и даже настолько большие пещеры, что «Нимврод» мог бы укрыться в них со всем своим грузом, мачтой и трубой. Местами лед был совершенно прозрачный и темно-голубой, точно отполированный. «Нимврод» плыл вдоль этой стены, так что все, находившиеся на судне, имели возможность рассмотреть ее строение. Шеклътон при этом сделал очень интересное открытие. Эта «Великая ледяная стена», по его словам, не что иное, как огромный ледник, плавающий на поверхности моря. С того времени, как здесь плавал Росс, до путешествия Скотта, т.-е. за шестьдесят лет — этот ледник отодвинулся на 50 километров к югу, но теперь нельзя было даже найти и следов той бухты, куда доходил Скотт на своем корабле и откуда он поднимался на воздушном шаре, прикрепленном к канату. Очевидно, ледник после того еще уменьшился, т.-е. отступил назад.

Сплошной пловучий лед, встретившийся дальше на пути «Нимврода», заставил его повернуть назад и поискать другой дороги. На одном из айсбергов, мимо которых проплыл «Нимврод», приютились сотни всевозможных антарктических птиц, нисколько не испугавшихся приближения судна. Обилие пловучего льда вынудило Шеклътона отказаться от своего первоначального плана достигнуть земли короля Эдуарда и там устроить стоянку. Пришлось поискать другой зимней квартиры, так как необходимо было скорее выгрузить припасы и отпустить «Нимврода», который должен был на следующее лето вернуться к месту стоянки экспедиции.

Наконец, вдали показались очертания двух полярных вулканов, «Эребуса» и «Террора», и даже можно было заметить дымок, который струился из вершины «Эребуса».

Термометр между тем снова упал на 19° ниже нуля по Реомюру. И это в самой середине лета!

Место, выбранное Шекльтоном для стоянки, находилось в двадцати милях расстояния от того пункта, где зимовала экспедиция «Дискавери», и поэтому несколько человек отправились туда. С большим трудом достигли они этого места, но хижину нашли в хорошем состоянии. Они забрались в нее через окно, и так как были очень утомлены, пробыв девять часов на ногах, то немедленно залезли в свои спальные мешки и заснули крепчайшим сном.

В хижине они нашли разные остатки съестных припасов, между прочим, чай и керосин. Все это прекрасно сохранилось, несмотря на пятилетний промежуток времени, и, проснувшись, они с удовольствием напились чаю и подкрепили свои силы.

Крест, поставленный в память погибшего во время снежной бури участника экспедиции Винса, также сохранился в неприкосновенности, напоминая об этом печальном событии. Осмотрев все, путешественники пустились в обратный путь, но прибыли на Нимврод» с большим запозданием.

Между тем Шекльтон уже выбрал место для стоянки вблизи мыса Родс, и надо было поскорее приниматься за выгрузку «Нимврода». Когда Шекльтон подъезжал в лодке к берегу, отыскивая место, где бы лучше пристать, то один из пингвинов прямо спрыгнул к ним в лодку. Трудно сказать при этом, кто был больше изумлен, пингвин ли, вероятно, думавший, что он вскочил на скалу, или люди, находившиеся в лодке и не ожидавшие такого пассажира!

К концу февраля «Нимврод» остановился у одного из южно-полярных островов, недалеко от вулкана Эребуса, из

которого струился дымок. Как только было найдено подходящее место для постройки хижины, то немедленно все члены экспедиции принялись за разгрузку судна. Много пришлось потрудиться с высадкой пони. Наконец, все было свезено, и так как время близилось к осени, то «Нимвроду» надо было торопиться выйти отсюда, потому что иначе судно могло быть затерто льдом. Все невольные промедления заставляли капитана «Нимврода» сильно волноваться: он опасался за участь судна во время обратного плавания. Работы по разгрузке и постройке хижины не прекращались даже ночью. Люди так утомлялись, что сон одолевал их порою даже за работой и в особенности за едой: Шекльтон рассказывает, что, приехав на судно, чтобы повидать капитана, он увидел такую картину: профессор Дэвид крепко спал, положив голову на стол возле чашки с кофе. Сон настиг его внезапно во время завтрака, так что во рту у него торчала ложка. Остальные тоже спали, захваченные сном в самых разнообразных положениях. Пришлось приостановить работы, чтобы дать возможность людям хорошенько отдохнуть.

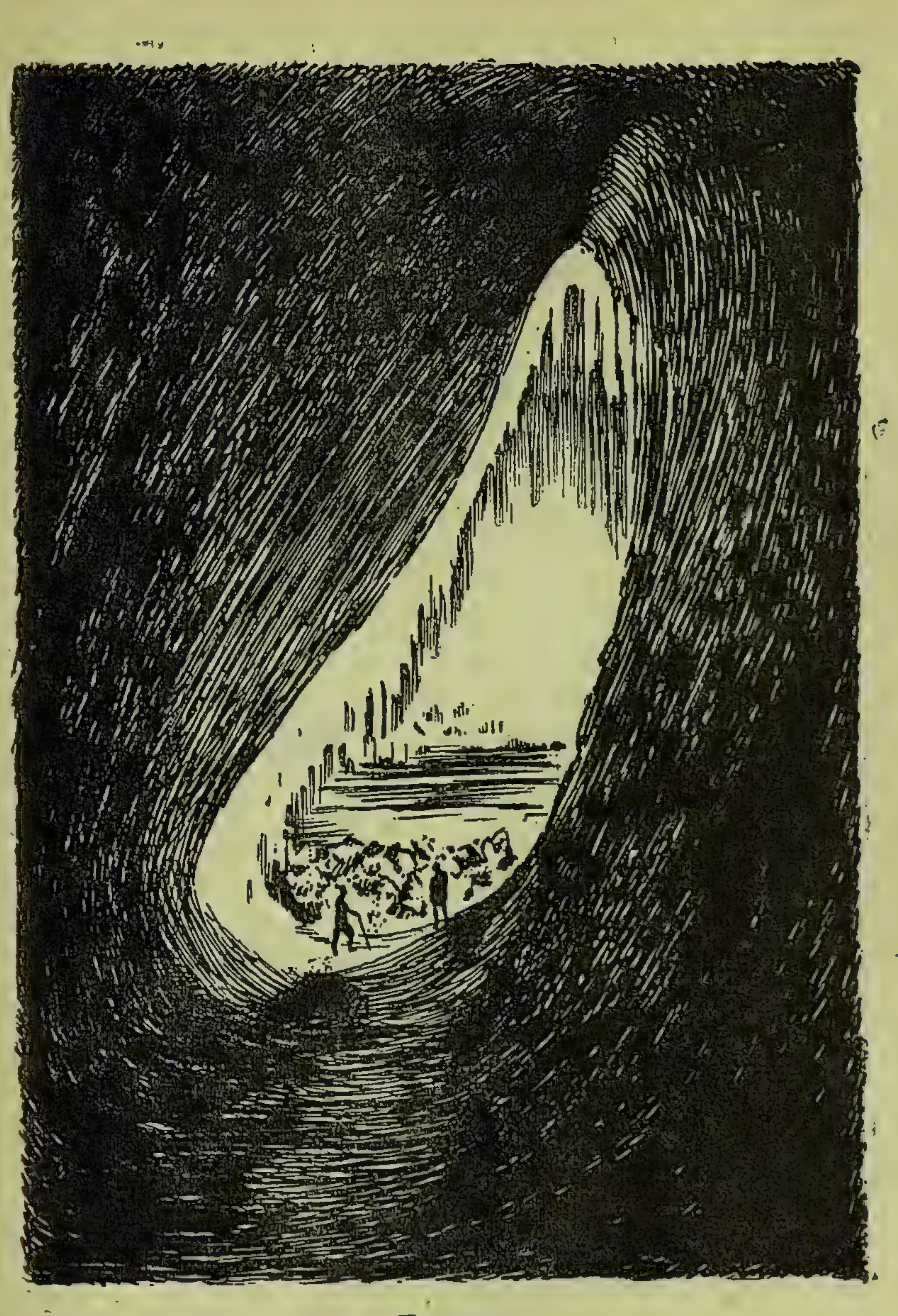
Сильная буря и снежная вьюга задержали разгрузку судна. Все выгруженные предметы покрылись таким толстым слоем льда, что пришлось потом целый день трудиться, чтобы освободить их от ледяного покрова. Наконец, был свезен остальной запас угля, и «Нимврод», освободившись от своего груза, мог двинуться в путь, захватив письма путешественников, посылавших о себе последнюю весть своим близким.

Распростившись с «Нимвродом», путешественники остались одни среди ледяной пустыни, где должны были пережить страшную полярную зиму. Но Шекльтон при снаряжении экспедиции все предусмотрел, и материал, приве-

зенный на «Нимвроде», дал возможность путешественникам устроить удобное для зимовки жилище, хорошо защищенное от страшных полярных бурь и стужи. Домик состоял из семи маленьких комнаток, разделенных друг от друга занавесками, а в восьмой, крошечной каморке, помещался сам Шекльтон. В центре помещения находилась печь которая должна была топиться безостановочно в течение девяти месяцев и поддерживать в доме нормальную температуру, за исключением перерывов в десять минут, когда ее чистили. Сидя в уютном и теплом помещении и прислушиваясь к завываниям ветра, путешественники всегда испытывали особенно приятное чувство, сознавая себя в безопасности среди ледяной пустыни.

В обстановке и убранстве этих маленьких каморок сказывался вкус их обитателей. Каждый старался как можно лучше и удобнее устроить свое временное жилище. На полочках лежали разные вещи и книги, по которым можно было судить о вкусах обитателей этой комнатки и их занятиях. Художник экспедиции Марстон разрисовал парусиновую стену, изобразив на ней сцены из наполеоновских войн и Иоанну д'Арк на костре. В своей же каморке Марстон нарисовал камин с пылающими в нем дровами и букетом цветов, стоящим на каминной доске. На эту картину было особенно приятно смотреть в такой обстановке и комнатка казалась от этого еще уютнее, когда снаружи завывала буря.

Все койки были устроены таким образом, что их легко можно было убирать, если нужно было увеличить пространство. Обеденный стол также мог подниматься к потолку при помощи блоков. Прочность дома не раз подвергалась испытаниям во время страшных зимних бурь, когда стены сотрясались от напора ветра, и каждую ми-

Пещера.

нуту можно было ожидать, что он обрушится. Но Шекльтон выбрал для хижины самое защищенное место, и, кроме того, она была хорошо укреплена проволочными канатами, так что могла противостоять буре.

Окончательное устройство зимней квартиры экспедиции, постройка конюшни, метеорологической станции и склада для припасов закончились только в начале марта. Тогда члены экспедиции начали подумывать об исследовании окружающей местности. Наибольший интерес возбуждал, конечно, вулкан Эребус, на который еще не ступала нога человека. Восхождение на Эребус считалось до сих пор не только трудным, но и невозможным, но тем не менее члены экспедиции решили попытать счастья. Два отряда, по три человека в каждом, отправились туда, и оба достигли вершины, правда, не без больших затруднений.

Вулкан Эребус занимает видное место в истории полярных путешествий. Его увидел впервые путешественник Джемс Росс в январе 1841 г. и назвал так по имени своего корабля. Но исследований этого вулкана не было сделано; и вообще полярные путешественники видели его только издали. Гора возвышается над уровнем моря на 4.000 метров, и над вершиной ее подымаются облака пара и дыма. Она господствует над «Великой ледяной стеной», точно стоя на страже громадной, расстилающейся во все стороны полярной пустыни.

Восхождение на подобный вулкан всегда затруднительно во всех частях света и редко предпринимается без опытного проводника. Насколько же оно должно быть труднее в полярной области, при сильной стуже и без всякого знания дороги! Но любознательность человека не признает никаких преград и всегда идет навстречу опасностям. Поэтому и маленькая экспедиция из шести человек

сгорала нетерпением поскорее предпринять это трудное и опасное путешествие. Решено было взять с собою сани и захватить провизии на десять дней. Предполагалось устроить на известной высоте склад провизии и далее уже итти налегке, захватив с собою припасов не более как на три дня.

Везти нагруженные сани по рыхлому снегу было трудно, и путешественники часто выбивались из сил. Товарищи их, оставшиеся на зимней квартире, довольно долго слышали скрип саней и недовольные восклицания, которые доносились к ним в чистом прозрачном воздухе полярных стран даже тогда, когда они сами давно исчезли из виду. На второй день исследователи взобрались на высоту около 1.665 метров и там решили устроить склад. Разделив между собою ношу, состоявшую из спальных мешков, кухонных принадлежностей и запаса провизии на три дня, так, чтобы каждый нес не более 18 килограммов, они отправились дальше. На третий день они уже ночевали на высоте 2.625 метров при температуре 28 градусов ниже нуля.

Ночью поднялся сильный ветер и к утру разыгралась такая вьюга, что в двух шагах ничего не было видно. О дальнейшем путешествии нечего было и думать при таких условиях, и путешественники продолжали лежать в своих спальных мешках. Однако, после двенадцати часов один из них, Брокльгерст, выполз из своего спального мешка и тотчас же порыв ветра сорвал его теплую рукавицу из волчьего меха. Он попробовал было поймать ее, но его также подхватило ветром и снесло в ущелье. Эдемс, который также вылез из спального мешка, вдруг увидел, что его товарищ исчез. Он бросился назад, чтобы позвать на помощь Маршалля, который оставался в спальном мешке, но его тоже свалило ветром. Брокльгерст, Эдемс и

Маршалль занимали вместе один трехспальный мешок, и когда двое вылезли из него, то Маршаллю пришлось напрягать все свои силы, чтобы удержать мешок на месте, потому что ветер грозил унести и его со всем оставшимся скарбом в ущелье.

С большим трудом Эдемс и Брокльгерст выбрались, наконец, из ущелья и на четвереньках приползли к месту стоянки. Брокльгерст совершенно закоченел, а тут пришлось трудиться над тем, чтобы расправить мешок, который свернуло ветром и засыпало снегом. Ничего другого не оставалось, как подождать в своих мешках окончания бури. В этот день они питались только бисквитами и шоколадом, но ничего не пили, так как нельзя было зажечь лампочку, чтобы растопить немного снега. Несмотря на свирепствовавшую бурю, они все же поспали ночью, а к четырем часам утра ветер улегся, и в половине шестого они могли снова пуститься в путь.

Усилия их увенчались успехом. Взбираясь по крутым, опасным крутизнам, они добрались до края старого кратера, в южной стороне которого возвышается действующая вершина вулкана. Один из них, Макай, отделившийся от остальных и вздумавший взобраться по крутому откосу при помощи глетчерного топора, которым он вырубал ступени во льду, чуть не погиб, так как с ним сделалось головокружение и обморок. Он успел только слабым голосом позвать на помощь товарищей, которые и помогли ему выкарабкаться, когда он очнулся. Вероятно, ему сделалось дурно от горной болезни, которая является вследствие слишком разреженного воздуха на такой высоте. Одни бывают больше подвержены этой болезни, другие меньше, но на большой высоте обыкновенно все испытывают в большей или меньшей степени ее влияние.

Достигнув черного, скалистого вала, окружающего кратер, путешественники устроили стоянку в небольшом овраге и расположились на отдых. Брокльгерст жаловался на то, что у него онемели ноги, и когда доктор Маршалль осмотрел его, то нашел, что большие пальцы у него почернели, другие же пальцы, хотя и были отморожены, но в меньшей степени.

Надо было удивляться его терпению и выносливости, что он мог итти с отмороженными пальцами, не отставая от товарищей, в течение девяти часов! Когда было сделано все, что нужно, чтобы востановить кровообращение в отмороженных ногах, и Брокльгерста хорошенько закутали и уложили в спальном мешке, то надо было подумать об обеде. С утра путешественники ничего не ели. Подкрепив свои силы и оставив Брокльгерста лежать в мешке, путешественники осмотрели ближайшую местность, а исследование главной действующей вершины вулкана отложили до следующего дня.

Подъем на гору был очень труден. Вследствие высоты и холода дышать было тяжело, и поэтому они подвигались очень медленно. Только благодаря чрезвычайной энергии удалось им достигнуть высшей точки вершины, которой до сей поры еще не касалась нога человека. Глазам их тут представилась глубокая пропасть, в которой клубились облака и слышался грозный шум. Над вершиной стоял столб дыма, к которому постоянно присоединялись огромные клубы испарений, и в воздухе ощущался запах серы. Когда ветер разгонял облака испарений, то можно было наблюдать внутренность действующего кратера, посередине которого виднелись три отверстия, напоминающие отверстие колодца, откуда выделялись вулканические пары. На вершине горы пласты застывшей лавы чередовались со

слоями снега, и так как местами из-под снега вырывался пар, то можно было предположить, что снег лежит на еще неостывших слоях.

Обратный путь совершать было гораздо легче. Путешественники прямо скользили по снежным склонам вулкана и так быстро, что в четыре часа прошли полторы тысячи метров. Это, разумеется, отразилось не совсем хорошо на их одежде и на их вещах. По прибытии в лагерь, где оставался Брокльгерст, путешественники, подкрепив силы пищей, тотчас же принялись за упаковку вещей. Решено было, не теряя времени, спуститься вниз, к устроенному на первой стоянке складу провизии. Они опасались, что снежная буря, свирепствовавшая перед этим, произвела там большие опустошения. Так оно и было: съестные припасы оказались разбросанными в разные стороны.

Последняя часть пути показалась путешественникам особенно трудной. Несколько раз поднималась вьюга, и к тому же они чувствовали себя уже не такими бодрыми, как тогда, когда отправлялись в свое путешествие. Брокльгерст, несмотря на отмороженные пальцы ноги, не только шел вместе с товарищами, но даже не позволил им разделить между собою его багаж. Он непременно хотел сам нести свою долю вещей. Впрочем, все так устали, что, не доходя до зимней квартиры, решили бросить свой скарб, чтобы насколько возможно скорее достигнуть хижины.

Шекльтон, выйдя зачем-то из дому, увидел издали их приближение и тотчас же оповестил остальных товарищей.

— Достигли ли вы вершины? — крикнул изо всех сил Шекльтон.

— Да! — раздалось в ответ.

Они явились совершенно обессиленные, но радость, вызваная их возвращением и бутылка шампанского, распитая по этому случаю, скоро оказали на них свое благодетельное влияние, и они могли порасказать о своих приключениях. Все были очень довольны результатами восхождения на вулкан и с восхищением описывали величественное зрелище, которое они наблюдали с вершины его. Только бедняга Брокльгерст, несмотря на свой стойкость, не мог чувствовать себя вполне счастливым, так как доктор Маршалль объявил, что ему придется отрезать большой палец на правой ноге. Это была первая дань полярной стуже.

По возвращении экспедиции с горы Эребус, обитатели хижины принялись за приготовление к долгой и тяжелой полярной зиме. Ночи уже становились длиннее, и небо было большею частью усыпано звездами. Однако, можно было ожидать, что погода скоро испортится и начнутся бури, поэтому прежде всего были приняты меры, чтобы защитить хижину от действия вьюги и предупредить возможность какой-нибудь катастрофы. Вместе с этими приготовлениями к зиме члены экспедиции занимались и научными наблюдениями, каждый по своей специальности. Величайшую радость доставила им находка мха, недалеко от хижины, в защищенном местечке. Это был единственный экземпляр растительного царства, который удалось найти путешественникам в окрестностях стоянки, прежде чем солнце надолго распрощалось с ними. Растительная жизнь на поверхности полярной области, конечно, была очень бедна, но этого нельзя было сказать о растительности на дне моря и озер, откуда были добыты очень интересные экземпляры водорослей. Вообще, как растительная, так и животная жизнь в полярном море была достаточно

Восхождение на Эльбрус.

обильна, — море вовсе не было пустынным и доставляло хорошую добычу ученым.

По возвращении членов экспедиции с Эребуса, была совместно выработана дневная программа занятий в маленьком полярном поселении. Все, за исключением Брокльгерста, который еще не мог ходить, с чрезвычайной аккуратностью выполняли эту программу и несли свою долю обязанностей на ряду с научными занятиями. Каждый поочереди должен был дежурить ночью и только Робертс был освобожден от этого дежурства, потому что он был поваром экспедиции и целый день возился на кухне. Дежурство начиналось с 10 часов утра и заключалось в следующих обязанностях: просматривание записей инструментов метеорологической станции, осмотр дома снаружи, посещение конюшен и псарни и содержание их в порядке. Ночью же важнейшею обязанностью дежурного, вместе с просматриванием метеорологических записей, было поддержание огня. Печь должна была топиться всю ночь и к утру надо было припасти горячей воды, для того, чтобы Робертс мог в половине восьмого утра, приняться за свои кухонные обязанности.

Несмотря на старания дежурного, температура к утру в хижине спускалась нередко ниже нуля. Поэтому лишь очень немногие решались переодоваться, утренний же туалет большинства членов заключался лишь в том, что они надевали сапоги и делали различные телодвижения, чтобы расправить свои члены. Ровно в девять часов подавался завтрак, и каждый получал миску овсяной каши с горячим молоком, только в известные дни к этому прибавлялся компот из сушеных фруктов. В час снова пили чай, обед же съедался стоя, так как в это время дня многие бывали заняты научными исследованиями и поэтому никогда не со-

бирались вместе; зато ужин, в половине седьмого вечера, затягивался довольно долго. Все собирались к столу и после ужина пили чай, курили и проводили время в дружеской беседе и в обсуждении планов разных экспедиций. Несмотря на все однообразие жизни, никто не жаловался на скуку, все были заняты, и долгая полярная ночь прошла незаметно.

«Страшный призрак, так называемая „полярная скука", ни разу не появлялся среди нас», — говорит Шекльтон. До наступления полярной ночи и когда солнце вновь показывалось на небе, Шекльтон и его товарищи устраивали на дворе игры в мяч и другие развлечения, а когда от этого пришлось отказаться, то в хижине играли в карты и домино. Кроме того, большая часть зимних месяцев была посвящена изданию книги «Южная заря». Это была первая книга, написанная, напечатанная и иллюстрированная в южно-полярной пустыне! Устройство типографии доставило много развлечений членам экспедиции. Добровольные наборщики сначала делали много ошибок и приходилось не мало возиться с исправлением их, но потом дело пошло гладко. Художник Марстон иллюстрировал книгу, а другой член экспедиции, Дей, сделал переплет из тоненьких дощечек, взятых от ящиков из-под провизии.

Полярная ночь длилась четыре месяца и мороз доходил до 67° ниже нуля. Как всегда полярная зима сопровождалась частыми и страшными снежными ураганами, однако путешественники чувствовали себя в безопасности в своем прочно построенном и удобном домике, хотя стены его и сотрясались порой от ужасных порывов ветра. Буря иногда давала возможность делать интересные находки. Однажды в выброшенной бурей со дна моря ледяной глыбе, когда она растаяла, Мюррей нашел губку и в ней жи-

вых микроскопических животных, известных под именем «коловраток». Это было чрезвычайно важное открытие. Все были очень заинтересованы наблюдениями Мюррея над способностью этих микроскопических созданий выносить крайне низкие температуры. Мюррей объявил, что он их «убьет» и подверг коловраток действию различных низких температур, рассчитывая их заморозить. Но некоторые из этих микроскопических созданий не умирали даже при температуре 103° Реомюра ниже нуля. Товарищи Мюррея много смеялись над ним и поддразнивали ученого, который никак не может победить коловраток.

С наступлением зимы число птиц в окрестностях хижины заметно уменьшилось. Пингвины уже вывели детенышей и покинули гнезда. Шекльтон сделал наблюдения, что в период линьки пингвины не потребляли пищи, питались, так сказать, только собственным жиром и глотали снег. Тюленей, которые водились во множестве в этих местах, тоже становилось меньше, и путешественники усиленно охотились за ними, чтобы пополнить свои зимние запасы. Около того же времени появились на небе первые признаки полярного сияния, и затем уже каждую ночь, когда не светила луна и не было облачно, полярное сияние обливало своим волшебным светом ледяную пустыню и вулкан Эребус. Как только кто-нибудь, вышедший из хижины, издавал возглас: «Сияние!», так немедленно все бросались вон. Несмотря на то, что это явление можно было наблюдать каждый день, интерес к нему нисколько не уменьшался среди членов экспедиции.

Наконец, солнце последний раз озолотило вершину горы и ледяные скалы и скрылось. Началась долгая полярная ночь! «Словами нельзя передать той замечательной игры красок, которую мы наблюдали перед тем, как

солнце распростилось с нами», — говорит Шекльтон. — «Облака отливали всеми цветами радуги, и вся местность была освещена каким-то сказочным сиянием, описать которое я не берусь. Мы смотрели, как очарованные, на эту чудную картину последнего солнечного заката, после которого должна была наступить длинная полярная ночь».

Температура сильно понизилась и в тихие безветренные дни термометр часто показывал 33° Реомюра ниже нуля. Все окна хижины были заделаны и жизнь обитателей ее проходила при искусственном свете ацетиленовой лампы, освещавшей внутренность хижины. Но зима прошла благополучно и, наконец, около вершины Эребуса стало появляться сияние, которое с каждым днем становилось все ярче и ярче. Это был первый признак наступающей зари, и в хижине стали готовиться к выступлению в путь дальше, к южному полюсу.

Тотчас по окончании зимы начались экспедиции на санях. Путешественники сгруппировались в несколько отрядов. Первая партия, отправлявшаяся к Южному полюсу, состояла из четырех человек, включая самого Шекльтона, вторая — имела целью открытие магнитного полюса, третья же, в составе семи человек, осталась на зимовке для производства метеорологических, геологических и биологических работ.

Утром 28 октября 1908 года Шекльтон простился со своими товарищами и в сопровождении трех из них пустился в далекий и трудный путь. Он взял с собой четырех манчжурских лошадок, запряженных в сани с провизией. Но одна из них провалилась в глубокую трещину, и лишь с большим трудом удалось спасти человека и сани с вещами. Остальные три лошадки ослепли от снега, и потому их пришлось пристрелить. Сам Шекльтон и его

спутники тоже страдали временами от припадков снежной слепоты, но, по его словам, это не влияло на их бодрое настроение.

«Нам иногда кажется, что мы находимся в совершенно другом мире!» — писал Шекльтон в своем дневнике. — «Область „Великой ледяной преграды“ — это огромное, мертвое белоснежное поле, полное какой-то странной и жуткой таинственности. Кругом нас мертвая тишина... Нигде не видно земли, и поэтому каждое малейшее пятнышко на этом беспредельном белоснежном пространстве производит впечатление...»

Перед отправлением Шекльтон оставил подробные инструкции своим остальным товарищам. Если его экспедиция не вернется к сроку, то в зимней квартире должны остаться трое до следующего года и при первой возможности отправиться на поиски пропавшей экспедиции. Корабль «Нимврод», возвращение которого ожидалось в январе, не должен ждать дольше 10 марта, так как если к этому времени экспедиция не вернется, то значит с нею приключилось серьезное несчастье.

Когда путешественники увидели вдали какую-то мрачную обледенелую горную цепь, среди которой виднелись кое-где обнаженные пики, то испытали сильное и вполне понятное волнение. Быть может, там находилась земля, которую еще не видал ни один человек!..

Через 23 дня трудного путешествия отважные путешественники перешли тот крайний пункт, который был достигнут Скоттом, т.-е. 82° южной широты. Но дальше путь сделался еще труднее, дорогу преграждали то высокие горы, то широкие зияющие трещины. В довершение всего начались холода, и мороз доходил до 40°. Но всего ощутительнее на такой высоте была снежная метель. В одном

месте спутник Шекльтона Уильд, отправившийся посмотреть не видно ли конца ледника, через который они шли, нашел куски каменного угля. Уголь находился здесь в огромном количестве и слои его, заложенные в песчанике, были толщиной в семь и восемь футов.

Припасы уменьшались, и путешественники уже стали испытывать голод. Но тем не менее они все же продолжали итти вперед. Однако, достигнув 88° 23' южной широты, они окончательно выбились из сил и поняли, что дальнейшее продвижение вперед невозможно. Они находились на высоте 3.537 метров на плоскогорьи, всего на расстоянии 178 километров от Южного полюса, но достигнуть его они были не в состоянии. Во все стороны простиралась такая же бесконечная ледяная пустыня, и Южный полюс находился посреди этого огромного плоскогорья, где свирепствуют холод и бури.

Необходимость заставила Шекльтона отказаться от своей заветной мечты, и он со своими товарищами пустился в обратный путь, который они совершали при самых тяжелых условиях, совершенно истощенные и больные. Запасов провизии у них почти не осталось, но как ни трудно было итти, а все же надо было напрягать все свои силы, чтобы не погибнуть в этой страшной ледяной пустыне. Они так голодали, что во сне видели накрытый стол и какие-нибудь кушанья. Но после таких сновидений, они просыпались еще голоднее, чем обыкновенно.

Наконец, после 122-дневного путешествия они добрались до своей зимней стоянки. Но они очень боялись, что опоздали возвращения и «Нимврод», который не мог оставаться долго, уже ушел. Их зловещие предчувствия, казалось, утвердились, так как, когда они спустились к своему домику, то никого там не нашли. Однако, там было письмо,

Полярное сияние.

сообщавшее, что все участники экспедиции вернулись благополучно и не хватает только Шекльтона с его товарищами. Что же касается «Нимврода», то он отправился к подножию ледника и там должен был оставаться до 26 февраля. Можно себе представить тревогу Шекльтона и его товарищей, когда они прочли это. Ведь они вернулись 28 февраля! И если корабль ушел, то положение их будет очень тяжелое.

Однако, они были так голодны, что прежде всего должны были подкрепиться пищей, и так как в домике оставались съестные припасы, то они воспользовались ими. Наступила ночь, но они не могли заснуть от холода и от тревожных мыслей. Они обрадовались, когда стало светать, и тотчас же решили зажечь будку для магнитных наблюдений, надеясь, что огонь послужит сигналом и укажет, где они находятся. Их расчеты оправдались, и огонь увидели с корабля, который отправился на розыски, узнав, что экспедиция Шекльтона еще не вернулась и надеясь, что Шекльтон обменяется с ними сигналами. В тот же день Шекльтон и его товарищи уже были на корабле. Все члены экспедиции были налицо, хотя многие из них подвергались серьезным опасностям во время своих экскурсий с научными целями. Но никто не остался навсегда в полярной пустыне и никого не пришлось оплакивать!

Экспедиция открыла неизвестные до сих пор южно-полярные земли и установила, что «великая ледяная преграда», или барьер, окаймлена горами на юго-востоке, и что Южный полюс лежит на возвышенном плоскогорье, куда ведет огромный ледник. Кроме того, геологические исследования и находка пластов каменного угля указывали, что в этой полярной пустыне, закованной льдом, было некогда тепло, и она была покрыта лесами. Отряд, производив-

ший магнитные наблюдения, открыл под 72° 25' южной широты магнитный полюс, т.-е. такое место на земном шаре, в котором сосредоточивается сила магнитного притяжения земли и где стрелка компаса остается неподвижной и не отклоняется ни в какую сторону, а если ее прикрепить к горизонтальной оси, то она наклонится горизонтально к земле. Таких центров на земном шаре, которые мы можем рассматривать как огромный магнит, существует два: один у Северного полюса, другой — у Южного. Важные открытия были сделаны и в области животной жизни южно-полярных стран. Море оказалось очень населенным. Интересные наблюдения были сделаны над жизнью пингвинов, гнезда которых находились возле зимовки. Пингвины тоже следили с величайшим вниманием за всеми работами членов экспедиции. Иногда ради развлечения устраивали для пингвинов концерт: на лед выносили граммофон и заводили его. Пингвины тотчас же появлялись и с очень важным и серьезным видом слушали странные необычные звуки, раздававшиеся в ледяной пустыне.

Шекльтон, конечно, мог быть доволен успехами своей экспедиции, но его все-таки огорчало, что он не мог достигнуть полюса. Однако, он все же проник в самое «сердце антарктического континента», как он сам выражается в своей книге, и таким образом указал дорогу своим преемникам.

Безмолвная и безнадежная пустыня, окованная льдами, является чрезвычайно обширным полем для исследований, могущих расширить область человеческих знаний. Поэтому почти ни один из полярных исследователей, которых не пугали ни опасности, ни лишения, не ограничился только одним путешествием в полярные страны и обыкновенно снова отправлялся туда спустя некоторое время. Так по-

ступил и Шекльтон. Даже когда Южный полюс был уже открыт, Антарктика все-таки продолжала привлекать внимание людей науки.

Неутомимый полярный исследователь Шекльтон стал готовиться к новой антарктической экспедиции, поставив

Пингвин.

своей целью пересечь через полюс весь антарктический материк. Он предполагал высадиться с несколькими спутниками со стороны моря Ведделя и оттуда направиться к полюсу, а от полюса итти на север к морю Росса, где его должен будет ожидать корабль, чтобы отвезти в Новую

Зеландию. Длина всего пути по суше, через антарктический материк, приблизительно равняется 3.000 километрам, и Шеклтон не рассчитал, что на это путешествие ему понадобится два года.

В конце 1914 года он выехал на корабле «Эндьюренс» в Антарктику, но путешествие его было очень неудачным. Корабль был захвачен пловучими льдами у входа в море Ведделя и все ледяное поле вокруг него превратилось в одну гигантскую льдину, которая уносилась вместе с кораблем. В течение нескольких месяцев путешественники не имели ни единой минуты покоя. Лед трещал, ломался, и огромные льдины громоздились одна на другую. На пароходе показалась течь, так что приходилось все время откачивать воду. Шеклтон велел перенести на лед лодки, сани и запас провизии. Эта мера была принята как раз во-время, так как корабль на следующий же день был раздавлен льдами.

Гибель судна поставила экспедицию в ужасное положение. Путешественники находились на расстоянии более чем в 2.000 километров от ближайшего порта Южной Америки, и у них не было ничего, кроме трех лодок. Шеклтон сначала решил добраться до островка Поле, который, по его расчету, должен был находиться на расстоянии 600 километров. На этом острове ничего не было, кроме большой колонии пингвинов, но это могло спасти их от голодной смерти. Но этот план не удалось осуществить, так как путешествовать по ледяному полю, таща на себе груз и лодки, оказалось невозможным, потому что лед был страшно неровным и, пройдя только два километра, люди совершенно выбились из сил. Решено было остаться на льдине и ждать, куда ее принесет течением.

Между тем началось полярное лето. Путешественникам необходимо было добраться до твердой земли до наступления зимы, но и вторичная попытка путешествия по льдине оказалась не более удачной, чем первая. Оставалась только единственная надежда, что льдину донесет до открытого моря. Но льдина двигалась очень медленно и положение с каждым днем становилось все более и более критическими. Антарктическое лето подходило к концу. В марте снова начались морозы и вьюги, и к этому времени запасы провизии сильно уменьшились, а охота на тюленей почти прекратилась. Путешественники постепенно съели всех своих собак и вскоре сильно сократили порции. Будущее казалось уже совершенно безнадежным и спасения не было. Но вдруг движение льда стало более быстрым, и вскоре показался сначала один, потом другой остров. Путешественники погрузили на лодки самые необходимые вещи и пустились в море, рискуя ежеминутно быть раздавленными льдинами. Но поднялась сильная буря, и они снова были вынуждены высадиться на большой льдине, добравшись до нее с величайшими усилиями. Наконец, буря стихла, и они опять спустились в море. В течение целых 36 часов они беспрерывно гребли и почти выбивались из сил, чтобы достигнуть острова, но течение постоянно отбрасывало их в открытое море, а в довершение беды ночью сделался сильный мороз и снова поднялась буря.

Убедившись в полной невозможности достигнуть одного из шотландских островов, где норвежские китоловы устроили свою станцию, Шекльтон решил направиться к Слоновому острову. Однако, ветер все же замедлял движение, и лодки относило прочь от берега, который казался несчастным путешественникам «обетованной землей». К ве-

черу опять разразилась буря. Брызги воды, падая на лодки, замерзали и покрывали все ледяной корой, которую приходилось сбивать чуть ли не ежеминутно, чтобы не допустить лодки погрузиться в море под тяжестью этой коры. С величайшими трудностями и совершенно измученные, они приблизились, наконец, к берегу, но нигде не было видно ни одной бухты, и всюду возвышались только зубчатые горные утесы, покрытые снегом и льдом. После долгих поисков, они отыскали, наконец, небольшой клочок низкого берега, но его заливало водой во время прилива и пришлось перебираться в другое место. Припасов оставалось всего только на пять недель и при самой большой экономии, а между тем приближалась зима, и китоловы уж, несомненно, давно покинули все эти места. Они могли вернуться сюда только через год, и, следовательно, в ближайшем будущем путешественникам грозила голодная смерть.

Тогда Шекльтон решился на отчаянное средство: с пятью товарищами он отправился в лодке, через океан, в Южную Георгию, где существовали постоянные станции норвежских китоловов, рассчитывая, что там он найдет какое-нибудь судно, на котором он сможет вернуться на Слоновый остров за оставшимися товарищами.

Это было в высшей степени рискованное предприятие, так как Слоновый остров находится на расстоянии 1.400 километров от острова Южная Георгия, и это огромное расстояние надо было переплыть на небольшой лодке, под веслами. Но ни Шекльтона, ни его товарищей мысль об опасности не могла остановить, и они немедля пустились в плавание.

Две недели на море свирепствовала буря, и, как говорил Шекльтон, «Южный океан хотел подтвердить свою

дурную славу». Водяные брызги покрывали борта лодки толстым слоем льда, и этот лед приходилось постоянно отбивать и выбрасывать за борт. И вдруг, когда они уже пришли в полное отчаяние, на горизонте показался берег Южной Георгии. Спасение казалось близким, но тут опять разразилась буря, лодку понесло прямо на скалы с головокружительной быстротой, и гибель казалась неизбежной. Однако, в последнюю минуту вдруг переменился ветер, и лодку отнесло в сторону.

Опасность разбиться у берега миновала, но испытания их еще не кончились. Шекльтону удалось ввести лодку в небольшую защищенную бухту острова, но она находилась на стороне, противоположной той, где были станции китоловов. Чтобы добраться до них, надо было совершить длинное плавание вокруг острова. Но буря не стихала, и такое путешествие в маленькой лодке, около скалистых берегов, было бы совершенно безумным предприятием. Шекльтон решил поэтому добраться пешком до противоположной стороны острова. Двое наиболее крепких из его спутников пошли с ним, и они захватили с собой провизии на три дня. Надо было пройти расстояние в 48 километров, через высокие горы и огромные ледники, и через тридцать шесть часов Шекльтон со своими товарищами достигли к вечеру 20 мая поселка китоловов.

Рассказав им о бедственном положении 22 человек, оставшихся на Слоновом острове, Шекльтон попросил дать ему один пароход, чтобы поехать за ними, на что норвежцы тотчас же согласились. Но южно-полярная зима уже вступила в свои права и китобойный пароход, не обладавший достаточной крепостью, не мог пробиться через лед к Слоновому острову. Шекльтон был в полном отчаянии при мысли, что не может помочь товарищам, хотя находился

уже близко от них. Он должен был вернуться обратно, но все-таки не оставил своих попыток спасти их, зная, что им уже в близком будущем грозит голодная смерть. По просьбе Шекльтона норвежцы доставили его на Фалклендские острова, откуда он переехал в Южную Америку и выхлопотал у правительства Уругвайской республики ледокол для спасения погибающих путешественников. Получив судно в свое полное распоряжение, Шекльтон, не медля ни минуты, снова отправился в Антарктику. Но и тут надежды его были обмануты — он не мог достигнуть Слонового острова.

Однако, никакие неудачи не могли сломить его энергии и в начале июля 1915 года он снова отправился в Антарктику на одном английском судне, в качестве простого матроса, так как правительство Южной Зеландии отказалось предоставить ему командование. Но он думал только о спасении своих товарищей на Слоновом острове, и после громадных усилий ему удалось все-таки спасти всех.

Неутомимый и энергичный полярный исследователь не мог все же отказаться, несмотря на все перенесенные страдания и опасности, от своего смелого плана пересечь антарктический материк. Он опять начал готовиться к полярному путешествию и в 1919 году снарядил новую южнополярную экспедицию на средства, предоставленные ему Англией. На корабле «Королева Александра» он отплыл 25 сентября 1921 года в море Ведделя, но ему не суждено было увидеть Антарктику и осуществить свою заветную мечту. Он умер в пути, у входа в море Ведделя, и похоронен в Южной Георгии, в Грютвикине, — китоловной станции, принадлежавшей одному аргентинскому акционерному обществу в Буэнос-Айресе.

Со смертью Шекльтона исчез один из замечательных полярных исследователей, отличавшийся своим энтузиазмом и своей решительностью, никогда не терявший энергии ни в борьбе со льдами, ни при кораблекрушении, ни перед страшной угрозой голодной смерти. Он умер 47 лет.

Глава XI

Путешествие Амундсена. — Вместо Северного — к Южному полюсу. — У подножия ледяной стены. — Чортов ледник. — На Южном полюсе! — «Польгейм». — Цель достигнута!

Шекльтон не дошел до Южного полюса около 200 километров, и ему не удалось открыть его. Это сделали после него два других полярных путешественника: норвежец Роальд Амундсен и англичанин капитан Скотт.

Амундсен, как мы уже говорили, в первый раз совершил полярное путешествие в качестве матроса на корабле бельгийской экспедиции в Южный Ледовитый океан, в 1897—99 гг. По возвращении этой экспедиции в Европу Амундсен задумал совершить уже самостоятельное путешествие и в 1903 году отправился на небольшом парусном судне, снабженном маленьким мотором, из Христиании к берегам северо-американского полярного моря. Экипаж его состоял только из шести человек. Ему удалось объехать все северное побережье американского материка, т. е. открыть так называемый «северо-западный проход» из Атлантического океана в Великий океан, тот самый, который так долго и тщетно искали многие из отважных мореплавателей, и некоторые из них, как, например, Франклин, поплатились за это.

Амундсен провел две зимы в полярной области и произвел много интересных наблюдений над земным магнетизмом. Он и его спутники благополучно вернулись из этого путешествия, и Амундсен стал известен, как смелый полярный путешественник и научный исследователь. Но, разумеется, он не ограничился одним только этим достижением и точас же по возвращении стал готовиться к новому и еще более трудному предприятию — путешествию к Северному полюсу. Он хотел отправиться на знаменитом корабле Нансена «Фрам» и как можно далее продвинуться на север, надеясь достигнуть полюса. Он рассчитывал, что экспедиция продлится семь лет, и, конечно, ему нужно было собрать для этого большие средства. Но когда все уже было готово к отправке экспедиции, то пришло известие, что Северный полюс открыт, и, таким образом, главная цель экспедиции рушилась. Тогда Амундсен, не раздумывая долго, решил обратить собранные средства на такую же экспедицию, но только к Южному полюсу, который сделался целью его нового путешествия.

«Северный полюс открыт! Эта новость мгновенно облетела весь мир, — пишет Амундсен. — Цель, о которой столько мечтали, для которой столько работали и страдали, наконец, достигнута. Мы получили это известие в сентябре 1909 года и в тот же миг мне стало ясно, что мой план поездки на «Фраме» к северному полюсу должен рухнуть. Я понял, что должен действовать быстро и без всяких колебаний, если хочу спасти свое предприятие, и поэтому с такой же быстротой, с какой кабель доставил нам эту новость, я решил совершенно изменить направление моего путешествия, а именно, повернуть свой корабль к югу».

Амундсен начал свое замечательное плавание в августе 1910 года, но никто из находившихся с ним на корабле не был посвящен в его планы, когда «Фрам» вышел из норвежской гавани. Первая остановка должна была быть на острове Мадейра, и там он намеревался сообщить своим спутникам, что вместо Северного полюса «Фрам» отправится к Южному.

«Когда мы вышли из Фунгальского рейда, — говорит Амундсен, — то я почувствовал, что настал момент, когда я должен был сообщить моим товарищам свой план путешествия к Южному полюсу, — план, выработанный мной уже год тому назад. Наверное все участники этого путешествия не забудут этот жаркий полдень у острова Мадейра, когда все были вызваны на палубу. Едва ли ктонибудь думал тогда об Антарктике или Южном полюсе, когда лейтенат Нильсен развернул карту южного полушария, и я в общих крупных чертах изложил свой план и причины, по которым я скрывал его до этой минуты. От времени до времени я украдкой наблюдал за выражением лиц присутствующих. Сперва, как и следовало ожидать, в них отражалось только удивление, но еще прежде чем я кончил говорить, все лица уже сияли от радости, и я мог заранее знать, какие получу ответы, когда буду спрашивать каждого отдельно о согласии. Действительно, когда я начал перекличку, то каждый твердо и поспешно ответил мне: «да». Не могу выразить, какую радость я испытал при этом. И в тот вечер не я один был доволен. Все были так оживлены и так радовались, что скорее можно было подумать, будто мы уже выполнили свою задачу, чем то, что мы еще только готовимся к ней. Но в данный момент у нас не было времени обсуждать события. Надо было успеть в течение двух часов написать письма домой

и сообщить близким о перемене. Почта была вручена моему брату, который провожал меня. Он должен был довезти ее до Христиании и оттуда разослать ее по адресам. Мои товарищи прекрасно отнеслись к сообщенной мной новости. Но как отнесутся к ней на родине? Впоследствии мы узнали, что много было произнесено по этому поводу слов и злых и добрых, впрочем, в то время мы не особенно заботились об этой стороне дела. Мы отправлялись в свое большое путешествие словно на танцовальный вечер, все были веселы, смеялись и острили более или менее удачно сами над собой, над тем, что никто не допытывался, в чем дело. Ведь на «Фраме» были люди, проведшие несколько лет внутри северного полярного круга и имевшие большой опыт, но громадная антарктическая твердая земля для всех была «неведомой страной». Только я один побывал в антарктических областях и один или двое из моих товарищей, обогнувших мыс Горн, видели вблизи ледяную гору, и это было все!..»

План Амундсена заключался в том, чтобы от Мадейры итти прямо через Атлантический океан к югу, под парусами, пользуясь пассатным ветром и дальше южнее, от мыса Доброй Надежды и Австралии, затем повернуть к востоку и к новому 1911 году проникнуть через пловучий лед в море Росса. Он выполнил тщательно этот план, выработанный им еще в 1909 году, в его доме, близ Осло.

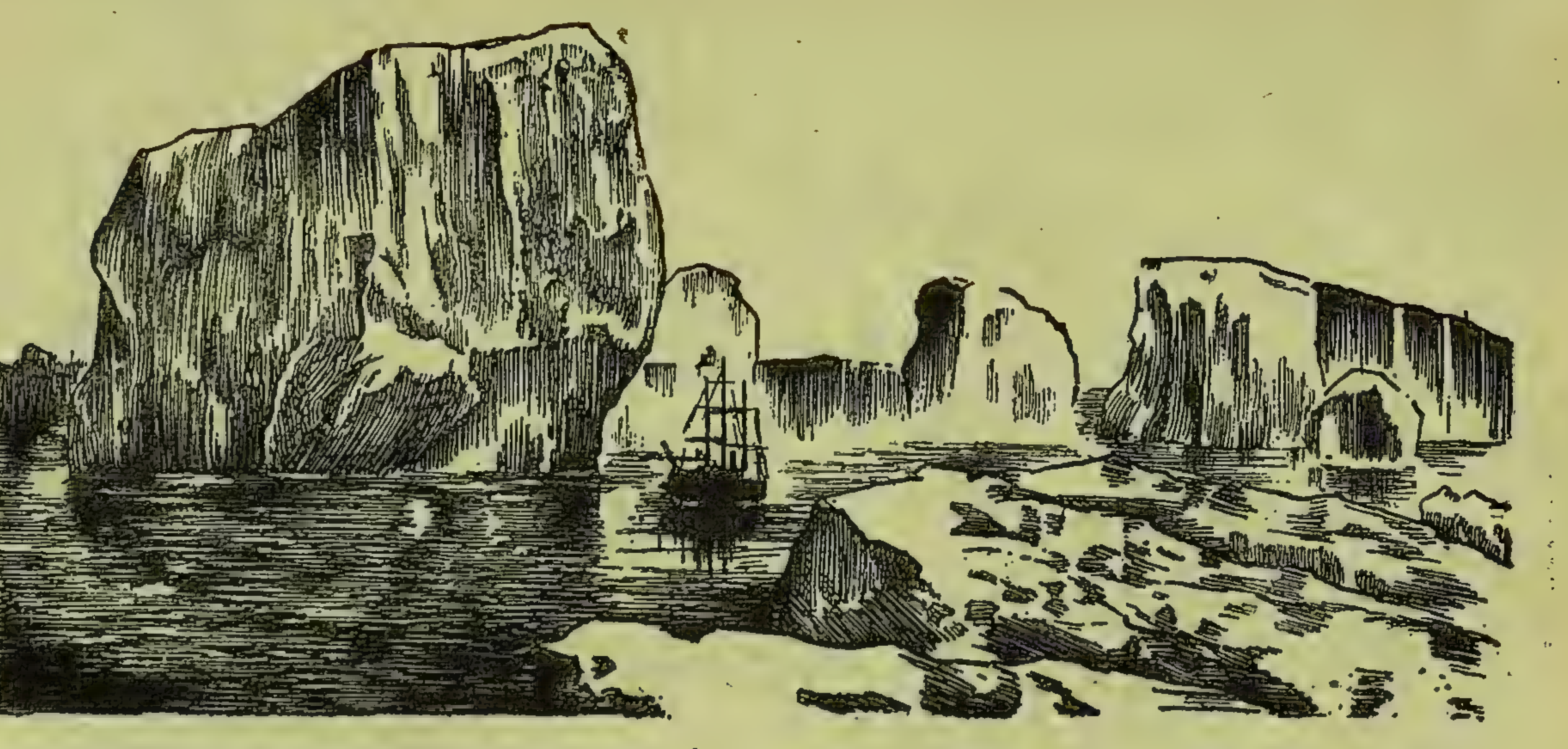
Результаты путешествия доказали, что все расчеты и вычисления Амундсена были правильны. Излагая свой план, он сделал следующие заключительные замечания: «Мы должны вернуться из своего путешествия на полюс к 23 января»... И в самом деле, 25 января 1912 года они вернулись во Фрамгейм (так названо было место их зимовки), и вернулись победителями!

«Но если мои вычисления были не плохи, — говорит Амундсен в своем описании путешествия, — то мой помощник Нильсен достиг в этом отношении прямо волшебства. Я довольствовался тем, что вычислял дни, а он даже устанавливал часы. Он высчитал, например, что мы достигнем Ледяного плато 15 января 1911 года. Расстояние же от Норвегии до Ледяного плато равняется приблизительно 30.000 килограммов, и мы прибыли туда днем раньше, т.-е. 14 января».

Как тщательно обдумывал Амундсен все детали своей экспедиции, доказывает следующий рассказ:

«Средства у нас были самые скромные, — говорит Амундсен, — и мне приходилось по нескольку раз переворачивать каждую монетку, прежде чем решиться истратить ее. Вопрос об одежде один из главных в полярных экспедициях, и я находил, что руководитель экспедиции должен лично позаботиться об одежде всех участников. Конечно, наше обмундирование не отличалось изяществом, но оно было теплое и практичное. Я приобрел для этой цели 200 шерстяных одеял. Правда, они были загадочного цвета и с незапамятных времен служили нашим морякам. Наверное они могли бы рассказать не мало жутких морских историй. Как только они попали в мои руки, я первым делом отправил их в красильню, и когда они вернулись оттуда, то их нельзя было узнать. Они отливали чистейшим синим цветом.

«Я намеревался превратить их в полярные костюмы и решил прежде времени не открывать их происхождения. Ведь, пожалуй, ни один портной на свете не согласился бы шить платье из старых шерстяных одеял! В моей рабочей комнате эти одеяла были навалены повсюду, когда явился

Айсберги.

портной. Я указал ему на них и, сделав самое невинное, равнодушное лицо, прибавил:

— Только что получил из-за границы. Необыкновенно счастливый случай. Мне удалось дешево получить эту партию образцов.

«Я заметил, что портной как-то покосился на меня. Наверное, ему показалось, что образцы немного велики, но он все же стал рассматривать материю на свет.

— Очень густо вытканная материя, — заметил он. — Я готов даже думать, что она не тканая, а валеная.

«Я оставил портного считать образцы и уже начал радоваться успеху своей хитрости, как вдруг услышал его дикий возглас, похожий на рев разъяренного быка. Я бросился к нему и увидал, что он стоит среди массы наваленных синих одеял и размахивает некрашеным одеялом, не оставляющим никакого сомнения относительно своего происхождения. Я забыл спрятать этот образец. Портной поглядел на меня с невыразимым презрением, и ушел. Однако, мне все же удалось, в конце концов, сшить платье из этих одеял, и я смело могу сказать, что ни одна экспедиция не имела такой теплой и прочной одежды».

Огромное значение для полярных путешественников имели собаки, и Амундсен чрезвычайно тепло отзывается о своих четвероногих спутниках:

«В шесть часов утра, по выходе из палатки, каждого приветствовал радостный вой его упряжных двенадцати собак, — говорит Амундсен. — Они лаяли и визжали, рвались с цепи, прыгали и вертелись от радости. И прежде всего надо было обойти всех, поздороваться с каждой отдельно, каждую погладить и приласкать и немножко поболтать с ней. Это были великолепные животные. Как ярко выражали они свое удовольствие при малейшей ласке!

Ни одно чувствительное домашнее животное не смогло бы проявить больше любви и признательности, чем эти прирученные волки. Но они были ревнивы ужасно, и если приласкать одну из них, то остальные начинали выть и старались сорваться с цепи, чтобы броситься на ту, которой было оказано предпочтение».

В январе 1911 г. корабль уже проехал расстояние в 30.000 километров и достиг Китовой бухты, глубоко врезывающейся в ледяной барьер и находящейся в самой южной части моря Росса. Эта бухта была открыта Борхгревинком во время его первого путешествия к Южному полюсу, и там он высадился и первый вступил на лед антарктического материка. Амундсен верно рассчитал, что этот залив даст возможность кораблю пройти как можно дальше к югу, и выбрал местом высадки ту часть побережья, откуда легче было подняться на вершину плоскогорья, простирающегося вплоть до самого полюса.

«Фрам» стал на якоре у подножья ледяной стены, перед краем ледяного плоскогорья, местами достигавшим до 30 метров высоты. Оттуда ежегодно, во время антарктического лета, отделяются огромные ледяные массы, падают в море и уплывают в виде айсбергов. Поблизости того места, где остановился корабль, Амундсен устроил зимовку.

Когда все было готово, «Фрам» покинул полярных путешественников, за которыми он должен был вернуться на следующий год. Оставшиеся на Антарктическом материке исследователи в течение февраля и марта совершили несколько экскурсий в южном направлении и устроили три склада провизии, где оставили в общем 30.000 килограммов всяких припасов и 1.100 килограммов моржового мяса. Кроме того, еще до наступления зимы, которая, как

мы уже отмечали, в этих широтах совпадает с нашим летом, на месте зимовки был устроен склад 60.000 килограммов моржового мяса. Это был запас провизии для 110 эскимосских собак экспедиции.

Амундсен рассказывает следующий забавный случай:

«Пока строился дом, люди размещались в палатках. И вот мы только что собрались лечь спать, как вдруг услыхали крик пингвинов перед нашей палаткой. Мы бросились к выходу и увидели в нескольких метрах от двери великолепного королевского пингвина, который стоял и отвешивал поклоны. Он как будто нарочно явился, чтобы поздороваться с нами. Но хотя нам было жаль его, а все-таки этот вежливый посетитель должен был окончить свои дни на нашей оковородке».

Солнце показалось над горизонтом в последний раз 22 апреля, и началась длинная антарктическая ночь, продолжавшаяся до 24 августа. Китовый залив отличается низкими температурами, и весной температура в среднем держится на 30° Ц., а зимой мороз достигает почти 60 градусов. К счастью для экспедиции, зима миновала благополучно, почти не было снежных бурь, и все путешественники чувствовали себя бодрыми и здоровыми, когда, наконец, над горизонтом снова показалось солнце. Весна окончательно наступила в середине октября, и 20 октября 1911 года отряд из пяти человек, с Амундсеном во главе, с четырьмя санями и 52 собаками, пустился в путь к Южному полюсу.

Дорога сначала была нетрудная, и путешественники проходили от 20 до 30 километров в день, а вечером разбивали на снегу палатку, готовили себе ужин и ложились спать. На своем пути путешественники строили снежные

пирамиды, специально для того, чтобы обозначить направление и облегчить себе обратный путь.

Самая утомительная часть пути началась с 85° южной широты, с того места, где ледяная стена соединялась с материком.

«Перед нами, — говорит Амундсен, — возвышалась гористая местность, при чем некоторые вершины достигают почти пяти километров высоты. Эта горная цепь с вершинами, не уступающими Монблану по высоте, и с многочисленными ледниками, образует внешнюю границу антарктического материка. Почва сначала поднималась равномерно, в виде гигантских волн, и в течение двух дней мы двигались вперед без особых затруднений. На третий и четвертый день пришлось уже преодолевать большие трудности. Надо было перейти ледник, отделявший северную часть гор от южной, делать большие обходы из-за широких трещин и взбираться вверх по льду».

Достигнув высоты в 5.600 метров над уровнем моря, путешественники остановились на ночлег. Ночью разыгралась снежная буря, так что пришлось прервать путешествие на четыре дня. Однако, отважным исследователям надоело ждать на одном месте, и решено было с общего согласия выступить вперед, несмотря на дурную погоду.

«Все стали весело собираться в поход и с шутками и смехом укладывали вещи, — говорит Амундсен. — Между тем, почти невозможно было держать глаза открытыми, и тончайшая снежная пыль проникала всюду. Временами мы испытывали такое чувство, как будто совсем ослепли. Палатка совершенно обледенела и покрылась снегом, так что пришлось снимать ее с большой осторожностью и сбивать с нее лед и снег. Собакам не очень-то хотелось отправляться, и пришлось не мало повозиться, чтобы запрячь

их и заставить итти. Из 52 собак решено было оставить только 18, остальных же убить ради экономии корма, который исчезал очень быстро.

«Итти было очень трудно, надо было следить и поддерживать сани, чтобы они не опрокинулись на высоких сугробах, также и мы сами с трудом держались на ногах. Дорога была чрезвычайно плохая, и временами казалось, что ноги вязнут в зыбучем песке. Но, наконец, сугробы стали ниже и, в конце концов, исчезли совсем, так что почва сделалась почти ровная, и даже казалось, будто она несколько понижается».

Непогода продолжалась, и к метели присоединился кроме того град, что было особенно неприятно, но Амундсен был встревожен тем обстоятельством, что собаки вдруг быстро побежали. Очевидно, понижение почвы увеличивалось, что, по мнению Амундсена, не должно было быть на такой высоте плоскогорья. «Если будет так продолжаться, то придется остановиться и разбить тут лагерь, чтобы осмотреться, — решил Амундсен. — Было бы безумием в этой совершенно неизвестной области слепо мчаться вниз. Ведь можно было таким образом свалиться в пропасть, даже не успев оглянуться!».

Действительно, так и пришлось поступить и остановиться почти на самом краю крутого обрыва. Что было внизу — разглядеть было невозможно при такой погоде. Путешественники вытоптали в снегу площадку и разбили палатку. В этот день прошли всего 19 километров, но все же достигли 86°. Дальше итти было нельзя в такую метель, и надо было ждать, пока погода прояснится. Путешественники залезли в палатку и улеглись, но в три часа лучи солнца вдруг пронизали тучи, и путешественники моментально были на ногах. Но все-таки они не могли

разглядеть окружающей местности. Солнце имело вид большого желтого диска, и его лучи еще не могли рассеять тумана.

«Очень неприятно было вылезать из теплых спальных мешков и стоять на холоде, ожидая, когда просветлеет, — говорит Амундсен, — но мы знали, что это наступает иногда внезапно. И действительно, так было теперь: внезапно стало светло, и мы увидали, что стоим на вершине хребта, который довольно круто спускается вниз. Там мы увидали обширную долину. Подробно мы ничего не могли рассмотреть, кроме ближайших окрестностей, но все-таки решили начать спускаться с той стороны, которая казалась нам менее крутой.

«Наши предположения оправдались, и мы спустились с юго-восточной стороны довольно быстро и без всяких приключений. Мы могли уже дальше продолжать свой путь на юг. Мы так и сделали и, несмотря на сильную метель, двинулась навстречу неизвестному. Северо-восточный ветер завывал и дул нам в спину, но это помогало нам итти. Останавливаться было незачем, пока мы продолжали спускаться. В течение дня мы опять увидели небольшой хребет. Это был последний, с которым мы должны были встретиться. Далее дорога была совсем гладкая, как пол, и не было следа снежных сугробов.

«Измерения указали нам, что мы спустились в течение дня на 230 метров. Это нас чрезвычайно удивило, и мы не могли понять, что это означало. Мы находились в то время под 86° южной широты».

Дальнейший путь был полон неожиданностей. Перейдя долину, путешественники увидали перед собой новую горную цепь. Подъем на эти горы был очень труден и в особенности мешал постоянный туман, препятствовавший рас-

смотрению окружающей местности. Склоны гор были очень круты, часто приходилось на себе втаскивать сани с грузом, так как бедные собаки совершенно выбились из сил. Когда же солнце вновь заблистало на небе, то путешественники, наконец, увидали, что скрывала за собой густая завеса тумана. Перед ними поднимались высокие горы, и в юго-восточном направлении, на расстоянии всего лишь нескольких километров, с этих гор спускался огромный глетчер, названный Амундсеном «Чортовым ледником».

Собаки в запряжке.

Пользуясь светлыми моментами, когда солнечные лучи разгоняли туманы, Амундсен продолжал дальнейший путь. Ждать улучшения погоды пришлось бы, пожалуй, слишком долго, терять же времени было нельзя. Решено было перебраться через ледник.

Переход через него и горную цепь со множеством бездонных пропастей был очень труден и продолжался целых 19 дней. Но, прежде чем выступить, путешественники устроили склад припасов у самого подножья глетчера и сделали это сооружение вышиной в два метра, а сверху еще водрузили черный ящик, в котором хранилась провизия, так что эту постройку можно было видеть издалека. Путешественники надеялись, что при таких предосторож-

ностях им легко будет найти склад, когда они будут возвращаться обратно.

Путешествие через Чортов ледник было сопряжено с большими опасностями, вследствие множества глубоких трещин и хаоса нагроможденных громадных ледяных глыб. Впереди ничего нельзя было рассмотреть из-за тумана, и Амундсен пишет по этому поводу в своем дневнике:

«Мы не знаем, какой сюрприз ожидает нас в ближайшем будущем! Конечно, это было самое удивительное путешествие, так как мы переходили через неизвестные области, неизвестные горы, ледники и ледяные хребты, ничего не видя! Мы пробирались ощупью в темноте и меня больше всего тревожила мысль, что на обратном пути нам будет очень трудно распознать эту местность. Впрочем, мы себя утешали тем, что ведь нам пересекает дорогу этот огромный глетчер, и, разумеется, было бы удивительно, если б мы его совершенно не заметили на обратном пути.

Во время перехода один из спутников и две собаки попали в большую трещину и были спасены лишь с большим трудом. Приходилось продолжать путь с очень большой осторожностью и не торопясь. Наконец, был достигнут 88-й градус южной широты, тот самый, которого достиг Шекльтон во время своего путешествия к Южному полюсу в 1909 году.

«В этот день, — пишет Амундсен, — нам надо было выполнить свою великую задачу: перенести норвежский флаг в нашу область, по которой еще не ступала нога человека. Шелковый флаг был вынут и лежал на санях, привязанный к двум лыжам. Я дал инструкцию Гансену, управлявшему передовыми санями, чтобы он тотчас же развернул и поднял флаг, как только минует 88-й градус. Погода исправилась, и солнце ярко сияло на небе. Можно

было наблюдать волшебную игру цветов на снежной поверхности горных вершин, ослепительно белых, голубых и по временам отливающих красным светом или прорезаемых черными тенями. Я залюбовался этой картиной и задумался. Мысли мои унесли меня далеко от того места, где я находился, но меня вывел из задумчивости внезапно раздавшийся радостный крик, громовое «ура», подхваченное всеми моими спутниками. Я быстро присоединился к ним, чтобы узнать причину их радости, и остановился точно пригвожденный к месту. Мне трудно описать те

Мы разбили лагерь.

чувства, которые овладели мной в ту минуту. Все сани стояли неподвижно, и на самых передних развевался норвежский флаг... 88-я широта была перейдена!..

«Конечно, мы не забыли при этом воздать должное знаменитому путешественнику Эрнсту Шекльтону, имя которого написано яркими блестящими буквами в истории южно-полярных исследований. Мы вспоминали его удивительное мужество, его изумительную силу воли и все, что сделано было им для указания пути к той цели, которой мы стремились достигнуть теперь.

«Пройдя далее около четырех километров, мы разбили лагерь. Погода совсем исправилась: стало тихо и почти

тепло. Термометр показывал только 18° Ц. ниже нуля».

После довольно долгих совещаний решено было устроить здесь последний склад провизии и значительно облегчить таким образом груз саней. В общем, в складе было оставлено около ста килограммов, главным образом, пеммикана (сушеное мясо в коробке в виде консервов) и сухарей. С собой было взято провизии приблизительно на месяц.

Начиная с этого места, перед глазами путешественников расстилалось довольно ровное плоскогорье, границы которого сливались с горизонтом. Гор уже не было видно, и дорога стала легче. Погода стала теплее, но путешественники очень страдали от изъязвлений, которые у них сделались на лице, вследствие ознобления и действия сильного ветра и снежной бури.

«Левая часть лица у нас представляла сплошную, багровую гноящуюся рану, — говорит Амундсен. — Малейшее движение воздуха вызывало такое ощущение, как будто по лицу водили тупым ножом. Эти раны очень мучили нас во время дальнейшего пути, и я помню, что последний струп отпал с лица у Гансена, когда мы уже приближались к Гобарттауну и Тасмании, т.-е. по прошествии трех месяцев.

«Однако, мы все-таки подвигались вперед без задержек и приключений. Ежедневное определение широты указывало нам на близость заветной цели. Мы уже могли почти наверное рассчитывать, что утром 15 декабря мы достигнем ее. Теперь это казалось нам всем до такой степени естественным, что мы ни о чем другом не могли говорить. Никто из нас не хотел сознаться, что испытывает волнение при мысли о достижении полюса, но, несомненно,

что в глубине души мы все немного волновались. Что-то мы увидим на полюсе? — думал каждый из нас. Будет ли там расстилаться перед нами обширная равнина, на которую еще никогда не взирал человеческий глаз и на которую еще никогда не ступала нога человека? . .»

Амундсен знал, что английская южно-полярная экспедиция находилась в это время в пути, и в душу его закрадывалось опасение, что она может опередить его. Но он утешал себя мыслью, что при той торопливости, с которой двигалась вперед его экспедиция, он должен был достигнуть цели раньше кого бы то ни было. И его ожидания оправдались!

14 декабря определение широты указало 89° 38'. Полюс был почти достигнут, и вечером, когда путешественники остановились на отдых, все находились в очень возбужденном состоянии, точно накануне какого-нибудь важного события. Амундсен говорит, что он не мог спокойно спать от волнения.

Утром 15 декабря солнце ярко светило. Погода была великолепная. «Как будто специально созданная для прибытия к полюсу, — говорит Амундсен». В этот день путешественники быстрее обыкновенного покончили со всеми приготовлениями и двинулись в путь. Дорогой почти никто ничего не говорил, и глаза всех были устремлены вперед. Кругом расстилалась одна и та же бесконечная равнина.

В три часа пополудни раздались одновременные крики: «Стой!» — и все сани остановились. Заранее вычисленное расстояние пройдено. Цель была достигнута, и путешествие закончено!

«Я, с детства мечтавший о северном полюсе, очутился теперь на южном. Можно ли вообразить себе что-нибудь более противоположное? — восклицает Амундсен.

«Мы, по нашим вычислениям, достигли полюса. Здесь мы устроили привал и, сойдясь вместе, стали поздравлять друг друга, а затем принялись за самое торжественное дело — за водружение флага.

«Я решил, что это водружение представляет историческое событие, и будет производиться всеми нами зараз. Великая задача выпала на долю всех, кто жизнь свою вложил в эту борьбу, всем, кто боролся бок-о-бок. И вот пять огрубевших и пострадавших от мороза рук схватились за шест, подняли развевающийся флаг и водрузили его. Это был первый и единственный флаг, поставленный на географическом южном полюсе.

«Палатку мы разбили на самом полюсе и при ярком солнечном свете произвели ряд астрономических наблюдений, чтобы не оставалось уже никаких сомнений в достижении полюса. На полюсе был водружен роскошный шелковый флаг, и громадную равнину, где он находился, мы назвали «Землей норвежского короля Гаакона VII». Полюс оказался лежащим на высоте 3.201 метра над уровнем моря.

«Конечно, вечером в палатке происходил пир. Правда, не было шампанского и вино не лилось рекой. О нет, каждый из нас должен был удовлетвориться куском тюленины, она была превкусная и хорошо подкрепила нас. Других признаков пиршества не было. Зато как приятно было прислушиваться в палатке, как шелестит снаружи наш флаг. Разумеется, и разговоры наши были оживленнее, чем обыкновенно. Наверное, каждый из нас мысленно делился всеми событиями с близкими людьми, оставшимися далеко на родине. На всех вещах, которые мы имели теперь с собой, должна была красоваться надпись: «Южный полюс» число и год. У меня

была с собой старая коротенькая трубка с несколькими арктическими надписями. Теперь я хотел прибавить к ним еще надпись «Южный полюс».

Амундсен пробыл на полюсе три дня. Он поставил на месте нахождения полюса небольшую палатку и прикрепил к ней норвежский флаг и вымпел со своего корабля. Это было первое жилище человека на полюсе, и Амундсен назвал его «Польгейм».

В течение трех дней, которые Амундсен пробыл на полюсе, погода стояла тихая и ясная, и термометр показывал 25°, хотя это и было в середине южно-полярного лета.

«Перед отправлением в обратный путь я оставил в палатке мешечек с письмом, в котором давал полный отчет о нашем достижении. Дорога домой была не близкая и многое могло нам встретиться во время пути, что могло лишить нас возможности сообщить о результатах путешествия. Кроме этого письма, я оставил в палатке и записку для Скотта, экспедиция которого тоже отправилась к Южному полюсу. По моим соображениям он должен был первый увидеть палатку. Когда все приготовления к обратному путешествию были сделаны, мы все по очереди вошли в палатку и написали свои имена на щите, прибитом к шесту.

«Мы получили пожелания счастливого пути от наших товарищей, оставшихся во «Фрамгейме»: на двух холщевых тряпках, пришитых к палатке, было написано: «Счастливого пути и добро пожаловать к 90-му градусу!»

«Да, наши товарищи верили в нас!..

«Мы вышли из палатки, крепко зашнуровали дверь, чтобы ее не раскрыло ветром и простились с «Польгеймом». Это была торжественная минута, когда мы обнажали наши

головы, прощаясь с полюсом. Наша задача исполнена. А теперь домой, домой, шаг за шагом, миля за милей, пока, наконец, не будет пройдено все громадное расстояние...»

Надо было пройти 1.450 километров, которые отделяли путешественников от места зимовки, но обратный путь совершился легко и быстро. Притом же и настроение их было чрезвычайно повышенное, вследствие успеха и бодрость их увеличилась. Все это огромное расстояние они прошли в 38 дней, и 26 января 1912 года Амундсен со своими товарищами благополучно достиг места зимней стоянки. Он пробыл в отсутствии со своими спутниками всего 97 дней, — от 20 октября 1911 года до 25 января 1912 года.

«Мы потеряли всякое представление о дне и ночи и во время обратного пути, — говорит Амундсен.

«— Сейчас шесть часов, — отвечает кто-нибудь из нас на вопрос, который час.

«— Да, шесть утра, — подтверждает другой.

«— Что ты, рехнулся, — возражает первый. — Не шесть утра, а шесть вечера.

«О числе и месяце никто и не думал. Хорошо еще, что помнили какой год.

«Погода была замечательная, ясная и совершенно тихая, так что при 19° и полной неподвижности воздуха производила впечатление летней жары...

«Не могу выразить, что мы почувствовали, когда вдруг увидали двух больших хищных чаек, которые летели прямо на нас и немного покружились над нами. Ведь они явились из страны живых к нам в царство смерти, конечно, были вестниками от всего, что было нам дорого! Это были первые послы из другого мира. Они некоторое время осматривали нас, как будто соображая, кто мы та-

кие. Затем они поднялись и полетели к югу. Загадочные птицы! Ведь тут они были на полпути между «Фрамгеймом» и полюсом и теперь летели еще дальше в глубь страны. Уж не собирались ли они перелететь по ту сторону полюса? ..

«Как ни приятно подействовало на нас появление обеих птиц, но оно вызвало у меня некоторые опасения. Я подумал, уж не явились ли эти две чайки представительницами большой стаи прожорливых птиц, которые наверное сожрут все мясо, заготовленное нами с трудом в этой ледяной пустыне? Эти пернатые хищники могут истребить все, каким бы твердым и замерзшим ни было, им это безразлично. Они сожрали бы его, если б оно было тверже железа. И я мысленно представил себе груду костей, оставшуюся от тюленьих туш, под 80°, и от всех собак, убитых на пути к полюсу и положенных на снежных башнях, где были наши склады.

«Наконец, 26 января в четыре часа утра мы добрались до нашего милого, славного «Фрамгейма», с двумя санями и одиннадцатью собаками. И люди и животные были в цветущем состоянии. И вот, в этот ранний утренний час, мы стояли перед дверями дома и поджидали остальных. Мы решили войти тихо и в полном составе. Внутри дома и снаружи было совершенно тихо. Очевидно, там еще спали.

«Мы вошли. Один из них, Стубберуд, поднялся на своей койке и вытаращил на нас глаза. Очевидно, он принял нас за привидения. Тут все, один за другим, проснулись и сначала никак не могли сообразить, что случилось, но скоро, без конца, на разные лады посыпались приветствия. Все шумно радовались, что мы счастливо вернулись целыми и здоровыми.

«Ну, а что с полюсом? Вы побывали на полюсе? — спрашивали нас.

— Ну, конечно, а то вы едва ли увидели бы нас! — был ответ.

«На огонь поставили котелок с кофе и, как в прежнее доброе время, в доме запахло жареными оладьями. Мы уселись за стол и тут же все единогласно решили, что на полюсе хорошо, а дома лучше! Мы же были в отсутствии 99 дней и прошли 3.000 километров по льду и снегу! . .»

Через три дня «Фрам» покинул берега Антарктики и в марте благополучно прибыл на остров Тасманию — в гавань Гобарттоуна, откуда уже весть об открытии Южного полюса разнеслась по всему миру.

Научные результаты экспедиции Амундсена были очень значительны. Между прочим, Амундсен открыл на Антарктическом материке высокую горную цепь, которую он назвал «Горами королевы Мод». Высказывалось предположение, что эти горы составляют как бы продолжение американских Анд, и их вершины поднимаются выше пяти километров.

Амундсен вернулся победителем из своего замечательного путешествия, но он не почил на лаврах и вскоре начал готовиться к четвертой норвежской экспедиции. Он скопил во время войны, посредством коммерческих судовых предприятий, 250.000 долларов и выстроил в 1918 г. по своим чертежам корабль «Мод», на котором решил итти на восток в северное ледовитое море. Он намерен был пройти из Тромзе вдоль северного побережья Европы и Азии, мимо мыса Челюскина к Новосибирским островам. Там он надеялся попасть в течение, направляющееся из Берингова пролива.

Но это плавание было не особенно удачным и два раза пришлось зимовать во льдах, и в довольно неблагоприятных условиях. Наконец, судно дошло до Номе в Аляске, и Амундсен оттуда вернулся на родину. Но уже тогда у него сложилось убеждение в целесообразности воздушных экспедиций к полюсу. «Будущее полярных исследователей лежит в воздухе», — говорил он.

В 1925 году он сделал пробный полет на аэроплане к северному полюсу, но не долетел до него около 200 километров. Он увидел открытое водное пространство под 88 градусом. Но его основная цель была достигнута, потому что он изучил условия воздушного полета в ледяной пустыне. Он пришел к заключению, что атмосферные условия над ледяными массами Ледовитого моря более пригодны для полета на воздушных кораблях, нежели на аппаратах тяжелее воздуха.

Глава XII

Борьба за Южный полюс. — Экспедиция капитана Скотта. — Животная и растительная жизнь в полярном море. — Обманчивые надежды. — Горькое разочарование. — Роковой исход. — Трагедия Южного полюса.

Экспедиция Амундсена окончилась чрезвычайно счастливо, но иная судьба ожидала английскую экспедицию капитана Скотта, отправившуюся к Южному полюсу также в январе 1911 года.

Амундсену улыбнулось счастье, и он вышел победителем из этой борьбы за Южный полюс, и в то время как он с торжеством возвращался на родину, судьба Скотта свершилась: он достиг полюса на целый месяц позднее Амундсена и погиб на обратном пути со своими товарищами.

Экспедиция, отправленная на поиски, нашла спустя восемь месяцев палатку и в ней три замерзших трупа. Это были: капитан Скотт, Уильсон и Боуэрс. Двое других товарищей Скотта, Эванс и Отс, умерли по дороге.

Уильсон и Боуэрс лежали в спальных мешках, по обыкновению, надвинутых на голову. Капитан Скотт, очевидно, умер последним. Верхнее платье на его груди было раскрыто и отвороты мешка сброшены. Одна рука его лежала на теле Уильсона. Под плечами у него нашли

сумку с тремя записными книжками и письма к разным лицам. Кроме того, там же находилось его **послание к публике**, в котором он объяснял причины бедствия, постигшего их, исключительно дурной погодой, которая свирепствовала все время... «На обратном пути нам не выдался ни один хороший день, — говорит он в своем послании. — Я утверждаю, что все сделанные нами распоряжения вполне отвечали требованиям, но никто в мире в это время года не мог бы ожидать такого страшного холода и такой трудно проходимой поверхности льда! Ночью температура понижалась до 47°, при непрерывном ветре. Все это было совершенной неожиданностью, и причиной нашей гибели, несомненно, является это внезапное наступление жестоких морозов, которому я не могу найти удовлетворительного объяснения... Последним ударом, завершившим наши бедствия, была метель, застигшая нас в одиннадцати милях от того склада, где мы рассчитывали найти топливо и запасы для остального пути. Мы застряли на этом небольшом расстоянии от нашего «Однотонного лагеря», имея запас пищи всего на два дня, а топлива на один ден! Мы не могли выйти из палатки четыре дня. Кругом нас воет вьюга. Мы ослабели. Писать трудно, но я все-таки не жалею об этом путешествии. Оно указывает, что англичане и теперь, как и в прошлое время, способны переносить труды и лишения, помогать друг другу, как в былые времена... Пусть эту повесть о мужестве и отваге моих товарищей расскажут мои черновые наброски и наши мертвые тела!..»

Путешествие капитана Скотта — исключительное по драматизму и действительно указывает, каким громадным запасом мужества и энергии обладали он и его товарищи, чтобы бороться до конца с ополчившимися на них силами

природы. Цель была достигнута, хотя и с опозданием, но эти мужественные люди заплатили за нее жизнью.

Капитан Скотт вел дневник, в котором аккуратно, изо дня в день, до самой минуты смерти, записывал все и, читая эти записи, можно проследить все его путешествие с самого начала и вплоть до трагического конца, когда слабеющей рукой он выводил последние строки.

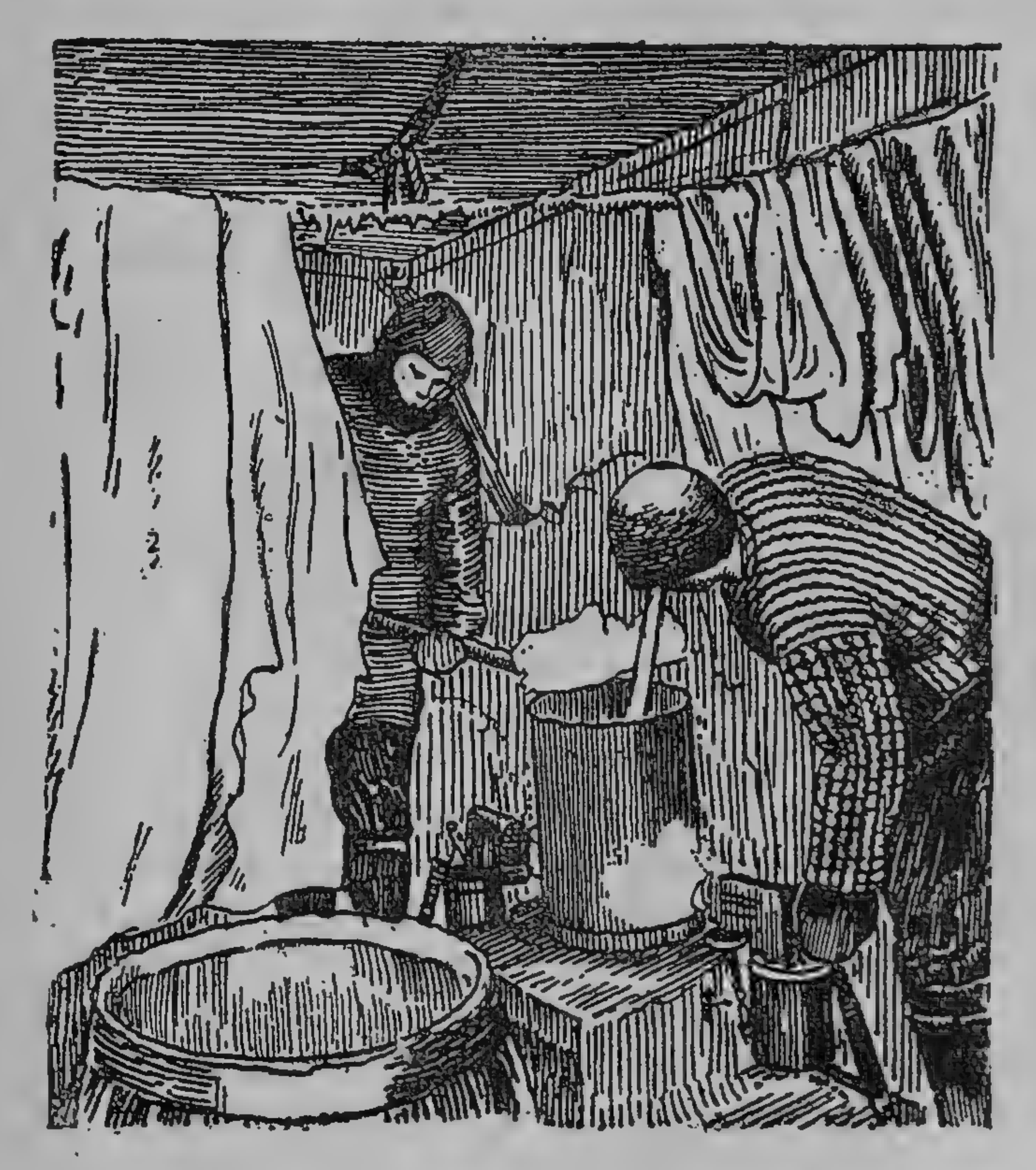
Однако, путешествие капитана Скотта началось при благоприятных предзнаменованиях. Он закончил в Новой Зеландии в ноябре 1910 года все свои приготовления, и его судно «Терра Нова» вышло в море 29 ноября. Свой дневник он начал писать с 1 декабря.

Описывая вид судна, нагруженного всем необходимым для такого путешествия, он говорит:

«Внизу, насколько мы могли ухитриться, все было плотно заставлено и упаковано... Пятнадцать лошадей стоят рядышком, лицом к лицу, семь с одной стороны и восемь с другой, а посередине помещается конюх. И все качается, качается непрерывно, повинуясь неправильному, ныряющему движению судна... Какая пытка для бедных животных выносить это день за днем, по целым неделям!..

«Собак всего тридцать три. Их нам поневоле приходится держать на цепи. Насколько возможно, они пользуются прикрытием, но положение их весьма незавидно. Волны беспрестанно ударяют о борт судна и рассыпаются дождем холодных брызг. Собаки сидят, повернувшись спиной к борту, но на них обрушивается холодный душ, и вода струей сбегает с них. Жалко смотреть на них, они ежатся от холода, и вся их поза выражает страдание. Иногда бедняжки даже взвизгивают, и, вообще, вся эта группа животных представляет очень унылую, печальную картину».

В кают-компании (общей каюте) было тесно, и все едва умещались за столом. На судне было 24 офицера, но

„Удивительно, как наши два буфетчика умудряются сделать всю работу во время".

обыкновенно двое или трое отсутствовали, потому что стояли на вахте.

Пища была простая, но питательная. «Удивительно, — восклицает Скотт, — как наши два буфетчика умудряются

сделать всю работу во-время, и посуду вымыть, и каюты убрать, и при этом они всегда готовы услужить каждому и неизменно веселы и приветливы».

Морская болезнь, конечно, давала себя чувствовать. Но большинство команды состояло из бывалых моряков, уже привыкших к ней. Больше всех, повидимому, страдал от нее фотограф Понтин. Тем не менее, он не прекращал работы, хотя и должен был неоднократно нагибаться к борту. Пластинки он проявлял, держа в одной руке ванну, где промывал их, а в другой — таз, на случай припадка морской болезни.

2 декабря был день тяжелых испытаний, свирепствовал сильный шторм и волны заливали палубу. В такие минуты приходилось цепляться руками за что попало, чтобы не быть унесенным за борт. Буря не унималась весь день и всю ночь. Опасность возрастала, потому что засорились насосы в машинном отделении, и вода поднялась выше люка. Старший кочегар Лешли, стоя по самую шею в бурлящей воде, упорно работал, стараясь прочистить насосы, но ничто не помогало, тяжело нагруженное судно сидело глубоко и могло погрузиться в воду сверх меры, а это было очень опасно. Все, стоя почти по пояс в воде, работали день и ночь, вычерпывая воду. Офицеры и команда не теряли, однако, бодрости и даже пели за своей работой. Ночью утонула собака и околела лошадь. Волной иногда уносит собаку и ее удерживает только цепь. Но в таких случаях собаке грозит удушение, если не подоспеет помощь. Одну из них так и не могли спасти, — она задохлась. Другую волна унесла с такой силой, что цепь порвалась, и собака исчезла за бортом. Но следующая волна каким-то чудом принесла ее обратно и бросила на палубу. Собака эта осталась жива и здорова.

Горный ландшафт.

17 декабря положение еще ухудшилось. «Мы попали, повидимому, в самую середину страшно толстых, скрученных ледяных масс, простиравшихся во все стороны, насколько можно видеть, — пишет Скотт. — Положение со всех сторон крайне опасное. Попали мы в эти толстейшие массы льда в час пополудни и пробились через такие чудовищные громады, какие мне редко случалось видеть. Выдвинутые давлением льда гряды возвышались на 24 фута над поверхностью и наверное погружались не менее, чем на 30 футов в глубину. Наносимые нам удары свидетельствуют о несокрушимости этих ледяных масс . . .»

Однако, к вечеру положение внезапно изменилось к лучшему. 21 декабря были разведены пары, и судно опять двинулось вперед.

Путешественники с любопытством наблюдали пингвинов, которых тут водилось множество. Уильсон обошел ледяное поле, желая поймать несколько штук, и для этого лег ничком на льду. Птицы подбегали к нему, когда он пел, и тотчас же убегали, когда он умолкал.

24 декабря судно снова уперлось в сплошное ледяное поле, простирающееся по всем направлениям; это было очень неприятное открытие, и приходилось снова запастись терпением и ждать, пока раскроется лед. Но путешественники не падали духом и были веселы в ожидании праздничного обеда. По случаю рождества кают-компания была разукрашена флагами. Вечером повалил густой снег, было холодно и сыро, но никто из живущих на корабле, ни матросы, ни офицеры, не обращал на это внимание. Все были веселы и находили чудесным обед, который состоял из следующих кушаний: суп с томатами, рагу из пингвиновых филе, ростбиф, плум-пуддинг, спаржа, затем подава-

лось шампанское, портвейн и ликеры. За столом сидели до 12 часов и пели хором.

Но 26 декабря Скотт называл положение судна «самым безотрадным». «Мы окружены сплошными льдами огромного объема, — пишет он. — Трудно представить себе более безутешные условия, чем те, в которых мы находимся, но в высшей степени отрадно видеть готовность всех и каждого приложить последние силы, как бы ни были незначительны достигаемые результаты».

«С трудом верится, какая жизнь кишит непосредственно под поверхностью льдов! — восклицает Скотт. — Опущенный в воду невод мгновенно наполняется диатомами (водорослями) и ясно указывает, что пловучая растительная жизнь во много раз богаче здесь, чем в тропических и умеренных морях. Водорослями питаются бесчисленные массы креветок, плавающих у краев каждой льдины и выплескивающихся на перевернутые обломки льда. Эти креветки в свою очередь служат пищей другим созданиям, малым и большим, множеству неизвестных рыб, белому тюленю и птицам. Рыб чрезвычайно много, судя по тому количеству, которое мы изловили на перевернутой льдине, и по тому, что видели наши матросы. Они уверяют, что видели полдюжины рыб, если не больше, длиной по крайней мере с целый фут, которые уплыли под лед. Из млекопитающих нередко встречается вооруженный страшными зубами длинный гибкий морской леопард, в желудке которого, наверное, содержится несколько пингвинов, а может быть и маленький тюлень. Встречается также «касатка», ненасытное и свирепое китообразное животное, которое пожирает всякое другое не слишком большое животное. Касатка в большом числе попадается у берегов. Затем, надо упомянуть о громадных травоядных китах разных видов,

начиная от «синего кита», самого огромного из всех млекопитающих, до других китов меньших размеров и еще не получивших названий. Эти громадные животные встречаются в большом числе, и понятно, какое им требуется количество пищи, а стало быть, и какое несметное множество всякой мелкой твари должны содержать эти моря, чтобы пропитать их. Под этими ледяными полями и в полыньях, где, казалось, царствует мир и спокойствие, свирепствует, как мы видим, все та же непрерывная война, вызванная борьбой за существование».

Скотт рассчитывал высадиться у мыса Крозьер и устроить там станцию, но от этого пришлось отказаться. В день нового года судно, наконец, вышло из пловучих льдов и на всех парусах направилось к югу. Берег с горой Эребус, окутанный облаками, был хорошо виден. К вечеру подошли к «барьеру». Но прибой не допустил высадиться.

«Такая жалость, что нам пришлось отказаться от нашего излюбленного плана! — восклицает Скотт. — Все на этом берегу сулило нам хорошую зимовку. Удобное место для дома, лед, служащий запасом воды, снег для животных, хорошие покатости для бега на лыжах, обширные гладкие каменные площади для прогулок. Близость к барьеру и колониям двух видов пингвинов, удобный подъем на гору Террор, хорошие условия для научных наблюдений, довольно удобный путь на юг, невозможность быть отрезанным и т. д. и т. д. Бесконечно жаль покидать это место!»...

На мысе Крозьер находилась колония пингвинов, и от нее до Птичьего мыса тянулась неприступная, окованная льдом береговая линия. Обходя этот мыс, путешественники открывали знакомые места. Они увидали старый

сигнальный шест, поставленный ими, когда они стояли тут с судном «Дисковери», во время предшествовавшего плавания. Он торчал так же прямо; и когда путешественники сличили все, что видели, со старыми фотографиями, то ни в чем не нашли перемены.

«Приятно было увидеть старые места, — говорит Скотт. — Чувствуется что-то родное в этой обстановке!»

Для зимовки выбрали удобное место в бухте и стали на якоря. Тотчас же после этого было приступлено к выгрузке моторных саней, лошадей и припасов, а затем и к постройке дома у мыса Эванс, названного так Скоттом в честь старшего офицера судна. Мыс этот — один из отрогов горы Эребус. Над ним возвышается ее величественная, покрытая снегом и дымящаяся вершина. Огромные глетчеры спускаются по нижним уступам горы и высокой голубой стеной врезаются в море, синяя поверхность которого усеяна сверкающими ледяными горами и огромными пловучими льдинами. Дальше возвышаются красивые западные горы, со своими многочисленными острыми пиками, крутизнами и глубокими обледенелыми долинами.

«Дивный горный ландшафт, подобных которому мало на свете! — восклицает Скотт. — Все слагается благоприятно для нашей экспедиции, если только нам удастся перевезти наши припасы и провести лошадей мимо Глетчерной косы».

«Сегодня за обедом, — пишет он дальше, — нам подавали котлеты из тюленьего мяса, до того вкусно приготовленные, что невозможно было отличить их от самых лучших говяжьих котлет. Двум товарищам я выдал их за говяжьи, и так как они не сделали никаких замечаний, то я сознался в обмане лишь после того, как они съели каждый по две котлеты. В первый раз я ем тюленье мясо,

не замечая его неприятного вкуса. Вот что значит приготовление! Повар у нас превосходный».

Скотт был преисполнен надеждами на хороший исход своего путешествия.

Действительно, казалось, она была так хорошо обставлена, что должна была иметь успех. Но как обманчивы бывают надежды иногда! Как раз Скотта повсюду ожидали неудачи, и в то время как Амундсен совершал свой путь к полюсу при хорошей погоде и солнечном свете, капитан Скотт должен был бороться с почти непрерывными снежными бурями и сильными морозами — до 47° Ц. ниже нуля.

Скотт описывает следующим образом в своем дневнике отдельные моменты своего путешествия по льду. Это были: соблазнительная теплота спального мешка, шипение походной печки и пар, поднимающийся от кушаний. Замечателен также контраст между маленькой зеленой палаткой, в которой приютились путешественники, и необозримой белой пустыней, погруженной в вечное безмолвие, иногда нарушаемое только завыванием ветра и метели...

Во время одной экскурсии для устройства вспомогательного склада, Скотт описывает свое пребывание в палатке во время метели:

«Крутит снег, сухой, как мука. Достаточно двух минут, чтобы человек превратился в белую фигуру. Но в нашей маленькой палатке удивительно тепло и уютно. Мы только что отлично поужинали, наслаждались на покое трубочкой и дружеской беседой у огня, почти забывая о времени и о завывающей кругом метели. Лежа в наших теплых спальных мешках, мы с трудом представляли себе, какой ад существует там, за тонкой парусиной — нашей единственной защитой от непогоды!».

Это было написано Скоттом в феврале 1911 года. Но как изменилось его положение в конце этого же года, когда он приблизился к полюсу почти через месяц после того, как там уже побывал Амундсен, и как ужасен был обратный путь Скотта!

Первая экскурсия для устройства лагеря окончилась благополучно, хотя путешественники несколько раз подвергались большой опасности из-за изменчивости льда, внезапно отрывающегося от берега, трещин, куда проваливались люди и животные, и, главным образом, из-за бурь и метелей. К счастью, все люди уцелели, погибли лошади и пара собак.

Путешественники приютились в старом доме, построенном в этом месте еще во время плавания на корабле «Дисковери». Дом оказался в довольно сносном состоянии, хотя пришлось все-таки исправить кое-что для лучшего сохранения в нем тепла. Скотт так описывает жизнь в этом старом доме:

«Мы собираемся вокруг огня, сидя на ящиках. Каждый держит в руках большой кусок хлеба с маслом и жестяную кружку с чаем: тепло, уютно, хорошо! Однако, в доме мы остаемся недолго. Мы спешим на работу и возвращаемся часам к пяти-шести с изрядным аппетитом. А в это время наши кулинары хлопочут над приготовлением вкусной жареной тюленьей печенки. Удивительно, как это блюдо не надоедает нам, и каждый вечер мы расхваливаем его. Впрочем, один раз оно оказалось неудачным. Уильсон, всегда проявлявший большую изобретательность в деле приготовления разных кушаний, едва не погубил своей репутации. Он вздумал жарить тюленью печенку в пингвиновом жире, уверяя, что этот жир можно лишить его неприятного вкуса. Достали жир, тщательно

Южно-полярное сияние.

перетопили его. Получился прозрачный, чистый и лишенный всякого запаха жир. Но наружность, как известно, бывает обманчива, и наше кушанье оказалось пропитанным тем особым ароматом, которым отличается мясо этой птицы и о котором лучше не распространяться. Трое из нас оказались героями и все-таки одолели свои порции, но остальные, отведав, решили довольствоваться сухарями с какао».

«После ужина мы часок-другой курим и беседуем. Это приятное и отрадное для души время, когда обмениваются своими воспоминаниями люди, обладающие буквально мировым опытом. Нет почти той земли, которую не изъездил бы тот или другой из нас, но наше положение и наши занятия различны. Часа через полтора после ужина мы удаляемся на покой, раскладываем наши спальные мешки, разуваемся и, залезая в них, нежимся. В наших мешках, сделанных из шкуры северного оленя, удивительно тепло и уютно теперь, когда они совершенно просохли, а в доме сохраняется большая часть теплоты. Благодаря удачному приспособлению ламп и порядочному запасу свечей, мы имеем возможность почитать еще часик или два, плотно закутанные в наши меха».

В доме была найдена кипа смерзшихся иллюстрированных журналов. Когда они оттаяли, то доставили много интересного чтения.

После трехмесячного отсутствия, Скотт с товарищами вернулся на зимнюю стоянку у мыса Эванс.

«Как приятно было очутиться в теплом сухом доме, который показался нам верхом роскоши, настоящим дворцом внутри! Простор, чудное освещение, всякие удобства! — пишет Скотт, — приятно было есть, как едят цивилизованные люди, взять ванну в первый раз после трех месяцев!

Приятно было чувствовать на себе чистое сухое белье и платье! Такие мимолетные часы полного благополучия, — я говорю мимолетные потому, что привычка скоро притупляет чувство удовольствия, — навсегда остаются в памяти каждого полярного путешественника вследствие резкого контраста с перенесенными лишениями».

Время для санных экскурсий прошло и пора было приготовиться к полярной зиме. Скотт очень гордился подбором своих товарищей и не мог нахвалиться ими. Несмотря на то, что его компания состояла из самых разнообразных людей, они все живут очень дружно, и в доме царят веселье и бодрость.

В мае температура стала упорно понижаться, и на небе появилось чудное южно-полярное сияние, но бури свирепствовали очень часто. Начался уже период ночи. Но в доме не унывали. 6 июня, день рождения капитана Скотта, был отпразднован особенно торжественно.

«Я бы, вероятно, забыл об этом дне, если б не мои добрые товарищи, — пишет Скотт. — Все были веселы, разговорчивы. После превосходного обеда разделились на группы, завязались споры, одни говорили о геологии, другие обсуждали политические или военные вопросы; может быть, споры эти и бесполезны, но они доставляют большое удовольствие участвующим. Нельзя без улыбки слушать, каким торжеством звучит голос спорщика, воображающего, что он решил тот или другой спорный вопрос. Молодцы они все, они еще мальчики, но какие они все хорошие! Ни одного сердитого, резкого слова! Все споры кончаются смехом. Нельсон только что предложил Тейлору поучить его геологии за пару носков!».

Зима прошла благополучно, хотя и отличалась большими морозами (— 39°) и бурями. Чуть не погиб Аткин-

сон, который был застигнут метелью не дальше мили от дома, но заблудился и не мог найти обратного пути. Он сильно отморозил себе руку, в то время как бесцельно бродил кругом, ничего не соображая. Он был на волосок от гибели и едва ли бы спасся, если бы продлилась метель. Он пропадал шесть часов и, наконец, его отыскали, но он, видимо, совершенно растерялся и ничего не мог рассказать толком.

Буря иногда длилась по нескольку дней, тогда никто не отходил далеко от дома. Июль кончался, но в августе уже должно было вернуться солнце, и все, естественно, с нетерпением ждали этого времени.

Скотт пришел к заключению, что больше всего страдают от холода самые младшие члены экспедиции. Наилучший возраст для полярных экспедиций, — это 30—40 лет. Людям старше сорока лет, конечно, приятно думать, что Пири было уже 52 года, когда он достиг северного полюса.

15 августа Скотт в первый раз писал уже при дневном свете. 23 августа должно было появиться солнце, и все приготовились к торжественной встрече. Но солнца не видали, потому что буря продолжалась и поднялась сильная метель. Ничего нельзя было разглядеть уже за несколько шагов. И вот, наконец, 26 августа солнце позолотило ледяное поле. Какое это было наслаждение видеть снова яркий солнечный свет, который заливает все. Все точно помолодели, пели и кричали «ура». Кругом все сверкало, и все испытывали прилив необыкновенной бодрости. Какое чудо производят солнечные лучи! Дурная погода становится уже не так страшна. Ведь если сегодня свирепствует буря, то завтра, может быть, проглянет солнце, и опять все будет хорошо! Осенью же и зимой такой надежды на быструю перемену не может быть.

Мысль об Амундсене и о том, что он может раньше притти к полюсу, повидимому, часто являлась у Скотта. Он упоминает об этом в своих письмах, но говорит, что давно решил поступать так, как будто Амундсена не существует. «Мой план был бы расстроен, если бы я пустился вперегонку с ним, — прибавляет Скотт, — к тому же мы, как будто, не затем и пришли сюда! Боюсь только, что через это наша экспедиция много потеряет в глазах публики, но к этому нужно быть готовым. Как никак ведь важно то, что будет сделано, а не людская хвала!»

Весной было сделано несколько экскурсий для устройства на разных расстояниях и в разных местах лагерей с припасами в виду предстоящей большой экспедиции к южному полюсу. Один из таких лагерей назван «Однотонным» потому, что там был устроен склад припасов в одну тонну весом. Много раз метель задерживала экскурсантов, а также разные неприятные приключения с людьми, лошадьми и моторными санями, которые часто ломались и вообще оказались мало пригодными. Но в общем все сошло благополучно.

Особенно много хлопот и неприятностей доставляли путешественникам метели. Скотт говорит: «Эти метели были величайшей неожиданностью. Таких метелей здесь никто из путешественников не испытывал в летнее время. Надеюсь, впрочем, что мы с ними покончили».

Но погода продолжала преследовать путешественников. Вот что пишет в своем дневнике Скотт от 7 декабря: «Метель продолжается. Положение становится серьезным. Корма для лошадей, после сегодняшнего дня, остается всего на один день, так что завтра надо или тронуться в путь или пожертвовать лошадьми . . . Хуже всего то, что мы сегодня уже попользовались частью той провизии, ко-

торая предназначалась для склада на глетчере. Но буря, повидимому, не собирается утихать. Не вижу признака конца, и все согласны со мной, что нельзя двинуться с места. Нельзя не признать незаслуженным такое несчастье! Планы были составлены так тщательно, и принятые меры уже отчасти увенчались успехом, так что если бы нужно было начинать сначала, то я, право, не вижу, что можно было бы в них изменить. Были широко приняты в расчет возможные полосы дурной погоды, сообразно с пережитым опытом. Декабрь здесь ведь лучший из всех месяцев в году, и даже самый осторожный организатор не мог бы предвидеть такого декабря! Ужасно лежать здесь в спальном мешке и думать об этом, в то время, как небо остается сплошь свинцовым и положение все ухудшается... Такое вынужденное бездействие, когда каждый час на счету, хоть кого выведет из терпения! Сидеть тут и смотреть на пятна зеленой плесени на стенах мокрой палатки, на лоснящиеся мокрые предметы, развешанные посредине грязные мокрые носки и другие вещи, видеть печальные лица товарищей и прислушиваться к несмолкаемому шлепанью мокрого снега и к хлесткому хлопанью парусины под напором ветра, чувствуя, как прилипает к телу одежда и все, к чему прикасаешься руками, и знать, что там, за этой парусиной, нет ничего, кроме сомкнутой кругом сплошной белой стены, — вот в чем заключается теперь наше занятие! Если же прибавить к этому горькое чувство при мысли о возможности провала нашего плана, то каждый поймет, конечно, как незавидно наше положение...»

22 декабря Скотт простился со своими товарищами, которые должны были вернуться обратно из лагеря, устроенного на глетчере, на высоте 7.000 фут. С ним остались: Уильсон, Э. Эванс, Отс и Боуэрс. Все они

должны были вместе итти дальше к южному полюсу. На первой странице своего последнего дневника Скотт пометил лета свои и своих товарищей. Ему было 43 года, Уильсону 39, Эвансу 37, Отсу 32, Боуэрсу 28.

Эта последняя часть путешествия началась при сравнительно благоприятных условиях и все бодро поднимались в гору, не чувствуя при этом особенного утомления.

3 января путешественники остановились лагерем на высоте 10.108 фут., до полюса оставалось 150 миль. Здесь они распростились с последними четырьмя спутниками, которых Скотт отправил домой. Он написал в своем дневнике: «Они огорчены, но покоряются и не ропщут. Дальше мы отправимся уже впятером. Пищи у нас имеется на месяц для пяти человек, — этого должно хватить. Нам хорошо итти на лыжах, но те, на своих ногах, не поспевали за нами, поэтому мы подвигались медленнее. Покидающие нас товарищи утром 4 января проводили нас еще некоторое расстояние, на случай, если бы что-нибудь случилось. Но как только я убедился, что у нас все пойдет хорошо, мы остановились и стали прощаться. Один из них даже расплакался, прощаясь с нами . . .»

11 января достигли высоты 10.530 фут. Но путь был мучительный до-нельзя. «До полюса остается всего 74 мили, но выдержим ли мы это мученье еще семь дней, — пишет Скотт. — Мы вконец изнемогаем. Из нас еще никто никогда не испытывал такой каторги. Мы все же имеем шансы на успех, только бы нам осилить работу, но мы переживаем ужасные дни!

«12 января. Ночуем сегодня всего в 63 милях от полюса. Должны дойти до него! Но, ах! если бы только поверхность была лучше! . . Мы, кажется, слегка спускаемся. Заструги такие же, как и раньше; как скучно так надры-

Кап. Скотт на лыжах.

ваться, чтобы сдвинуть с места совсем легкие сани! Но мы все-таки подвигаемся... В воздухе какая-то муть. Солнце едва светит с пасмурного неба, и при таком освещении трудно различить направление. До полюса осталось меньше 40 миль.

«15 января. Мы устроили последний склад. Высота 9.950 фут. Поверхность ужасающая, но мы все-таки прошли шесть миль в четыре часа и три четверти. В нашем последнем складе мы оставляем провизии на четыре дня и кое-какую мелочь. Наш груз теперь очень легок... Странно представить себе, что два больших перехода должны привести нас к полюсу! Дело теперь, можно сказать, верное. Боуэрс продолжает свои наблюдения. Удивительно, как он их разрабатывает, лежа в своем спальном мешке в нашей тесной палатке. Всего 27 миль до полюса! Теперь уже должны дойти!»

Вторник 16 января. Путешественники остановились на высоте 9.760 фут. Мороз был 23 с половиной градуса. С утра шли бодро и прошли 7½ миль. После завтрака собрались в дальнейший путь в самом радужном настроении от мысли, что завтра будет достигнута цель. Вдруг, около второго часа Боуэрс своими зоркими глазами разглядел вдали какой-то темный предмет, который сначала принял за «кэрн». Он встревожился, но затем решил, что это, должно быть, заструга. Через полчаса он уже разглядел впереди какую-то черную точку, и когда путешественники подошли ближе, то оказалось, что это был флаг, привязанный к полозьям саней, и поблизости — остатки лагеря, следы саней, лыж, расходящиеся в разные стороны и ясные следы множества собачьих лап.

«Сбылись наши худшие опасения! — восклицает Скотт. — Другие опередили нас! Вся история как на ла-

дони, — они первые достигли полюса. Ужасное разочарование, и мне больно за своих товарищей. Много чего мы передумали и о многом переговорили. Завтра надо итти дальше, к полюсу, и затем спешить домой с наивозможной скоростью.

«Среда 17 января 1911 года. Температура утром 20°, ночью — 21°. Полюс! Да, мы его достигли, но совсем уже при иных условиях! Мы пережили ужасный день. К нашему огорчению прибавился еще сильный противный ветер, и мои товарищи шли через силу с холодными руками и ногами. Горькое разочарование мешало нам спать, и мы выступили утром в половине восьмого. В воздухе чувствуется странная холодная влажность, пронизывающая в одну минуту до костей. В остальном очень мало перемены против ужасного однообразия последних дней. Что это за ужасное место! Как тяжело сознавать, что за все наши труды мы даже не вознаграждены столь ожидаемым торжеством! Конечно, много значит уже и то, что мы вообще сюда дошли. Мы все-таки устроили пир в честь полюса и испытываем теперь приятное ощущение. Уильсон дал каждому из нас по палочке шоколада и по папиросе. Это было прибавлением к нашему обычному меню».

Наблюдения указали, однако, что Скотт и его спутники ушли на одну милю за полюс и три мили в сторону от него, направо. В этом направлении они увидели палатку, поставленную на расстоянии полуторы мили от полюса. В палатке была оставлена записка, уведомляющая, что там было пять норвежцев, с Роальдом Амундсеном во главе. Это было 16 декабря 1911 года, значит, почти за месяц до прихода Скотта.

Палатка была небольшая, но плотная и удерживалась бамбуковым шестом. Там же находилась еще другая за-

Мы водрузили наш бедный обиженный флаг.

писка, адресованная Амундсеном Скотту, с просьбой доставить его письмо королю Норвегии, Гаакону.

Скотт тоже оставил в палатке записку, извещавшую, что он был здесь с товарищами. Боуэрс снял с нее фотографию, а Уильсон сделал с нее рисунок.

«Мы воздвигли столб из камней и водрузили на нем наш бедный обиженный флаг, — прибавляет Скотт. — Это было нелегко сделать на таком морозе... Я думаю, что полюс лежит на высоте 9.500 фут. Это замечательно потому, что на 88-й параллели мы находились уже на высоте 10.500 фут. Мы сняли флаг, прикрепленный к шесту, и поставили его, по возможности, близко к месту, где должен находиться полюс.

«И вот мы повернулись спиной к цели наших мечтаний! Перед нами лежали 800 миль, которые мы должны пройти пешком, с грузом и разочарованием в душе...

«Прощайте, радужные грезы! ..»

Глава XIII

Обратный путь. — Угнетенное настроение. — Постоянная дурная погода. — Голодание. — Болезнь Эванса и его смерть. — Ужасное путешествие. — Отчаянное положение. — Гибель Отса. — Приближение конца. — Японская экспедиция к Южному полюсу. — Германская экспедиция. — В ледяном плену. — Австралийская антарктическая экспедиция. — Один среди полярной пустыни!

Можно представить себе, с каким тяжелым чувством Скотт и его товарищи возвращались обратно. Победив такие неимоверные затруднения и все же достигнув полюса, они даже не могли радоваться своей победе, потому что она явилась запоздалой почти на целый месяц! Все их усилия не доставили им успеха, и это действовало удручающим образом на их нравственное состояние, вызывало угнетенное состояние, и ослабляло энергию и бодрость, что в связи с упорной дурной погодой и чрезвычайными трудностями пути, явилось, пожалуй, одной из главных причин рокового конца экспедиции, казалось, начавшейся так хорошо.

Один из товарищей Скотта, Эванс, скоро начал обнаруживать признаки сильного изнурения. Он отморозил себе нос, и пальцы у него покрылись пузырями. Вид у него стал понурый, он сильно хандрил и боялся за себя, что уже было нехорошим признаком. Отс жаловался на то, что у него зябнут ноги.

Скотт и его товарищи выступили в обратный путь 19 января, а 24 января Скотт писал: «Опять здоровая вьюга. Пришлось залезть в спальные мешки. Разглядеть следы невозможно, так что пришлось волей-неволей остановиться. Чорт знает, как трудно онемевшими от холода пальцами ставить палатку! До склада всего семь миль, и я был уверен, что мы дойдем до него к вечеру. Не тут-то было! Это вторая буря с того дня, как мы покинули полюс. Не нравится мне это! Неужели это уже означает поворот к осени? Если так, то это очень плохо. Впереди у нас ужасный переход по вершинам при скудной пище. Только Уильсон и Боуэрс составляют мою единственную опору. Не нравится мне, что Отс и Эванс так легко подвергаются действию мороза! . .»

На другой день путешественники к своей великой радости все же нашли склад. Буря продолжала свирепствовать, но вдруг показалось солнце, и это дало им возможность разглядеть старые следы. Они долго возились, откапывая на морозе и ветру сани и снимая палатку, но все же пустились в путь в 11 часов и в третьем часу, к счастью, увидели, наконец, красный флаг склада. Закусив и захватив провизиии на девять с половиной дней, они двинулись дальше. До следующего склада оставалось 89 миль. Но не все было благополучно. У Отса жестоко зябла одна нога, а Уильсон жаловался на боль в глазах. Только Скотт да Боуэрс еще держались бодро. Погода не устанавливалась, и Скотт очень опасался, что заладят метели, обычные в это время года. Эти бури и метели были настоящим страшилищем для путешественников.

«Мы постепенно становимся голоднее, — говорит Скотт. — Не худо бы побольше пищи, особенно ко второму завтраку. Если доберемся в несколько переходов до вто-

рого склада, — до него осталось 60 мил, — то можно будет позволить себе поесть немного больше. Но все-таки нельзя будет сытно поесть до тех пор, пока мы не дойдем до того склада, где у нас положен запас конины. А туда еще далеко, и впереди неимоверно трудный путь!.. Мы порядком исхудали, особенно Эванс, но пока еще не чувствуем изнурения. Мы гораздо больше прежнего говорим об еде и рады будем вдоволь наесться».

В довершение беды Уильсон повредил себе ногу, и она у него распухла, а Эванс отшиб себе два ногтя, что было плохо, потому что руки у него вообще сильно болели. По словам Скотта, Эванс стал не похож на себя с тех пор, как повредил себе руку, и начал малодушничать. Вообще, дело с руками у него было плохо, и это очень беспокоило Скотта. Когда, наконец, дошли до глетчера, то двигаться стало еще труднее. Эванс два раза проваливался в трещину, что очень дурно отразилось на его общем состоянии. Вследствие полученного сотрясения, он как-то отупел и сделался ни на что неспособен. В довершение беды у него сильно разболелся отмороженный нос.

«Мы становимся все голоднее, несмотря на то, что едим три раза в день, — замечает Скотт. — У Эванса нос в таком же состоянии, как и пальцы. Его порезы и раны гноятся, и вообще он проявляет признаки сильного изнурения. Мы 27 дней шли к полюсу и уже 21 день идем оттуда, и, следовательно, почти три недели мы провели при низкой температуре и непрерывном ветре... Мы все очень озябли и в унылом настроении...»

«Такого трудного дня еще не бывало!» — записывает Скотт 11 февраля. — Освещение было плохое с утра, так что все принимало призрачный вид, но чем дальше, тем становилось все хуже, и бедные путешественники, заблу-

дившись, попали в ужасающий ледяной хаос. Целых три часа совались они на лыжах то туда, то сюда, то вправо, то влево, а местность становилась все непроходимее и непро-

„Такого трудного дня еще не бывало!"

ходимее! Скотт сильно приуныл, и минутами ему казалось, что почти невозможно найти выход из этого хаоса. Наконец, к девяти часам вечера они выбрались из него, измученные до последней степени, так как шли двенадцать

часов. Пришлось сократить порции пищи, хотя все устали и были голодны. Но до склада оставалось еще много миль!

На другой день повторилась та же история. Как будто злой рок преследовал путешественников, и они снова угодили в лабиринт трещин и расселин. Вследствие разногласия во мнениях они долго блуждали и, наконец, в девять часов вечера очутились в самом худшем месте из всех. Тогда они решили уже не итти дальше, а тут заночевать, потому что найти при таких условиях склад было немыслимо. Утром, на следующий день они выпили чаю и съели каждый по одному сухарю, оставляя пеммикан на случай крайней нужды. Но в этот день им все-таки улыбнулось счастье: сначала они долго блуждали среди ледяных глыб, но, наконец, выбрались на дорогу, и вдруг Уильсон увидел флаг склада.

«Словно гора свалилась с плеч! — восклицает Скотт. — Теперь у нас была пища на 3½ дня. У всех на душе отлегло. Нужно ли говорить, что мы немедленно сделали привал и поели как следует . . .»

Однако, изнурение и недостаточное питание уже давали себя чувствовать, и Скотт сознается, что все работают теперь плохо. Всех больше беспокоил его Эванс, которому становилось все хуже. На ноге у него показался огромный пузырь, и пришлось задержаться, чтобы приспособить для него обувь. Он был голоден так же, как и остальные, но увеличить порции было нельзя, скорее надо было сократить их. 16 февраля Скотт высказал подозрение, что ум Эванса несколько помрачился. В самом деле, он стал совсем не похож на себя! Куда девалась его обычная самоуверенность? «Все еще может кончиться хорошо, если мы завтра пораньше достигнем склада, — прибавляет Скотт. —

Но иметь при себе больного поневоле страшно. Не надо, впрочем, забегать вперед. Мы спим очень мало, и у меня нет охоты писать. До склада осталось не больше 10—12 миль, но погода против нас» . . .

Следующий день, 17 февраля, был действительно ужасным днем. Сначала Эвансу было как будто лучше, и он заявил, по обыкновению, что ему совсем хорошо. Он даже запрягся в сани на своем обычном месте, но спустя полчаса потерял как-то лыжи и должен был бросить сани. Поверхность дороги была ужасная, небо пасмурное, и выпавший снег прилипал к полозьям саней, затрудняя их движение. Эванс отстал, и пришлось остановиться, чтобы он мог догнать сани. Он попросил у Боуэрса кусок веревки, и когда Скотт стал уговаривать его поторопиться, то он даже довольно весело ответил ему. Но спустя некоторое время снова отстал. Заметив, что он остался далеко позади, Скотт сделал привал, чтобы дождаться его. Сначала никто не беспокоился. Заварили чай и позавтракали. Но Эванс не являлся, и тогда все встревожились не на шутку. Они увидели его в большом отдалении и тотчас же побежали к нему все вчетвером на лыжах. Скотт дошел первый и немало испугался, увидев его. Эванс стоял на коленях, одежда была у него в беспорядке, руки обнаженные и обмороженные, а глаза совсем дикие. Когда стали спрашивать, что с ним случилось, то он отвечал, запинаясь, что не знает сам, но думает, что с ним был обморок. Его подняли на ноги, но через каждые два-три шага он снова падал. У него были все признаки полного изнеможения сил. Уильсон, Боуэрс и Скотт побежали назад за санями, а Отс остался возле него. Когда они вернулись, то Эванс уже был почти без сознания. В таком виде его привезли в палатку, и днем он тихо скончался.

Скотт высказывает предположение, что он начал слабеть еще тогда, когда они подходили к полюсу. Его состояние быстро ухудшалось от страданий, причиняемых ему обмороженными пальцами, от частых падений на глетчере, пока он совершенно не утратил всякую бодрость и веру в свои силы. Уильсон же думал, что во время одного из падений он получил сотрясение мозга. Ужасно было так потерять товарища, но в каком отчаянном положении находились бы они, имея на руках больного!

Весь этот ужасно тяжелый путь они постоянно переходили от уныния к надежде. Когда они достигали какого-нибудь склада и могли подкрепить себя пищей, то к ним возвращалась бодрость. Дорога была попрежнему ужасна, и погода не благоприятствовала путешественникам. Скотт не без тревоги подумывал о том, что предстоит им дальше в виде позднего времени года. Осень быстро надвигалась, а сил для борьбы со всеми невзгодами становилось все меньше и меньше.

Задержки на пути происходили часто вследствие трудности находить следы. В одном из складов оказалось мало керосина, и это было очень печально, так как в топливе ощущался недостаток. Да и пищи хотя и хватало, но нужно было бы больше. «У нас почти все разговоры о еде, и только поевши, мы о ней на время забываем, — говорит Скотт. — Положение наше критическое. Может случиться, что даже в следующем складе мы найдем все, что нужно, и опасность будет устранена, но нас все время мучают тяжелые сомнения . . .»

1 марта ночь была чрезвычайно холодная. Мороз 41 с половиной градусов. Холодно было подниматься и пускаться в путь, но зато как день, так и ночь были безоблачны. 2 марта достигли одного склада, но там пре-

терпели разочарование: запас масла оказался очень скудным. При самой строжайшей бережливости его едва могло бы хватить до следующего склада, до которого оставалось еще 71 миля. У Отса сильно разболелись пальцы на ногах, вследствие ужасных холодов. А главное, скоро были потеряны следы, и пришлось итти наугад.

«Положение наше очень опасное, — писал Скотт. — Не подлежит сомнению, что мы не в состоянии совершать экстренные переходы, и что мы нестерпимо страдаем от холода... Что, если нам не выдержать этой каторги! Когда мы вместе, то мы бодримся и стараемся выказать веселость, но что чувствует каждый из нас про себя, об этом можно только догадываться!.. До следующего склада около 42 миль. Провизии у нас есть на неделю, но топлива не более, как на три-четыре дня. Положение ужасное, но никто из нас еще не падает духом, по крайней мере, мы все притворяемся спокойными, но сердце замирает каждый раз, когда сани застревают на какой-нибудь заструге, за которой густой кучей нанесен снег, и они не двигаются с места!.. Боюсь наступления больших холодов. Трудно будет Отсу перенести это. Ниоткуда мы больше не можем ожидать никакой помощи, разве только в виде прибавления к нашей пище из запасов, оставленных в следующем складе. Но будет плохо, если мы и там найдем также мало топлива. Да и дойдем ли мы до него? Не знаю, что было бы со мной, если бы Боуэрс и Уильсон не старались смотреть на все с лучшей стороны!..»

Из этих строк уже видно, что Скоттом начало овладевать уныние. Отсу становилось хуже. Одна нога у него страшно распухла, и он сильно хромал. Ложились спать, поужинав чашкой какао и замороженным, чуть подогретым пеммиканом, а утром выпивали чай с таким же пем-

миканом, стараясь уверить себя, что пеммикан «в таком виде еще вкуснее»!

«До склада еще остаются два больших перехода, — пишет Скотт на одной остановке, — а топливо у нас уже на исходе! Бедный Отс вконец измучен, а мы ничем не можем ему помочь. Может быть, его силы поддержала бы горячая пища, если бы ее было вдоволь. Но боюсь, что и этого было бы недостаточно. Никто из нас не ожидал таких страшных холодов, и больше всех страдает от них Уильсон, пожалуй, главным образом, вследствие самоотверженной преданности, с которой он ухаживает за ногами своего товарища. Мы не в состоянии помогать друг другу. Каждому довольно заботы о самом себе. Мы теперь мерзнем на ходу, когда дорога трудная и ветер насквозь пронизывает нашу изношенную одежду. Но товарищи мои бодрятся, когда мы залезаем в свою палатку. Мы поставили себе задачей довести эту игру до конца, не падая духом, но все-таки тяжело так надрывать свои силы в течение долгих часов и все-таки сознавать, что еле-еле подвигаешься вперед! Мы все твердим: только бы добраться до склада, и плетемся через силу, страдая от холода и чувствуя себя вообще отвратительно, хотя и сохраняя наружно спокойствие. В палатке мы болтаем о всякой всячине, но стараемся не говорить о еде с тех пор, как решили восстановить полные порции. Такое решение рискованно, но мы положительно не в состоянии голодать в такое время . . .

«Бедный Отс уже не в состоянии тащить сани. Он сидит на санях в то время, как мы разыскиваем следы. Но его терпение изумительно. Он никогда не жалуется, хотя ноги причиняют адскую боль. Но он уже редко оживляется, даже в палатке, и вообще стал более молчалив . . ,

Если бы все были в нормальном состоянии, то я бы мог еще надеяться выпутаться как-нибудь. Но бедный Отс страшно связывает нас, хотя и делает все возможное и старается храбриться. Но он, видимо, очень страдает, и одна нога у него в совершенно безнадежном состоянии. Однако, в палатке мы все еще продолжаем разговаривать о том, что будем вместе делать дома!»

Последующие записки в дневнике Скотта становятся безнадежнее с каждым днем. «Все хуже и хуже! — говорит он. — Левая нога Отса ни в каком случае не дотянет. Сколько уходит времени на обувание, и какое мучение, просто ужас! У Уильсона тоже с ногами дело неладно, но это, главным образом, от того, что он так много помогает другим. Главный вопрос для нас: что найдем мы в складе? Если и там окажется мало топлива, боюсь, что наше положение окажется очень скверное...»

Через день после этого 10 марта Скотт пишет, что Отсу стало хуже. «Он обладает редкой силой духа, — говорит Скотт. — Бедняга ведь должен знать, что ему не выжить! Сегодня утром он спросил Уильсона об этом. Уильсон, разумеется, отвечал уклончиво. На самом же деле нет никакой надежды. Но и без него вряд ли мы сможем пробиться. Погода против нас. Наши вещи все больше леденеют, все труднее их делать годными к употреблению! И, конечно, самой большой обузой для нас является бедный Отс. Утром его приходится ждать до тех пор, пока почти совершенно истощится согревающее действие хорошего завтрака. А между тем, следовало бы тотчас же пускаться в путь. Жалость берет смотреть на него, и мы всячески стараемся подбодрить его... Мы достигли склада вчера. Хорошего мало! Недостаток во всем. Кто тут виноват — не знаю! Утро было тихое, но потом началась

метель, и мы вынуждены были остановиться и поставить палатку. Мы провели день в холоде, а кругом бушевала вьюга . . .»

На другой день небо было заложено, но несчастные путешественники все-таки пустились в путь. Однако, скоро потеряли следы, потому что ничего не было видно, и долго бродили наугад.

«Отс, видимо, близится к концу, — пишет в этот день Скотт. — Что нам делать? Мы совместно обсуждали этот вопрос после завтрака. Отс благородный мужественный человек. Он понимает положение, но все-таки просил у нас совета. Что же мы могли сказать ему? Мы могли только уговаривать его итти, пока хватит сил. Под конец нашего совещания я просто-напросто приказал Уильсону дать нам средство покончить с нашими страданиями. Уильсон должен был повиноваться, иначе мы взломали бы его аптечку . . . Провизии у нас остается на семь дней, а до однотонного лагеря надо пройти 55 миль. Между тем осень быстро надвигается. Мороз жестокий, и мы, несомненно, с каждым днем слабеем . . . Должно быть близится конец. Температура понизилась до 43°. Никогда я не предполагал, что в это время года могут быть такие морозы! Снаружи палатки один ужас!

«Я потерял счет числам, — пишет дальше Скотт. — Кажется, сегодня 17 марта. Жизнь наша — настоящая трагедия. Третьего дня, за завтраком, бедный Отс объявил нам, что итти дальше не может, и предложил нам оставить его, уложив в спальный мешок. Конечно, мы не могли этого сделать и уговорили его все-таки пойти. И он пошел, несмотря на невыносимую боль. Мы прошли несколько миль. К ночи ему стало хуже, и мы все поняли, что это конец! Последние мысли его были о его матери,

Он выражал также надежду, что его полк, в котором он служил, будет доволен мужеством, с каким он встретил смерть. Действительно, он в течение многих недель, без жалоб переносил жестокие страдания и до самого конца был в состоянии разговаривать о посторонних предметах, охотно делая это, не дозволяя себе подчиняться безнадежному отчаянию. И конец он встретил необычайно мужественно. Он заснул в надежде уже не проснуться утром. Но все-таки проснулся! Снаружи палатки бушевала вьюга. Он сказал: «Пойду пройдусь, может быть, вернусь не скоро! ..» Он вышел в метель, и мы больше его не видали... Мы знали, что бедный Отс идет на смерть и отговаривали его, сознавая, однако, в душе, что он поступает, как благородный человек, идя навстречу смерти... Мы все надеемся в таком же духе встретить наш конец, а до конца, несомненно, недалеко...

«Я в состоянии писать только за завтраком, да и то не всегда. Холод убийственный, мороз — сорок градусов. Мои оставшиеся товарищи бесконечно добры. Нам всем грозит опасность отморозить руки, ноги и лицо, и хотя мы все еще продолжаем говорить о благополучном исходе, но не думаю, чтобы кто-нибудь из нас верил в душе в возможность такого исхода! .. Мы мерзнем уже на ходу и все время отогреваемся только за едой».

В довершение несчастья метель не прекращалась. Итти было необычайно трудно. Скотт отморозил себе пальцы на правой ноге.

«Достаточно самой малейшей оплошности, чтобы погубить ногу, — говорит он. — Я ее отморозил и даже не заметил. Боуэрс и Уильсон все еще рассчитывают выбраться или только делают вид, — уж право не знаю! Ноги у нас плохи у всех, но нет возможности надеяться на улучшение,

пока нет у нас горячей пищи. Пищи у нас остается на два дня, а топлива еле-еле хватит на один день. Погода же не дает нам пощады . . .».

Это было написано в понедельник 19 марта, за завтраком. Вечером в этот день Скотт и его товарищи кое-как доплелись и остановились в одиннадцати милях от склада. Но во вторник уже нельзя было двинуться из-за свирепой метели. Они весь день пролежали в палатке. Уильсон и Боуэрс решили на другой день пойти в склад за топливом, оставив больного Скотта в палатке. Это была последняя надежда, но ей не суждено было сбыться. Метель не унималась, и выйти было невозможно. Топливо у них уже все вышло, а пищи оставалось лишь на день или два.

В четверг 29 марта Скотт сделал в своем дневнике последнюю запись:

«Непрерывная буря свирепствовала с 21 числа. Каждый день мы готовы были итти. До склада всего только одиннадцать миль, но нет возможности выйти из палатки, так бушует метель! Снег несет и крутит во все стороны. Не думаю, чтобы мы могли еще на что-нибудь надеяться... Мы выдержим до конца, но конец недалеко . . .

«Жаль, но я не думаю, чтобы я был в состоянии писать еще».

Р. Скотт.

Последняя приписка была следующая:

«Умоляю, не оставьте наших близких!»

В то время, как Скотт и его товарищи умирали в палатке, их ждала у однотонного лагеря вспомогательная экспедиция, посланная им навстречу, согласно уговору. Но метель, свирепствовавшая четыре дня, задержала ее в пути.

Экспедиция состояла из двух человек с собаками. Прождав два лишних дня в лагере, экспедиция вернулась обратно, рассчитывая, что Скотт должен непременно притти в лагерь. Итти ему навстречу было рискованно, так как можно было с ним разминуться. Съестных припасов же у экспедиции оставалось лишь столько, сколько могло хватить на возвращение домой, поэтому дальше ждать она не решилась, и как только буря утихла, люди двинулись домой. Вследствие такого рокового стечения обстоятельств Скотт и его товарищи погибли, между тем как помощь была так близка!..

Осень с ее бурными непогодами и морозами не допустила снаряжения другой экспедиции на поиски пропавших путешественников. Волей-неволей пришлось дожидаться весны. И тогда только раскрылась эта ужасная трагедия южного полюса!..

Южный полюс, как и северный, также потребовал жертв, прежде чем сдаться человеку, победоносно ступившему на него ногой. Героическая смерть Скотта доказывает лишний раз, с каким трудом достигается человеком такая победа.

По окончании зимы, т.-е. спустя восемь месяцев после этого, на поиски Скотта и его товарищей отправился третий отряд, который нашел палатку и в ней трех замерзших людей: капитана Скотта, Уильсона и Боуэрса. Тел Отса и Эванса не нашли. Отс, вероятно, отошел от палатки, может быть, на несколько километров и тогда упал обессиленный, и замерз. Тела же Скотта и его двух товарищей были оставлены на том месте, где их нашли. Палатку засыпали снегом и превратили ее таким образом в большой могильный холм. Наверху же поставили крест с краткой надписью.

Скот был серьезный ученый и полярный исследователь, и в научных кругах Англии пользовался большим уважением. Его последняя экспедиция, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, все-таки сделала очень много важных научных наблюдений. Но самые богатые научные результаты были доставлены его прежней экспедицией в южно-полярную область в 1901—1904 году, и эта экспедиция, материалы и документы, которые собраны в нескольких томах, несомненно составляет одно из важнейших событий в истории исследования шестой части света.

За год до выезда экспедиций Скотта и Амундсена к Южному полюсу, т.-е. в 1910 г., отправилась в Антарктику японская экспедиция под начальством лейтенанта Ширафе. Япония, не желавшая в этом отношении отставать от Америки и Европы, снарядила специальный корабль для плавания по южно-полярному морю. Этот корабль назывался «Кайнан-Мару».

Главной целью экспедиции было достижение Южного полюса и лейтенант Ширафе имел намерение опередить других исследователей.

Однако, эту экспедицию постигла неудача. Японский корабль застрял во льдах у берегов земли Виктории, под 70° южной широты. Итти дальше корабль не мог и, прождав несколько времени, вернулся обратно в Австралию для исправления полученных повреждений. Между тем, наступила южно-полярная зима, и надо было ждать лета, чтобы снова отправиться в путь, в область Антарктики. Но в это время пришло известие об открытии Южного полюса Амундсеном, и для разочарованных японцев потеряло смысл путешествие к Южному полюсу; поэтому экспедиция и вернулась обратно.

Одновременно со Скоттом и Амундсеном в южно-полярную область отправилась германская экспедиция на китобойном судне «Дейчланд» (Германия). Предыдущие южно-полярные экспедции выяснили, что море Ведделя, так же как и море Росса, глубоко врезывается в Антарктический материк, но только с противоположной стороны. В виду этого явилось предположение, что маленькая западная Антарктика может быть отделяется от восточной Антарктики каким-нибудь узким проливом. Но этот вопрос можно было решить только путем пересечения всего Антарктического материка, при чем можно было бы пройти и через полюс. Конечно, такая цель была достаточно заманчивой для отважных полярных исследователей, и она-то вызвала организацию немецкой экспедиции в 1911/1912 году, во главе которой встал известный путешественник, исследователь Тибета, Вильгельм Фильхнер.

Однако, участники экспедици не были достаточно опытны в технике полярных путешествий; поэтому летом 1910 года была предпринята ими подготовительная экскурсия на Шпицберген. 16 же декабря 1911 года Фильхнер уже прибыл на своем корабле в море Ведделя, которое он собирался исследовать. Но тут кораблю надо было пробиваться через полосу пловучего льда в 1.200 морских миль шириной, чтобы достигнуть той части моря Ведделя, где его глубина внезапно уменьшается, что указывает на соседство суши. В конце января 1912 года появился первый материковый лед и показалось новое побережье, являющееся продолжением земли Котса к юго-западу и названной «Землей принца-регента Луитпольда». Земля эта, за исключением отдельных темных пятен, была совершенно покрыта льдом, слегка повышаясь к югу и расстилаясь

бесконечной белой равниной. Продолжая свое плавание вдоль материкового льда, представлявшего отвесную ледяную стену, путешественники увидели примыкавшее к ней на западной стороне гигантское ледяное поле, напоминавшее ледяной барьер Росса. Попытка высадиться на берег под 77° южной широты не удалась и чуть не кончилась катастрофой. Ледяное поле внезапно отделилось от ледяной стены, и уплыло в море вместе с ней и вчерне построенное здание для наблюдательной станции. Все же остальное удалось спасти. Спаслись также и люди.

Морозы начались рано, и появился пловучий лед, поэтому Фильхнер отказался от высадки на берег и исследования материка, хотя некоторые из участников экспедиции и предлагали провести зиму на суше. Но Фильхнер на это не решился в виду недостатка угля, съестных припасов и невозможности построить поздней осенью прочное жилище, потому что приходилось слишком торопиться вследствие опасности, грозящей кораблю.

Волей-неволей пришлось обратиться вспять, к Южной Георгии, но тут экспедицию опять постигла неудача: корабль был окружен пловучим льдом и с ним носился по морю, преимущественно к востоку и северу. В этом ледяном плену экспедиция пробыла около девяти месяцев. К несчастью, в это время умер командир парохода, опытный в полярных путешествиях капитан Вазель, участвовавший уже в южно-полярных экспедициях, а затем между отдельными членами произошли раздоры, что мешало успешной работе. Наконец, уже летом 1912 года, корабль, освободившийся из плена, прибыл в Южную Георгию, и оттуда направился в Буэнос-Айрес. Фильхнер объявил путешествие оконченным, но он имел в виду организовать вторую экспедицию в море Ведделя, уже с новыми спутниками.

однако ему не удалось собрать необходимые средства для этого нового путешествия. Корабль был продан австрийской антарктической экспедиции, а Фильхнер собирался примкнуть к новой экспедиции, проектируемой Амундсе-

Перед нами растилалось белоснежное пространство.

ном, в северную полярную область. Война помешала Фильхнеру выполнить это намерение.

Экспедицию Фильхнера следует считать неудавшейся, хотя все-таки ею сделаны некоторые географические открытия и установлено, что южную границу моря Ведделя образует суша и ледяной барьер. По мнению Фильхнера, лучшим местом для доступа на Антарктический материк

является все же море Росса, так как в море Ведделя условия высадки чрезвычайно неблагоприятны.

Кроме этих экспедиций, в южно-полярную область отправилась в 1911 году, в декабре, австралийская антарктическая экспедиция под начальством Дугласа Маусона, одного из участников экспедиции Шекльтона в 1908 году. В этой же экспедиции участвовал и другой спутник Шекльтона, Франк Уайльд. Экспедиция, состоявшая из 17 человек, отправилась на китобойном судне «Аврора» и, достигнув острова Маххари, устроила там станцию беспроволочного телеграфа и оттуда отправилась далее на юг. Вскоре судно попало в пловучий лед, но все же ему удалось из него выбраться и пробраться вперед. Вдали, на юге, путешественники увидали берег, но когда корабль подошел к этой обледеневшей земле, то началась сильная буря, и судно подвергалось страшной опасности. После долгих поисков, наконец, была найдена бухта среди ледяных берегов, и Маусон ввел туда свой корабль. Не теряя ни минуты времени, начали готовиться к высадке и выгружать припасы, так как южно-полярное лето приходило к концу, и надо было торопиться. Через несколько дней корабль ушел к земле Вильгельма II, где высадилась вторая партия экспедиции, под начальством Уайльда, и устроила там свой зимний лагерь. Обе части экспедиции были разделены расстоянием в 2.200 километров и самостоятельно занимались научными работами.

Маусон, вместе с лейтенантом Ниннисом и швейцарцем доктором Мерцом, отправился вдоль берега по неисследованной еще земле короля Георга V и удалился более чем на 500 километров от места зимовки. Перед ними расстилалось белоснежное ровное пространство, освещенное солнцем, сияющим на совершенно безоблачном небе. По-

года была великолепная, и путешественники бодро шли один за другим. Впереди шел доктор Мерц на лыжах и без груза; он должен был исследовать дорогу. За ним шел Маусон, на расстоянии 400 метров, и с ним были сани, запряженные собаками. Позади, с санями, тоже запряженными собаками, шел лейтенант Ниннис. У него на санях находились самые важные для путешественников предметы.

Обыкновенно наибольшей опасности провалиться в какую-нибудь трещину подвергаются идущие впереди, и если первый прошел благополучно, то больше вероятия, что пройдет также благополучно и тот, кто следует за ним. Но случилось как раз обратное. Мерц прошел по снежному покрову, прикрывавшему трещину, не заметив ее. Маусон с санями тоже миновал благополучно опасное место, но все же крикнул Ниннису: «Осторожно! Трещина!» Он заметил, что Ниннис повернул собак несколько в сторону, но что произошло после этого, он не видел. Когда же он обернулся через минуту, то на равнине никого уже не было: Ниннис и сани и все собаки исчезли бесследно! Снова растилалась кругом одна лишь гладкая белоснежная равнина . . .

Маусон остановил своих собак и побежал назад. Тогда он увидал зияющую снежную пропасть. Он осторожно подполз к ее краю и стал звать товарища, но в ответ не раздавалось ни звука. Вскоре прибежал Мерц, и они вдвоем стали звать Нинниса и звали его в течение целых девяти часов. Но везде царило безмолвие, и ни единого стона не слышалось из снежной бездны. Очевидно, Ниннис был сразу погребен под снегом.

Но и положение уцелевших Маусона и Мерца было тоже очень критическое. Вместе с провалившимися са-

нями погибла почти вся провизия, спальные мешки и много других вещей, а до зимнего лагеря надо было итти около 500 километров. Провизии у них могло хватить лишь на десять дней, и кроме того, с ними были истощенные собаки. Конечно, путешественники тотчас же повернули обратно и шли напрягая последние силы, питаясь сначала умиравшими собаками, а когда они были съедены, то маленькими кусочками пеммикана и небольшим сухарем.

Мерц окончательно ослабел к наступлению 1913 года, и Маусон, несмотря на его протесты, положил его на сани и тащил день и ночь. Но 6 января Мерц впал в беспамятство и ночью скончался. Маусон остался один среди ледяной пустыни. Он с трудом передвигал ноги и несколько раз проваливался в трещины, из которых ему удавалось выкарабкаться с нечеловеческими усилиями. Только через двадцать один день ему удалось, наконец, добраться до склада с провизией. Это было его спасением. Тут он мог подкрепить свои силы и немного отдохнуть, и тогда был в состоянии продолжать дальнейший путь. Через неделю он, наконец, увидал океан и вдали черную дымящуюся точку. Это был корабль «Аврора», постепенно исчезавший за горизонтом. Капитан «Авроры» не стал дожидаться возвращения Маусона, опасаясь, что корабль может замерзнуть во льдах, так как лето приближалось к концу. Долго смотрел Маусон вслед удаляющемуся кораблю. Не увозил ли он его товарищей?...

К счастью, достигнув места зимовки, он встретил там семерых участников экспедиции, оставшихся на вторую зиму, чтобы ждать его возвращения вместе со спутниками.

Зима прошла благополучно, и в начале 1914 г. корабль «Аврора» снова остановился у этих берегов, и путешественники вернулись в Австралию.

Полюсы открыты. Заветная цель многих полярных путешественников, которой они добивались ценой стольких неимоверных усилий и бесчисленных жертв в течение многих десятков лет, наконец, достигнута, но интерес к полюсам не ослабел. В нескольких университетах учреждены даже кафедры по изучению полярных областей, так как там могут быть разрешены многие важные вопросы, касающиеся земного магнетизма и др. Исследование полярных стран, так долго и упорно скрывавших свои тайны от человека, продолжается. Победа над полюсами есть одна из важнейших побед человеческого гения над враждебными силами природы и должна будет иметь немаловажное значение для всего мира. Знание явлений земного магнетизма, климата и ветров в полярных областях чрезвычайно важно для точного предсказания погоды на всем земном шаре.

Глава XIV

ГИБЕЛЬ РОАЛЬДА АМУНДСЕНА

В своей автобиографии Амундсен рассказывает, что уже с пятнадцатилетнего возраста он стал мечтать о полярном путешествии. Особенно после того, как прочел книгу знаменитого английского путешественника Джона Франклина. И с этого юного возраста он уже стал готовиться к карьере полярного исследователя, стараясь закалить себя и приучить к холоду, к суровым морозам, укрепить свои мускулы и научиться быстро передвигаться по льду и снегу. Чтобы изучить морское дело, он поступил матросом на парусное судно и плавал в течение трех лет. За эти годы он успел даже побывать в полярных странах и приготовился к экзамену на звание капитана. В 1897 году он поступил первым штурманом на бельгийский пароход «Бельгика», отправлявшийся к южному полюсу.

Во время этого плавания ему пришлось испытать тяжелые лишения и зимовать в тисках антарктических льдов. Почти все на корабле переболели цынгой, и двое людей из команды сошли с ума. Амундсен с особенно теплым чувством вспоминает доктора Кука, того самого, который впоследствии был обвинен в том, что он неправильно приписал себе честь открытия северного полюса. Но во время

этого плавания Кук был на высоте, лечил и поддерживал бодрость и мужество всех и приобрел горячие симпатии всех плававших с ним.

Через два года Амундсен вернулся в Европу, выдержал экзамен на капитана и тотчас же принялся за подготовку своей первой самостоятельной полярной экспедиции. Для этой цели он купил небольшое рыболовное судно «Гойа», к которому был приспособлен газовый двигатель, и решил на нем отправиться искать северо-западный проход, так тщетно искавшийся в течение многих столетий всеми полярными путешественниками.

Но у Амундсена не было средств, и потому он очутился в долгу у многочисленных поставщиков и кредиторов, грозивших отнять у него судно. Тогда он решился на отчаянное средство. Ночью, вместе со своими шестью товарищами, он решил тайком сняться с якоря и бежать в открытое море. Благодаря такому смелому шагу ему удалось довести до конца свое предприятие, открыть северо-западный проход и, вернувшись из своего замечательного путешествия, удовлетворить всех своих кредиторов в Норвегии, заработав много денег посредством чтения в Америке и Европе лекций и докладов о своей экспедиции.

Амундсену было 33 года, когда он вернулся в 1905 г. на родину, стяжав славу полярного исследователя и достигнув своей первой намеченной цели: открытие северо-западного прохода. Однако он этим не удовлетворился и задумал новую экспедицию, а так как Северный полюс был открыт в то время, когда он приготовлялся к этому плаванию, то он тотчас же принял решение отправиться к Южному полюсу, и открыл его.

Вернувшись победителем из этой экспедиции, он стал мечтать о перелете через Северный полюс, из северной

Европы в Аляску, и серьезно занялся подготовкой к этому воздушному путешествию, когда в 1925 году его приятель американец Эллсворт предложил ему дать на расходы по такой экспедиции 100.000 долларов. Как раз в это время ему сообщили о возможности приобрести итальянский дирижабль № 1, названный потом «Норге» (Норвегия). С этой целью он и его товарищ Райсер, Ларлен и Эллсворт вступили в переговоры с итальянским полковником Нобиле, по планам которого был построен дирижабль полужесткой формы и находившийся в течение двух лет под его командованием.

Переговоры после улажения разных недоразумений, возникавших между норвежцами и итальянцами, в конце концов увенчались успехом, и договор был подписан. Нобиле был законтрактован в качестве пилота, и ему назначено было хорошее жалованье.

Однако, приглашение Нобиле в качестве помощника и руководителя дирижабля явилось источником неприятностей для Амундсена и причинило ему большое разочарование. Нобиле предъявлял разные требования, указывающие, что он непременно хотел получить в свои руки командование экспедицией. Очевидно, он преследовал совсем иные цели, нежели Амундсен и его товарищи. Когда весной 1926 г. Амундсен находился на Шпицбергене, чтобы закончить последние приготовления к полету на север, Нобиле вылетел из Рима, и пролетая над Европой к Шпицбергену, всюду рекламировал себя, как «завоевателя Северного полюса». С этою целью он даже взял на борт дирижабля целую толпу газетных корреспондентов, сильно перегрузив таким образом свой воздушный корабль.

7 мая «Норвегия» прибыла в Свальбард на Шпицбергене, и тут Амундсен, в качестве главы экспедиции, принял

над ней командование. Тут ему пришлось довольно резко высказать Нобиле свое мнение о его поступках, и он понял, что, пригласив итальянского полковника, совершил пожалуй, большую ошибку.

Однако, полет из Свальбарда в Аляску завершился благополучно. «Мы пробыли 72 часа в пути почти без сна, — говорит Амундсен, — и моя старинная мечта осуществилась. Возможность перелета через Ледовитый океан, от материка к материку, была доказана. Путь, проделанный воздушным кораблем «Норвегия» исчислялся в 3.391 милю.

Северный полюс был достигнут 12 мая. Лед, сильно расколовшийся, продолжал встречаться и за полюсом, до 86° северной широты, и лишь в некоторых местах он был более компактным. По линии же полета он имел тот же вид, как и между Шпицбергеном и полюсом. На ледяном же полюсе не видно было ни одной капли открытой воды».

Снизившись у берегов Берингова пролива в 1926 году, Амундсен завершил последнюю главу своих великих достижений в полярных областях, на изучение и исследование которых он посвятил тридцать лет своей жизни

В 1928 году была организована новая итальянская экспедиция к Северному полюсу, которая должна была затмить славу Амундсена. Экспедиция отправлялась на дирижабле «Италия» во главе с Нобиле, который был к этому времени произведен в чин генерала, но Амундсен уже не принимал в ней никакого участия. Он остался в стороне и, вероятно, до конца не нарушил бы своего пассивного отношения к этой экспедиции, если бы не роковое стечение обстоятельств, заставившее его выйти из этой

роли и начать действовать, что и было причиной гибели этого великого полярного исследователя.

Когда в конце мая появились первые тревожные слухи об опасном положении дирижабля, который, повидимому, «заблудился» и был захвачен бурей, то, разумеется, тотчас заговорили о необходимости немедленной организации спасательных экспедиций. На призыв о помощи откликнулись все страны. Не мог, конечно, оставаться безучастным и Роальд Амундсен, и когда представитель норвежского министра обороны обратился к нему с просьбой оказать помощь в деле спасения Нобиле и экспедиции «Италии», то Амундсен без малейшего колебания тотчас же ответил:

— Я готов!

И он снова ринулся в полярную пустыню, являясь одним из первых в ряду поспешивших на помощь к погибающим в полярных льдах. Франция предложила ему для этой цели свой трехмоторный гидроплан «Латам», типа летающей лодки.

18 июня Амундсен вылетел из Тромзе, и с тех пор никаких известий о нем не было получено, несмотря на самые тщательные поиски спасательных экспедиций. Находка же в море поплавков гидроплана «Латам», повидимому, окончательно уничтожила все надежды на его спасение.

Амундсен отправился в свое рискованное путешествие, не сообщив никому ни своего маршрута, ни своих намерений. Очень возможно, что это произошло оттого, что он собрался слишком быстро, не желая терять драгоценные минуты на разговоры и сборы. Он просто сказал: «Я готов!», и доказал это. Но возможно, что кроме того тут сыграло роль и его самолюбие великого полярного исследователя. Он был, без сомнения, несколько обижен

тем, что его отстранили от какого-либо участия в организации спасательных экспедиций. Никто до того момента, когда норвежский представтиель заговорил с ним, не обращался к нему ни за советом, ни за руководством, несмотря на его огромный опыт и авторитет в деле полярных путешествий. Что Нобиле, организуя экспедицию, которая была названа немецкими газетами «покушением с негодными средствами», не захотел обратиться за каким-либо советом к Амундсену, это было вполне понятно в виду тех натянутых отношений, которые между ними образовались еще во время полета на «Норвегии». Но что касается спасательных экспедиций, то, разумется, присутствие Амундсена в штабе руководства было бы чрезвычайно полезно. И, может быть, тогда трое самоотверженных людей, он и его спутники, беззаветно кинувшиеся на помощь, не погибли бы, даже не принеся никакой пользы делу спасения.

Катастрофа с дирижаблем «Италия» произошла 25 мая, но уже в июне спасательные экспедиции из разных стран направились в полярные льды. Кингсбей, небольшая деревушка на Шпицбергене, сделалась центром, куда обращались взоры всего цивилизованного мира, с напряженным вниманием следившего за всеми перипетиями полярной драмы. Около полуторы тысячи человек заняты были поисками пострадавших. Двенадцать морских судов: три советских, два итальянских, одно французское, три шведских и три норвежских отправились в Ледовитый океан туда, где предполагали, должна была потерпеть аварию «Италия». В подмогу к морским судам были посланы 15 самолетов: 2 советских, 4 шведских, 3 итальянских, 1 французский, 3 норвежских и 3 финских. Кроме того, американка мисс Бойд, проездом из Тромзе на охоту в Грен-

ландию, предоставила безвозмездно норвежскому правительству зафрахтованное ею китобойное судно «Хобби», специально для поисков «Латама», на котором полетел Амундсен. К сожалению, все эти старания не увенчались успехом: Амундсен и его два спутника пропали бесследно. Но поход наших ледоколов был удачен, насколько это было возможно в данных условиях.

Ко дню своего возвращения в Ленинград ледокол «Красин» сделал около 20 тысяч километров морского пути, при чем большая часть этого плавания совершалась при самых неблагоприятных условиях, за полярным кругом, в областях малоисследованных, а то и совсем даже не исследованных, где на морских картах существует пробел, так как, пожалуй, еще ни одно судно не появлялось в этих местах.

Во время своего плавания «Красин» пробивал себе дорогу через сотни километров ледяного покрова, сковавшего море к северу от Шпицбергена, и не раз терпел сильнейшие штормы.

Как ни было замечательно это плавание само по себе, но еще более замечательно было то, что «Красину» удалось спасти почти половину экипажа, разбитого снежной бурей, дирижабля «Италия». Эти люди выпали из его разрушенной гондолы на лед среди моря, в сотнях километров от земли. Первым спасен был Нобиле и бывшие с ним, а затем были найдены на льдине двое: Цаппи и Мариано; третий же, Мальмгрен, молодой финский ученый метеоролог, умер, по словам Цаппи, гораздо раньше. Он сломал себе руку и ногу и не мог следовать за ними, когда, выпав из гондолы, они пошли, рассчитывая добраться до земли. Мальмгрен, как рассказывал Цаппи, велел будто бы вырыть себе могилу во льду и лег в нее, а своим товарищам

сказал, чтобы они взяли всю его теплую одежду и все припасы и пошли, оставив его умирать одного. Так это было или иначе — неизвестно. Тело Мальмгрена так и не было найдено.

Неизвестна также участь и остальных шести человек, членов экспедиции, которых так и не удалось найти во льдах, и таким образом итальянская экспедиция, доказавшая полную несостоятельность своего руководителя, генерала Нобиле, стоила жизни нескольким человекам и, кроме того, роковым образом вызвала гибель и такого замечательного полярного исследователя, каким был Роальд Амундсен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

В ПОИСКАХ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

Глава I.

Стремление к полюсам. — Отчего Северный полюс был открыт раньше Южного? — Природа полярных стран и ее особенности. — Чудное зрелище. — Где лежат оба полюса? — Животная жизнь в полярных областях. — Первое полярное путешествие. — Усиление интереса к полярным областям. — Северо-западный и северо-восточный проходы. — Экспедиция с целью их открытия 5

Глава II.

Экспедиция Франклина и ее судьба. — Поиски Франклина. — Открытие северного магнитного полюса. — Спор о свободном полярном море. — Искание полюса. — Путешествие на льдине. — Учреждение полярных станций. — Международные полярные конгрессы. — Судьба одной из полярных станций . . . 17

Глава III.

Плавание в северо-восточном проходе. — Путешествие Норденшильда. — Поиски Норденшильда. — Экспедиция «Жаннеты». — Ее судьба. — Исследования Гренландии. — Путешествие Нансена на лыжах. — Датские экспедиции в Гренландию. — Полярный Робинзон 27

Глава IV.

Путешествие Нансена к Северному полюсу. — Корабль «Фрам». — Трудное положение. — Неожиданная встреча. — Экспедиция Андре на воздушном шаре. — Ее исход 52

Стр.

Глава V.

Достижение Северного полюса. — Арктическая лихорадка. — Привлекательность Северного полюса для полярного путешественника. — Мнение Пири о полюсе. — У полюса. — Самая северная могила на земном шаре. — Пири или Кук? — Русская экспедиция 63

Глава VI.

Оазис в ледяной пустыне. — Полярное кладбище. — Самое северное племя. — Любопытная старуха. — Полярная природа. — Жилище эскимосов. — Красный снег 69

Глава VII.

В путь к Северному полюсу! — Гибель Марвина. — Наконец у цели. — Спор из-за полюса. — Неудачные экспедиции 74

Глава VIII.

Великий северный морской путь. — Экспедиция Толля. — Экспедиция Вилькицкого. — Экспедиция Брусилова и Русанова. — Судьба их. — Слова Нансена о стране будущего 83

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ СВЕТА

Глава IX.

Австральный материк. — Мнение Кука об Антарктике. — Возобновление интереса к антарктической области. — Экономические причины. — Русская экспедиция. — Три экспедиции: французская, американская и английская и сделанные ими открытия. — Ворота Антарктики. — Великий ледяной барьер. — Самый южный из вулканов. — Борхгревинк. — Бельгийская экспедиция. — Шествие пингвинов. — Зимовка в Антарктике 89

Глава X.

Возрастание интереса к Антарктике. — Немецкая и английская экспедиция. — Важные научные открытия. — Экспедиция Норденшильда и ее приключения. — Образование международ-

ной полярной комиссии. — Экспедиция Шеклтона. — Приготовление к зимовке. — Восхождение на вулкан Эребус. — Результаты экспедиции Шеклтона. — В южно-полярной пустыне было некогда тепло. — Важные научные открытия. — Новая экспедиция Шеклтона и ее злоключения. — Смерть Шеклтона 110

Глава XI.

Путешествие Амундсена. — Вместо Северного — к Южному полюсу. — У подножия ледяной стены. — Чортов ледник. — На Южном полюсе! — «Польгейм». — Цель достигнута 156

Глава XII.

Борьба за Южный полюс. — Экспедиция капитана Скотта. — Животная и растительная жизнь в полярном море. — Обманчивые надежды. — Горькое разочарование. — Роковой исход. — Трагедия Южного полюса 180

Глава XIII.

Обратный путь. — Угнетенное настроение. — Постоянная дурная погода. — Голодание. — Болезнь Эванса и его смерть. — Ужасное путешествие. — Отчаянное положение. — Гибель Отса. — Приближение конца. — Японская экспедиция к Южному полюсу. — Германская экспедиция. — В ледяном плену. — Австралийская антарктическая экспедиция. — Один среди полярной пустыни! 208

Глава XIV.

Гибель Роальда Амундсена 230

